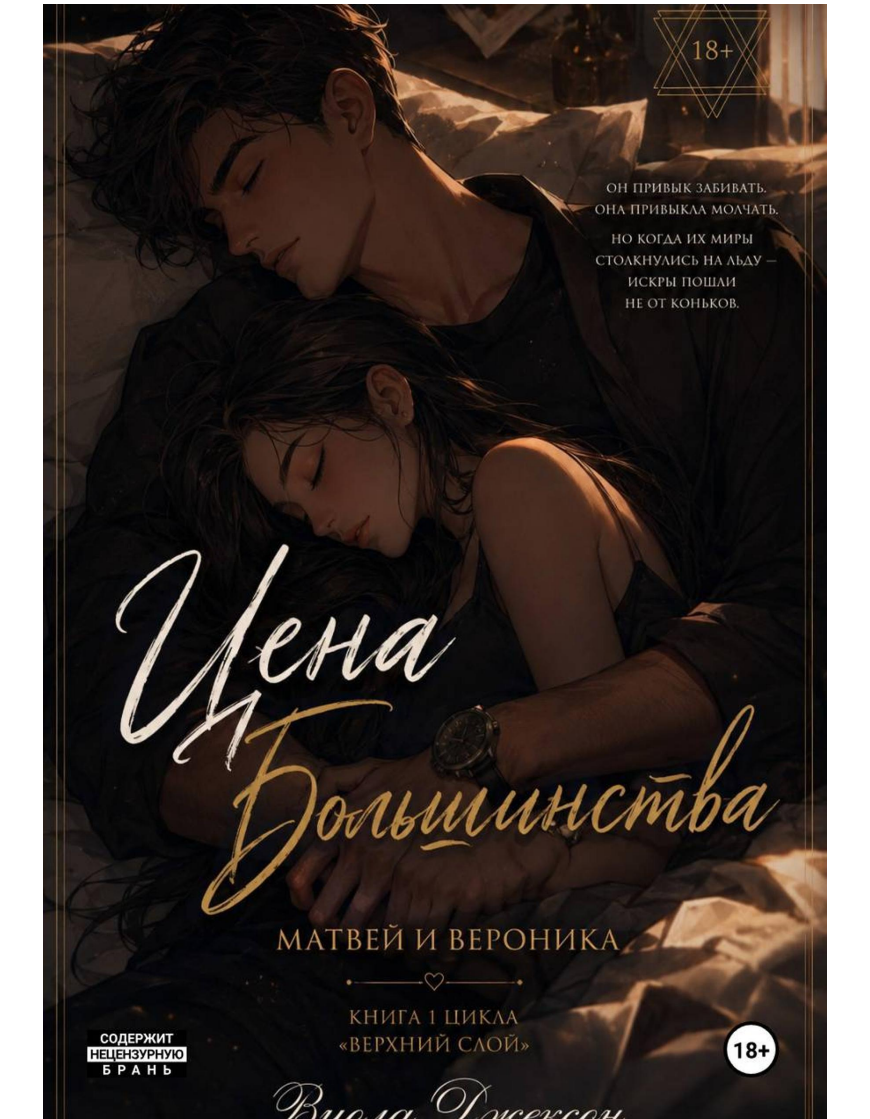

18+

ОН ПРИВЫК ЗАБИВАТЬ.
ОНА ПРИВЫКАЛА МОЛЧАТЬ.

НО КОГДА ИХ МИРЫ
СТОАКНУЛИСЬ НА ЛЬДУ —
ИСКРЫ ПОШЛИ
НЕ ОТ КОНЬКОВ.

Цена Долшинства

МАТВЕЙ И ВЕРОНИКА

— ♥ —
КНИГА 1 ЦИКЛА
«ВЕРХНИЙ СЛОЙ»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Гусев

Viola Jackson

Цена Большинства

<https://litres.ru/74324798>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автор: Виола Джексон

Название: Цена большинства (Книга 1 цикла «Верхний слой»)

- Ты даже не представляешь, о чём мечтают такие, как ты, Соболева, - его голос скользит по шее, почти касаясь губами.

- И о чём же, Градов?

- О том, чтобы я их трахнул прямо в раздевалке. И ты не исключение.

Матвей Градов - капитан студенческой хоккейной команды «Айсберг», главный засранец универа и моя личная головная боль.

Грубый. Циничный. Невыносимо красивый.

Он меняет девушек как звенья в составе, а на парах появляется только чтобы поспать.

Я - Вероника. Вечный хаос на двух ногах с диагнозом СДВГ.

Мой мозг работает на трёх вкладках одновременно, я постоянно теряю ключи и могу забыть поесть, уткнувшись в код.

А ещё я младшая сестра Кирилла Соболева - его одноклассника. И это единственная причина, почему Матвей меня пока не убил.

Идиотская студенческая практика заставила нас пересечься.

А его дурацкое пари с друзьями - сыграть мной за две недели
- я услышала случайно.

Содержание

Плейлист	5
Предисловие	7
Глава 1. Вероника	8
Глава 2. Матвей	29
Глава 3. Вероника	50
Глава 4. Матвей	74
Глава 5. Вероника	99
Глава 6. Матвей	126
Глава 7. Вероника	151
Глава 8. Матвей	182
Глава 9. Вероника	210
Глава 10. Матвей	242
Конец ознакомительного фрагмента.	261

Viola Jackson

Цена Большинства

Плейлист

Цена большинства — плейлист к книге 1

1. Bring Me The Horizon — Teardrops
2. Poppy — Lowlife
3. IC3PEAK — Марш
4. Заточка — Грустная сука
5. Molchat Doma — Судно
6. MiyaGi & Эндшпиль — I Got Love
7. Xcho — Моя монета
8. The Neighbourhood — Sweater Weather
9. NYO — Некуда бежать
10. Kazka — Плакала
11. Rauf & Faik — Детство
12. ЛСП — Монетка
13. Zivert — ЯТЛ
14. МУККА — Деньги
15. Ariana Grande — needy
16. Ramil' — Сияй
17. JONY — Комета
18. Artik & Asti — Грустный дэнс

19. Баста — Сансара

20. Imagine Dragons — Birds

Предисловие

Перед вами не сказка про принца и серую мышку. Здесь принц — тот ещё козёл, а мышка кусается. И да, у неё СДВГ, а у него проблемы с башкой — так что пристегнитесь.

Глава 1. Вероника

Ноябрь в Казани — это диагноз.

Серое небо давит на город так, будто лично обижено на всех жителей. Окна запотевают за ночь ледяной коркой, батареи греют ровно настолько, чтобы не замёрзнуть насмерть, но и не настолько, чтобы вылезти из-под одеяла без героического усилия.

Моим героическим усилием сегодня стал брат.

— Вероника, подъём.

Голос Кирилла пробивается сквозь три слоя сна, мою любимую толстовку, натянутую на голову, и привычку моего мозга игнорировать всё, что не подкреплено дедлайном или опасностью.

Я мычу нечто нечленораздельное.

— Если ты не встанешь сейчас, — Кирилл бесцеремонно стягивает с меня одеяло, и ноябрьский воздух вгрызается в кожу, — ты опоздаешь. В третий раз на этой неделе. Препоп по типографике тебя уже ненавидит.

— Он меня ненавидел ещё на первой паре, — ворчу я, не открывая глаз. — Я ему презентацию принесла в формате. txt, потому что забыла пересохранить. Это была месть.

— Это был твой СДВГ в действии.

— Не смей диагностировать меня, пока я не выпила кофе.

Кир смеётся. Я слышу это даже сквозь вату в голове. Он

стоит в дверях моей комнаты — высокий, спокойный, собранный. В отличие от меня, он уже в джинсах, худи и с рюкзаком за плечом. Волосы уложены (я подозреваю, что он вообще спит с укладкой, потому как иначе объяснить эту утреннюю собранность невозможно).

— У тебя пятнадцать минут, — бросает он. — Я подброшу до техникума, мне всё равно на тренировку по пути.

— Ты святой человек, — бормочу я, наконец выныривая из остатков сна.

— Я просто не хочу, чтобы мама снова ныла про то, что ты шатаешься по утрам одна.

Мама — врач. Она умеет ныть профессионально, с постановкой диагноза на выходе.

Я открываю глаза.

Мир врывается всеми своими вкладками сразу.

Мысль первая: где телефон.

Мысль вторая: где зарядка от телефона, потому что он точно разрядился.

Мысль третья: где та пара носков, которая не спадает с ноги.

Мысль четвёртая: какой сегодня день?

Мысль пятая: боже, у меня сегодня три пары и практика после, я не сдала макет.

Мысль шестая: стоп, какой макет?

Мысль седьмая: точно, тот самый, с кривыми шрифтами.

Мой мозг работает как браузер с тремя десятками вкла-

док, и на каждой — своё видео, своя музыка и своя паника. Единственный способ не сойти с ума — научиться переключаться между ними быстрее, чем они начинают зависать.

Я переключаюсь.

Пятнадцать минут — это челлендж. Я принимаю его.

В ванной я чищу зубы, одновременно проверяя телефон (нашла под подушкой, зарядка — в розетке у кровати, я втыкала её вчера вслепую и попала, это маленькая победа), листая сообщения в универской группе (там традиционный хаос: кто-то потерял наушники, кто-то спрашивает домашку, кто-то скинул мем про сессию) и пытаюсь вспомнить, где я оставила свои нормальные джинсы.

Джинсы находятся на стуле. Под ними — свитер, который я вчера надела, сняла и почему-то решила, что он чистый. Он не чистый. На нём пятно от энергетика, которым я запивала дедлайн ночью.

Черт.

Перебираю шкаф. Нахожу чёрные джинсы (надеюсь, они чистые — нюхаю, вроде да), огромный свитер оверсайз (мой любимый, он как объятие), и наушники — вот они, на шее, потому что я их снимаю только в душе, и то не всегда.

Волосы собираю в пучок на скорую руку. Макияж? Ха. Максимум — тональный, который я найду в косметичке, если косметичка не уехала под кровать.

Косметичка под кроватью.

Я падаю на колени, выуживаю её, наношу тональный паль-

цами (кисти потерялись где-то в параллельной вселенной), тушь — одним глазом, вторым — чуть позже, потому что чихаю в процессе.

Обуваюсь в прихожей, теряя одну кроссовку. Нахожу её под вешалкой. Вторую — в ванной. Я не спрашивай, как она туда попала.

Кирилл стоит у двери с ключами в руках и выражением лица «я видел вещи и пострашнее, но это близко».

— Ты готова?

— Я никогда не готова, — честно отвечаю я. — Но я одета и пристёгнута к реальности. Это максимум на сегодня.

Мы выходим.

Ноябрь бьёт в лицо сырым холодом. У подъезда — его белая «Киа», старенькая, но надёжная, как сам Кирилл. Я забираюсь на пассажирское, втыкаю наушники в уши, хотя музыку пока не включаю — просто чтобы они были на месте.

— Пристегнись, — командует Кир.

— Ты моя совесть.

— Кто-то должен.

Он выруливает со двора. Наш район — спальный, тихий, с вечными лужами и бабушками у подъезда. Машина едет по Чистопольской, и я смотрю в окно на знакомые вывески: «Эссен», «Бахетле», вечные пробки у Кремля вдалеке.

В моей голове снова открываются вкладки.

Вкладка «универ»: сегодня типографика, веб-дизайн и практика. Практика, блин. Нас распределили по каким-то

компаниям, и мне достался IT-отдел в каком-то бизнес-центре. Я уже потерял бейдж, который выдавали на вводной.

Вкладка «еда»: я не ела с вчерашнего обеда. Надо что-то купить по пути.

Вкладка «брат»: Кир сегодня какой-то слишком бодрый. Что с ним? У него есть кто-то? Нет, он бы сказал. Или не сказал. Он вообще молчаливый, как партизан на допросе.

Вкладка «паника»: фоновая, работает постоянно.

— Ты сегодня на тренировку? — спрашиваю я, чтобы отвлечься.

— Да. Лёд с утра, потом тактика.

— Как там твои... — я кручу пальцем в воздухе, подбирая слово, — хоккеисты?

— Живы, — Кир усмехается. — Градов вчера чуть не убил Ника за то, что тот пропустил штангу.

— Классика.

Матвей Градов. Капитан. Главный засранец универа. Я его видела пару раз мельком — высокий, широкий, с вечно нахмуренными бровями и таким взглядом, будто весь мир должен ему деньги. Мой брат с ним общается нормально, что меня иногда удивляет. Кирилл вообще со всеми общается нормально, но про Градова он говорит каким-то особенным тоном. Как будто знает что-то, чего не знаю я.

Я не спрашиваю. Кир не рассказывает. У нас в семье это называется «уважение личных границ», хотя на деле — «каждый сам разбирается со своим дерьмом».

Мы подъезжаем к техникуму.

Здание советской постройки, серое, с облупившейся штукатуркой и вечной толпой студентов на крыльце. Моя альма-матер, куда я поступила на графического дизайнера, потому что рисовать в фотошопе получалось лучше, чем общаться с людьми.

Кирилл паркуется не у главного входа, а сбоку, где обычно оставляют машины свои. Хоккеисты. Я вижу знакомый чёрный внедорожник, тонированный, агрессивный — наверняка Градова. Рядом ещё две машины: серая «Хонда» (Дэна, кажется) и синий «Форд» (Тигра, если я правильно помню). А возле внедорожника — картина маслом. Матвей Градов стоит, привалившись к дверце, и целуется с какой-то девушкой. Девушка миниатюрная, светловолосая, в обтягивающем пальто (как она не мёрзнет? мы в Казани, мать вашу!). Он держит её за талию, она — его за шею, и выглядит это так, будто они сейчас сожрут друг друга заживо. Я смотрю на это с полным отсутствием эмоций. Ну, целуется. И что. Градов всегда с кем-то целуется. По слухам, он меняет девушек как звенья в составе — быстро, без сантиментов и с полным игнорированием после финального свистка.

— Не глазей, — бросает Кир, выключая двигатель.

— Я не глазею. Я провожу визуальное исследование человеческой распущенности.

— Это называется «зависть».

— Чему мне завидовать? — фыркаю я. — Тому, что кто-

то добровольно трогает Матвея Градова? Благодарю, нет. У меня вкус есть.

Кирилл усмехается, но ничего не говорит. Он выходит из машины, я следом, натягивая наушники на уши и включая что-то белый шум — просто чтобы отгородиться от мира.

Парни замечают брата. Денис «Дэн» Морозов — кудрявый, с вечной лёгкой улыбкой, похож на кота, который знает что-то смешное про всех вокруг. Он машет Киру и кивает в мою сторону с лёгким любопытством. Артур «Тигр» Ветров — огромный, молчаливый, с татуировками, которые видны даже под воротником куртки. Он просто смотрит. Ничего не говорит. Тигр вообще редко говорит. Когда он говорит, лучше слушать. Никита «Ник» Власов — красавчик с обложки, в модной парке и с идеальной укладкой (в такую погоду! как?). Он что-то вещает про вчерашнюю игру, активно жестикулируя. И Градов. Он отлипает от девушки (та что-то говорит, он отвечает односложно, и она уходит, обиженно цокая каблуками — даже я слышу это через наушники), переводит взгляд на нашу сторону. На меня. Всего на секунду. Взгляд скользит, как по пустому месту, и возвращается к Кирию.

— Соболев, ты проспал? — бросает Градов. Голос низкий, хриплый с утра, без тени вежливости.

— Не твоё дело, капитан.

— Моё, когда ты вечно на раскатку опаздываешь.

— Я не опаздываю. Я приехал за пятнадцать минут до на-

чала, в отличие от некоторых, кто тратит время на... — Кир кивает в сторону уходящей девушки, — непроеизводственные нужды.

Ник ржёт. Тигр молчит, но уголок его губ дёргается. Градов усмежается, но беззлобно. С Кирой он какой-то другой. Мягче, что ли? Или это кажется. Я стою в стороне, в наушниках, делая вид, что меня здесь нет. Максимально невидимый режим. Я в нём профессионал.

— Привет, Вероника, — вдруг говорит Дэн. Громко, через весь пятак. И машет мне.

Я внутренне вздыхаю. Вынимаю один наушник.

— Привет.

— Как дела? Макеты сдали?

— Почти.

— Это «почти» означает «нет», — улыбается он. Дэн вообще часто улыбается. Он единственный из всей этой компании, кто разговаривает со мной как с человеком, а не как с «младшей сестрой Соболева».

— Это означает «я работаю над этим», — поправляю я.

— То есть сидишь в тиктоке и красиво страдаешь.

Я не отвечаю. Потому что правда. Градов снова смотрит на меня. Теперь дольше. Взгляд тяжёлый, сканирующий — как будто он пытается прочитать что-то у меня на лбу.

— Твоя сестра? — спрашивает он у Кирилла. В голосе ноль интереса. Просто констатация факта.

— Моя, — коротко отвечает Кир. В его тоне — предупре-

ждение. Негласное, но стальное: «не тронь».

Градов кивает. И отводит взгляд. Всё. Я для него — мебель. Часть интерьера. Приложение к брату, которое можно игнорировать. И меня это полностью устраивает.

— Я пошла, — говорю я Киру. — Спасибо, что подкинул.

— Не потеряй бейдж.

— Какой бейдж?

Он закатывает глаза.

— Тот самый. Для практики.

Я шарю по карманам. В одном — наушники (вторые, запасные), в другом — жвачка, в третьем — зарядка, в четвёртом... Бейдж. Нашла.

— Я гений, — объявляю я.

— Ты везучая, — поправляет Кир. — Это разные вещи.

Я нацепляю бейдж на свитер, включаю музыку погромче и иду к входу. Спинай чувствую взгляд. Оборачиваюсь через плечо. Градов смотрит на меня. В упор. С непонятным выражением — как будто видит впервые. Я поднимаю бровь. Он отворачивается первым. И я ухожу в техникум, даже не подозревая, что через час случайно услышу разговор, который перевернёт всё. Что через две недели буду вспоминать это утро и думать: вот где надо было повернуть назад. Но я не повернула. Потому что мой разогнанный мозг никогда не выбирает лёгкие пути. Я успеваю сделать ровно семь шагов по коридору, прежде чем в меня врезаются.

— Ронни!

Я узнаю этот голос за секунду до того, как на мою шею обрушиваются тёплые руки, пахнущие ванилью и кофе. Елизавета Воронова — лучшая подруга, человек-солнце, единственная, кто называет меня «Ронни», хотя я тысячу раз говорила, что это звучит как кличка питбуля.

— Лиза, ты меня задушишь, — сиплю я, пытаюсь высвободиться.

— Ты жива! — она отстраняется, держа меня за плечи, и окидывает критическим взглядом. — Хотя выглядишь как человек, который провёл ночь в клубе с вампирами. Бледная, круги под глазами... Ты вообще ела?

— Кофе считается?

— Нет.

— Тогда нет.

Лиза вздыхает так тяжело, будто я лично разрушила её планы на мировое господство. Она высокая, стройная, с русыми волосами, которые всегда идеально уложены (даже в такую погоду, даже в восемь утра). Учится на маркетолога — и это идеальная профессия для неё, потому что Лиза способна продать что угодно кому угодно. Даже меня. Особенно меня.

— Держи, — она сунёт мне в руку бумажный стаканчик. — Купила по пути. Со сливками и сиропом, потому что я знаю, что ты идиотка и забудешь позавтракать.

Я делаю глоток. Это не кофе. Это нектар богов. Тёплый, сладкий, живительный.

— Лиза, я выйду за тебя замуж.

— Ты не в моём вкусе, — она подмигивает. — Давай лучше рассказывай. Что случилось? Ты выглядишь потерянное обычного.

Мы идём по коридору. Наше крыло на втором этаже, и до пары ещё минут пятнадцать, так что есть время.

— Ты не поверишь, — говорю я, делая ещё глоток. — Мой брат сегодня был милым.

— Кирилл? — Лиза округляет глаза. — Тот, который ходит в чёрном и молчит как рыба об лёд?

— Он подбросил меня до техникума. Сказал, чтобы я не ходила одна. Мама, видите ли, переживает.

— О, господи, — Лиза драматично хватается за сердце. — Соболев-старший проявил эмоции. Занесите в календарь.

— А на парковке... — я замялась на секунду. — Там была его команда. Хоккеисты.

— Оооо, — протягивает Лиза. Теперь в её голосе появляется что-то хищное. — И кого ты там видела?

— В смысле — кого?

— Ну, Градова, например. — Она произносит эту фамилию так, будто речь идёт о голливудской звезде. Что, в общем-то, близко к истине. Для половины нашего техникума Матвей Градов — местный знаменитость.

— Целовался с какой-то девушкой у машины, — равнодушно пожимаю я плечами. — Как обычно.

— Красивой?

— Не разглядела. Я больше смотрела, не наступила ли в лужу.

Лиза смеётся. Звонко, заразительно — так, что парочка первокурсников оборачивается.

— Ронни, ты единственный человек в мире, который может видеть Матвея Градова и смотреть под ноги.

— Я ценю свои кроссовки.

— Ты не ценишь ничего, кроме своего ноутбука и дедлайнов.

— Это неправда, — возражаю я. — Я ещё ценю сон. И еду. Когда вспоминаю, что она существует.

Мы поднимаемся по лестнице. Я допиваю кофе и чувствую, как мозг понемногу включается. Вкладки одна за другой приобретают чёткость.

Вкладка «кофе»: закрыта с чувством выполненного долга.

Вкладка «Лиза»: активна, требует внимания.

Вкладка «практика»: мигает красным, напоминая о себе.

Вкладка «Градов»: закрыта. Навсегда. Неинтересно.

— Слушай, — Лиза понижает голос, когда мы сворачиваем в наш коридор. — А что это за практика у тебя сегодня? Та, где бейдж выдавали?

— IT-отдел в «ТатБизнесЦентре», — вздыхаю я. — Буду сидеть с программистами и верстать им макеты, которые они потом всё равно переделают под свои стандарты.

— А я слышала, туда ещё кого-то из программистов-хоккеистов распределили.

Я замираю. Прямо посреди коридора.

— Что?

— Ну да, — Лиза пожимает плечами с видом «какая же ты неосведомлённая». — У них же тоже практика. Кого-то из команды отправили в IT-сферу. Мол, они учатся на программистов, помнишь?

Я помню. Матвей Градов учится на программиста. В том же техникуме, на том же потоке, только на другом факультете. Я знаю это, потому что Кирилл как-то обмолвился. И потому что этот факт всегда казался мне диким — как хоккеист-здоровяк, меняющий девушек как перчатки, может писать код?

— Надеюсь, это не Градов, — говорю я.

— А что? Боишься, что он отвлечёт тебя от работы?

— Я боюсь, что он отвлечёт меня от жизни. Например, своим присутствием.

Лиза хитро улыбается. У неё есть эта привычка — так улыбаться, когда она знает что-то, чего не знаю я.

— Расслабься, Ронни. Даже если это он — вы просто будете сидеть в разных углах. Ты в своём мире, он — в своём.

— В своём мире, где он целуется с девушками на парковке, — бурчу я. — Отлично.

Мы заходим в аудиторию. Типографика. Пара начинается через семь минут, но народу уже полно — все хотят сесть поближе к батарее. Я плюхаюсь на своё обычное место у окна. Лиза рядом.

— Ты сегодня какая-то взвинченная, — замечает она, доставая ноутбук.

— Я всегда взвинченная. Это моё нормальное состояние.

— Нет, сегодня по-другому. Как будто...

Она замолкает, и я чувствую на себе её взгляд. Изучающий. Профессионально-маркетинговый — она так смотрит на аудиторию перед презентацией.

— Что? — не выдерживаю я.

— Ничего, — слишком быстро отвечает Лиза. — Просто ты сегодня выглядишь так, будто что-то должно случиться.

— У меня СДВГ. Я всегда жду, что что-то случится. Обычно — потеря ключей.

Лиза не отвечает. Она просто улыбается и переводит взгляд на преподавателя, который как раз входит в аудиторию. Я выдыхаю. Пара идёт своим чередом. Преподаватель по типографике — мужчина под сорок с вечным недовольством на лице — что-то вещает про кернинг и трекинг, а я пытаюсь не уснуть, одновременно делая заметки и переписываясь с Лизой в телефоне.

Я: Кстати, ты не видела мой бейдж от практики?

Лиза: Он у тебя на свитере, дурочка

Я: А

Лиза: Ронни

Я: Что?

Лиза: Ты сегодня собиралась вообще?

Я: А ты сомневаешься?

Лиза: Ты надела джинсы, которые носила три дня

Я: Это называется «экономлю воду»

Лиза: Это называется «ты забыла постирать»

Я не отвечаю. Потому что она права.

После пары мы выходим в коридор, и я чувствую, как телефон вибрирует. Сообщение от Кирилла.

Кир: Практика в 14:00. Не опаздывай. Я закину тебя.

Я: Ты моя фея-крёстная

Кир: Я твой брат, который устал тебя искать

Я: Я не теряюсь!

Кир: В прошлый раз тебя нашли в библиотеке через два часа после закрытия. Ты спала на стульях.

Я: Это была продуктивная дрёма

Кир больше не отвечает. Видимо, у него началась тренировка. Я убираю телефон и смотрю на Лизу.

— Мне нужен план на сегодня. Чтобы не провалить практику.

— План простой: дойти до места, не потерять бейдж, не вляпаться в неприятности.

— А если я вляпаюсь?

— Тогда позвони мне, и я приду с попкорном.

— Ты ужасная подруга.

— Я лучшая подруга, — поправляет она. — Потому что я знаю, что ты не вляпаешься. Ты слишком занята своим хаосом, чтобы ещё и чужой собирать.

Я задумываюсь над её словами. Она права. У меня доста-

точно своего хаоса, чтобы лезть в чужой. Но сейчас я просто стою в коридоре техникума, пью остывший кофе и думаю о том, где бы найти розетку, чтобы зарядить телефон. После типографики у нас веб-дизайн. Это та пара, на которой я могу расслабиться. Преподаватель — молодой парень, лет двадцати семи, с бородкой и в очках, который всё ещё помнит, каково это — учиться. Он не требует идеальных макетов, он требует мысли. Идеи. Экспериментов. В общем, он позволяет мне быть собой. Сегодня мы разбираем адаптивную вёрстку, и я настолько увлекаюсь, что забываю про всё на свете. Забываю про Лизу, которая сидит рядом и рисует в блокноте какие-то маркетинговые схемы. Забываю про практику, которая ждёт меня после обеда. Забываю про брата, который обещал меня подбросить. Мой мозг в такие моменты работает идеально. Вкладки закрываются одна за другой, остаётся только одна — «код/дизайн», и она открыта на полную мощность.

— Вероника, — голос Лизы пробивается сквозь концентрацию. — Ты сейчас дымишься.

— Это креативный процесс, — не отрываясь от экрана, отвечаю я.

— Это выглядит как транс. Ты вообще дышишь?

Я делаю глубокий вдох, чтобы её успокоить, и возвращаюсь к макету. Мы делаем лендинг для вымышленного кофе-шопа, и я уже придумала анимацию для меню. Если успею накидать код на паре, то дома останется только отпо-

лировать. Преподаватель подходит ко мне, смотрит на экран, одобрительно мычит.

— Хорошо, Соболева. Но убери этот градиент. Он кричит.

— Он должен кричать. Кофеин же.

— Кофеин бодрит, а не орёт. Сделай тише.

Я киваю. Убираю градиент. Становится лучше. Преподаватель уходит, а Лиза шепчет:

— Ты единственная, кому он делает замечания как художнику, а не как двоечнику.

— Это потому что я единственная, кто реально старается.

— А я?

— Ты стараешься продать, а не сделать.

— Справедливо, — соглашается Лиза. — Кстати, о продажах. Ты видела новое расписание практики?

Я замираю.

— Какое ещё расписание?

— То, которое скинули в общую группу десять минут назад.

Я не видела. Потому что я уже час сижу в коде и даже не смотрела в телефон. Открываю мессенджер. Группа «Практика-дизайн/IT» горит десятками сообщений. Листаю вверх, нахожу файл от куратора. Открываю. Таблица. ФИО. Направление. Компания. Кабинет. И в самом низу — примечание. Моё имя есть. Моя компания — «ТатБизнесЦентр», IT-отдел, кабинет 405. И ниже — мелким шрифтом, кото-

рый я сначала не замечаю, а потом он бьёт мне прямо в солнечное сплетение: «Совместная практика: студенты группы П-31 (программирование) и Д-24 (дизайн). Распределение по парам — согласно приложению 2». Открываю приложение 2. Смотрю на свою фамилию. Рядом — чужая.

Соболева Вероника — Градов Матвей.

Я смотрю на экран так долго, что Лиза начинает теревить меня за рукав.

— Ронни? Ты жива? Ронни!

— Мы в паре, — говорю я голосом человека, у которого только что диагностировали неизлечимую болезнь.

— Кто «мы»?

— Я и Градов.

Лиза замолкает. На секунду. Потом она делает лицо, которое я называю «попкорн-тайм». Знаете такое — когда человек понимает, что сейчас начнётся шоу, и он собирается наслаждаться каждым моментом.

— То есть, — медленно говорит она, — ты будешь работать с Матвеем Градовым. В паре. В одном кабинете. Несколько недель.

— Две недели, — поправляю я. В голосе — траур. — Две недели практики.

— Это судьба.

— Это ад.

— Ронни, посмотри на это с другой стороны. Градов — программист. Ты — дизайнер. Вам просто нужно сделать об-

щий проект. Вы даже разговаривать не обязаны.

— Ты не знаешь Градова, — качаю головой. — Он не умеет работать в тишине. Он шумит. Он привлекает внимание. Он... он просто есть, и этого уже достаточно, чтобы выбесить.

— Может, он изменился?

— Люди не меняются за одну ночь. И даже за две недели.

Лиза вздыхает. Она знает, что спорить со мной бесполезно, когда я в таком режиме. Но она также знает, что я преувеличиваю. Как всегда.

— Ладно, — она поднимает руки в знак капитуляции. — Но ты хотя бы попробуй. Если станет совсем невмоготу — попросишь перевода.

— Кого? Градова? Он же капитан. Он везде пролезет. Он, наверное, сам попросил эту пару, чтобы кого-то подкалывать.

— Зачем ему тебя подкалывать?

Я не знаю. Но уверена, что причина есть. Градов никогда не делает ничего просто так. Даже когда кажется, что он просто целуется с девушкой на парковке — за этим что-то стоит. Может, ничего серьёзного. Может, просто желание показать, что он может любую. Я вспоминаю его взгляд сегодня утром. Тот самый, когда он смотрел на меня как на пустое место. А потом — когда обернулся уже у входа. Во втором взгляде было что-то другое. Не интерес. Не враждебность. Скорее... любопытство? Или мне показалось? Не важно.

— Я справлюсь, — говорю я больше себе, чем Лизе. — В конце концов, я умею игнорировать людей. Это моё второе имя.

— Твоё второе имя — «потеряла ключи», — смеётся Лиза.

— Это третье.

Пара заканчивается. Я собираю ноутбук, наушники, телефон (зарядка упала на пол, нашла под стулом — маленькая победа), и мы с Лизой выходим в коридор.

— Ты сейчас на практику? — спрашивает она.

— В два. Сначала хочу перекусить. Ты со мной?

— Не могу, у меня лекция по брендингу. Но удачи тебе, — она обнимает меня. Крепко, по-матерински. — Если что — звони. Даже если просто будет скучно.

— С ним не будет скучно, — бормочу я. — С ним будет нервно.

— Может, это то, что тебе нужно?

Я смотрю на неё вопросительно.

— Твой мозг постоянно ищет стимулы, — поясняет Лиза. — Может, Градов — тот самый раздражитель, который заставит тебя работать лучше?

— Ты сейчас серьёзно предлагаешь использовать Матвея Градова как лекарство от СДВГ?

— Я предлагаю перестать бояться и просто попробовать.

Я не боюсь. Я просто... предвижу неудобства. Ладно. Возможно, я немного боюсь. Но не в том смысле, в котором мож-

но подумать. Я не боюсь его как мужчину. Я боюсь его как человека, который нарушает мой хрупкий порядок. Мой хаос хотя бы управляемый. Градов — это хаос, который не подчиняется никому.

— Увидимся, — говорю я Лизе.

— Удачи, Ронни. И не потеряй бейдж. Опять.

Я проверяю бейдж. Он на месте. Свитер сегодня не снимаю, чтобы не забыть. Выхожу на улицу. Ноябрьский воздух бьёт в лицо, и я натягиваю капюшон. До столовой идти три минуты. Я включаю музыку, чтобы заглушить мысли. Но мысли не слушаются. Градов. Практика. Две недели. Он будет сидеть рядом. Он будет писать код. Я буду рисовать макеты. Мы будем молчать. Это же нормально — молчать? Я вспоминаю его голос сегодня утром. Низкий. Хриплый. Голос человека, который не привык просить — только требовать.

— Не думай об этом, — говорю я себе вслух. — Просто не думай.

Легко сказать. Мой мозг всегда думает. Обо всём. Сразу. Одновременно. И сейчас одна из вкладок мигает ярче всех. Она называется «Градов». И я понятия не имею, как её закрыть.

Глава 2. Матвей

Бизнес-центр на Фучика — стекло, бетон и холодный минимализм. Я паркуюсь на подземной парковке, глушу двигатель и несколько секунд просто сижу, глядя в лобовое. Чёрный «Тойота Хайлендер» — единственное, что я себе позволил после того, как поднялся на платных турнирах. Не новый, но мой. И никому ничего не должен. Ноябрьская Казань осталась наверху, а здесь — искусственный свет, бетонные стены и запах дорогого антисептика. Типичный офисный ад для тех, кто думает, что IT — это круто. Мне плевать. Я здесь на полставки, потому что техникум требует практику, а тренер сказал, что без неё не допустят до плей-офф. Вот и вся мотивация. Выхожу из машины, накидываю рюкзак на плечо. В рюкзаке — ноутбук, пара энергетиков, зарядка и ключи от раздевалки. Ничего лишнего. Я вообще не люблю лишнего. Лифт поднимает меня на четвёртый этаж. Коридоры стерильные, двери стеклянные, везде пропуска и куллеры с водой. Офисный планктон в жилетках и с бейджами шныряет туда-сюда, даже не глядя в мою сторону. Хорошо. Я тоже не смотрю на них. В кабинете 405 уже есть народ. Несколько парней с моего потока — программисты, которых я знаю в лицо, но не более. Мы киваем друг другу, и этого достаточно. Я сажусь к окну, достаю ноутбук, открываю IDE и делаю вид, что меня здесь нет. На самом деле я жду. Куратор — мужик

лет тридцати, с бородой и в очках, фамилию я не запомнил — зачитывает список пар. Дизайнеры + программисты. Общий проект. Две недели. Когда он называет мою фамилию, я не сразу понимаю, что он сказал.

— Градов Матвей — Соболева Вероника.

Соболева.

Я поднимаю голову. Внутри что-то щёлкает. Не потому что я её хочу. А потому что это — Соболева. Сестра Кирилла. Кир — мой второй нападающий (крайний правый если быть точным). Тот, кто прикрывает спину на льду. Тот, кто не задаёт вопросов, когда я выхожу после смены злой как чёрт. Тот, кто просто молчит рядом, и этого молчания достаточно, чтобы не сорваться. Я не трогаю его семью. Это правило. Негласное, но стальное. А теперь это правило собираются сломать. Я смотрю на дверь, будто она сейчас откроется, и войдёт она. Соболева-младшая. Что я о ней знаю? Ничего. Почти ничего. Она мелкая. В смысле — ростом. Носится по коридорам техникума в наушниках, будто за ней гонятся. Говорит слишком быстро, сбивчиво, перескакивает с темы на тему, и у неё вечно потерянный вид. Кир говорил, что у неё СДВГ — какая-то хрень с концентрацией. Ещё он говорил, что она талантливая. Рисует, кодит, делает какие-то дизайны. Мне плевать. Я здесь, чтобы отработать часы и забыть.

— ...поэтому прошу отнестись к проекту серьёзно, — бубнит куратор. — Это не просто практика, это ваш первый

опыт работы в паре. В реальной жизни вы будете взаимодействовать с дизайнерами, и от того, как вы научитесь договариваться, зависит результат.

Договариваться. С Соболевой. Я усмехаюсь про себя. Она даже с собой не может договориться — вечно теряет ключи, забывает, где парковалась, опаздывает на пары. Что мы с ней будем делать? Плевать. Сделаю проект сам. Дизайн — тоже. Я справлюсь. Я всегда справляюсь. Дверь открывается. Я смотрю краем глаза. Соболева. В том самом огромном свитере, который был на ней утром. Волосы собраны в пучок, но несколько прядей выбились и висят как сосульки. Бейдж нацеплен криво. В одной руке — ноутбук, в другой — телефон, который она разглядывает так, будто там ответ на главный вопрос жизни. Она не смотрит по сторонам. Просто идёт к свободному месту, садится, включает ноутбук. Я смотрю на неё. На её руки. Быстро печатают что-то — наверное, пароль, потом открывают файлы. Она не ищет меня взглядом. Она вообще никого не ищет.

— Соболева, — куратор поднимает голос. — Вы в паре с Градовым. Вон он, у окна.

Она поднимает голову. Наши взгляды встречаются. В её глазах — ноль эмоций. Вообще ноль. Как будто она видит пустое место.

— Принято, — говорит она сухо. И отводит взгляд.

Ни улыбки. Ни любопытства. Ни того самого «о, ты тот самый Градов», к которому я привык. Она просто переводит

взгляд обратно на экран. И я чувствую... что? Раздражение? Нет. Удивление? Возможно. Большинство девчонок, когда видят меня, реагируют иначе. Кто-то краснеет, кто-то строит глазки, кто-то наоборот делает вид, что я пустое место — но при этом всё равно смотрит украдкой. Она не смотрит. Я возвращаюсь к своему экрану. Ладно. Плевать. Я здесь не для того, чтобы нравиться Соболевой-младшей. Я здесь, чтобы получить зачёт и забыть.

— Через пятнадцать минут собираемся в малой переговорной, — объявляет куратор. — Обсудим техническое задание.

Я киваю. Достаяю энергетик, делаю глоток. Вкус химии и сахара. За окном — серое небо, крыши, трубы. Казань. Мой город. Район, в котором я вырос — за этими трубами, там, где пахнет гарью и свободой. Центр, где живут мои родители — в другой стороне. Я не был у них три года. И не собираюсь.

— Градов, — кто-то из парней окликает меня. — Ты слышал про новый движок?

— Не интересуется.

— Зря. Там крутые фишки.

Я не отвечаю. Я думаю о другом. О том, что Кир не в курсе, что мы с его сестрой в паре. Надо ему сказать? Или не надо? С одной стороны — он мой друг, и я не хочу, чтобы он узнал от кого-то другого. С другой — если я скажу, он начнёт задавать вопросы. А я не люблю вопросы. Кир знает мою историю. Почти всю. Не потому что я рассказал — он

сам сложил кусочки. Молча. Как всегда. И с того момента он смотрит на меня иначе. Не как на «главного засранца университета». А как на... того, кто пытается выбраться. Я ненавижу этот взгляд.

— Время вышло, — куратор хлопает в ладоши. — Прошу всех в переговорную.

Я закрываю ноут, закидываю в рюкзак, встаю. Соболева тоже встаёт. Я вижу, как она ищет взглядом бейдж — проверяет, на месте ли. Проводит пальцем по карманам, что-то шепчет себе под нос. Потерянный жест. Странная. Мы выходим в коридор почти одновременно. Она — впереди. Я — чуть сзади. И тут я замечаю. Она ходит не как другие девчонки. Не виляет бёдрами, не смотрит на отражения в стёклах. Она идёт быстро, целеустремлённо, как будто за ней кто-то гонится. Но при этом постоянно сбивается с ритма — то замедляется, то ускоряется. В переговорной рассаживаются за длинным столом. Она садится на противоположный конец — максимально далеко от меня. Я усмехаюсь. Понял. Игра в «ты мне никто». Ладно. Пусть. Куратор раздаёт распечатки с ТЗ. Проект — лендинг для местной кофейни. Дизайн — дизайнеры. Вёрстка — программисты. Интеграция — вместе.

— Пары работают самостоятельно, — объясняет куратор. — Я — только на подхвате. Через две недели — защита.

Я читаю ТЗ. Стандартная задача. Ничего сложного.

— Вопросы есть? — спрашивает куратор.

Молчание.

— Тогда приступайте. Оставшееся время можете работать в кабинете или дома.

Я поворачиваю голову к Соболевой. Она смотрит в свой ноутбук. Быстро печатает. В наушниках — я вижу провод, свисающий из-под свитера. Подойти к ней сейчас? Или подождать? Если подойду — начнутся эти дурацкие формальности. «Привет, я твой напарник». «Окей, скинь мне макет». Скучно. Но если не подойду — она сама не придёт. Я это вижу по её позе. Она не из тех, кто делает первый шаг. Я вздыхаю. Собираю вещи.

— Завтра в десять, — говорю я в пустоту, но громко, чтобы она услышала. — В этом кабинете. Приносишь референсы и первый вариант сетки.

Она поднимает голову. Смотрит на меня.

— Я не работаю по утрам, — отвечает спокойно.

— А я не работаю по вечерам. У меня тренировка.

— Тогда давай после обеда.

— У меня лёд до четырёх.

— Тогда в пять.

— В пять у меня восстановление.

Она замолкает. Я смотрю на неё в упор.

— В десять утра, — повторяю. — И не опаздывай.

Она не отвечает. Просто возвращает взгляд к экрану. Я разворачиваюсь и ухожу. В лифте я чувствую, как внутри закипает раздражение. Не на неё. На ситуацию. Почему именно она? Почему именно сестра Кирилла? Внизу, на парков-

ке, я сажусь в машину и несколько минут просто смотрю в стену. Потом беру телефон. Сообщение Дэну.

М: Угадай, с кем меня поставили в пару на практике.

Дэн отвечает через минуту.

Дэн: С кем?

М: С Соболевой. Младшей.

Дэн: Серьёзно?

М: Ага.

Дэн: И как?

М: Никак. Она меня игнорирует.

Дэн: Впервые?

Я не отвечаю. Потому что он прав. Впервые. И это почему-то бесит больше, чем если бы она строила глазки. Я завожу двигатель и выезжаю с парковки. Завтра в десять утра. Посмотрим, кто кого переиграет. Я выруливаю с подземной парковки на Фучика, и ноябрьская Казань встречает меня привычным серым месивом. Моросит. Не дождь, не снег — какая-то мерзкая взвесь, которая за секунду залепляет лобовое стекло. Включаю дворники, они скребут по стеклу с унылым ритмом. Пробки. Конечно, пробки. В час дня в этом городе можно только стоять и медитировать на красные огни. Я откидываюсь в кресле, барабаню пальцами по рулю. В голове — пустота. И это хорошо. Пустота значит, что не надо думать ни о чём важном. О важном я думаю на льду. Там всё просто: шайба, ворота, соперник. Там нет Соболевой с её потерянным взглядом и наушниками, из которых орёт

непонятно что. Телефон вибрирует на пассажирском сиденье. Бросаю взгляд на экран. Кирилл. Принимаю вызов, нажимаю на громкую связь. Кладу телефон на магнитный держатель.

— Слушаю, — говорю коротко.

В динамике — привычный спокойный голос Кира. Он всегда звучит так, будто только что проснулся или вот-вот заснёт. Ровно. Без эмоций.

— Итак, мученик, есть что рассказать?

Я усмехаюсь. «Мученик» — это его любимое. С тех пор, как я ему рассказал про отца, он иногда так называет. Не в насмешку. Скорее как напоминание: «ты держишься, молодец».

— Ну, например, что мне в пару на практику поставили твою сестру, — отвечаю я. — Считается?

Тишина. Секунда. Две.

— Ахуеть, — выдыхает Кир.

Это слово из его уст звучит как приговор. Кир вообще редко матерится. Если уж сказал — значит, реально выпал в осадок.

— И я о том же, — киваю я, хотя он меня не видит.

— И что? — в голосе Кира появляются новые нотки. Я не могу определить — тревога? Настороженность?

— А ничего. — Я пожимаю плечами, смотрю на застывший ряд машин перед собой. — Симпатичная, да, но не в моём вкусе.

Я вру. Не про «симпатичную» — она действительно симпатичная, если присмотреться. Но не в том смысле, в котором обычно. В ней нет вычурности, нет макияжа, нет этих «правильных» черт, за которыми обычно охотятся парни с моего потока. В ней есть что-то другое. Что-то, что я не могу определить. Но Кириллу не обязательно это знать.

— Ты главное аккуратнее с ней, — говорит Кир, и его голос становится жёстче. Стальным. Я слышу в этом тоне брата, который готов порвать любого, кто тронет его сестру.

— Это я уже понял, — отвечаю спокойно. — Она мне ещё нагрубила, когда я предложил время для работы.

— Нагрубила?

— Сказала, что не работает по утрам.

Кир издаёт короткий смешок.

— Это она не грубит. Это она просто есть. Ронни всегда так. Если ей что-то не нравится, она не молчит.

— Я заметил.

— И ты с ней в паре на две недели?

— Две недели практики, да.

— Матвей, — Кир делает паузу. Я слышу, как он выдыхает. — Блядь.

— Твой вербальный словарь сегодня богат.

— Повод есть.

Мы оба замолкаем. Я перестраиваюсь в левый ряд — там чуть быстрее. Дворники продолжают свой унылый танец.

— Кстати, я что звоню, — Кир возвращается к делу. —

Ник к себе зовёт.

Ник. Никита Власов. Наш вратарь. Медийная морда, любитель понтов и дорогих тачек.

— Что он опять придумал? — спрашиваю я без особого интереса.

— Хрен его знает. У него всегда два повода: новый подписчик или новая тачка.

— На него каждый день подписываются, — напоминаю я. Ник ведёт соцсети, снимает хуйню для тиктока, позирует для клубных календарей. У него аудитория как у небольшого блогера. Я не понимаю этого. Вообще. Но Нику нравится, и мне похуй.

— Значит, тачка, — заключает Кир.

Светофор. Красный. Я торможу.

— Во сколько?

— В семь.

— Приеду.

— А, чуть не забыл, — голос Кира снова меняет тональность. Становится... осторожным? Я не уверен.

— Что там?

— Ездили с отцом вчера в торговый центр, матери подарок брать. — Он делает паузу. Драматичную, как мне кажется. — Твоих видели.

Мои пальцы замирают на руле. Всего на секунду. Потом я снова начинаю барабанить.

— Это не новость, они вечно куда-то ездят, — мой голос

звучит ровно. Слишком ровно даже для меня.

— Ты так и не звонил им?

Вопрос повисает в воздухе. Тяжёлый. Липкий.

— Ты же знаешь, не вижу смысла, — отвечаю я.

Кир не давит. Он вообще никогда не давит. Только задаёт вопросы. А я либо отвечаю, либо нет. Сегодня я отвечаю. Загораются зелёный. Я нажимаю на газ.

— Ладно, не суть, — наконец говорит Кир. — Сегодня в семь у Ника.

— Давай, буду.

— И с Ронни... — он снова замирает на полуслове.

— Что «с Ронни»?

— Ничего. Просто будь человеком.

Я усмехаюсь.

— Я всегда человек.

— Спорный вопрос, — Кир тоже усмехается. — Всё, до вечера.

— Давай.

Он сбрасывает вызов. Я еду дальше. Дворники скребут. Дождь со снегом превращается в просто дождь. Казань течёт по стеклу серыми разводами. «Твоих видели». Я сжимаю руль крепче. Мать. Дизайнер интерьеров. Живёт в центре, в квартире с панорамными окнами, которую сама же и оформляла. Отец. Военный. Сухой, жёсткий, правильный. Идеальная семья на идеальных фотографиях, которые мать выкладывает раз в полгода. Я на этих фото не появляюсь уже три

года. С тех пор, как ушёл. Не выгнали. Я сам ушёл. Собрал рюкзак, документы, пару футболок и уехал в свою квартиру — однушку в Ново-Савиновском, которую купил на первые серьёзные деньги с турниров. Маленькую. Тесную. Но мою. Мать звонила. Первые полгода — каждый день. Потом реже. Теперь — раз в месяц. Короткие разговоры ни о чём. «Как дела?» — «Нормально». — «Ешь?» — «Ем». — «Матвей...» — «Мама, мне пора». Отец не звонит вообще. И я не звоню. Есть причина. Кир знает. Дэн знает. В общем только свои. И я не собираюсь расширять этот список. Я сворачиваю во дворы. Моя девятиэтажка — серая, обшарпанная, с вечно сломанным домофоном. Паркуюсь на своём месте — у второго подъезда, под фонарём, который всё равно не горит уже месяц. Выхожу из машины. Холодно. Сыро. Из мусорки у подъезда тянет кислятиной. Дом. Я иду к лифту, но он, конечно, не работает. Третий раз за неделю. Топаю пешком на пятый этаж. В квартире — тишина и полумрак. Я не задергиваю шторы, потому что мне плевать, кто увидит из окна напротив, как я хожу голый. Зато люблю, когда свет с улицы падает на пол. Кидаю рюкзак на диван. Иду на кухню, открываю холодильник. Яйца. Гречка. Кефир. Всё. Достая телефон. Смотрю на часы. Половина второго. У Ника в семь. Значит, есть время поспать. Я падаю на диван, не раздеваясь. Потолок надо мной — серый, с трещиной в углу. И перед глазами — её лицо. Соболевой. То самое выражение, когда она сказала «я не работаю по утрам». Без вызова. Без попыт-

ки меня зацепить. Просто констатация факта. Как будто я для неё — не Матвей Градов, капитан и главный засранец. А просто — помеха. Ненужная деталь в её и без того перегруженном мозге. И это бесит. Почему? Почему меня бесит, что какая-то девчонка меня игнорирует? Я закрываю глаза. Завтра в десять утра. Она придёт. Или не придёт. Если не придёт — я сам пойду к Киру и попрошу, чтобы он повлиял на сестру. Если придёт... Если придёт, я сделаю вид, что её нет. У меня нет времени на Соболеву-младшую. У меня есть лёд, команда и плей-офф. И ни одной свободной вкладки в голове для девчонки с вечно потерянными ключами. Я засыпаю почти мгновенно. Сон приходит тяжёлый, без сновидений. Только перед глазами всё ещё мелькает её лицо. Странное. Неправильное. И от этого — слишком заметное.

Я просыпаюсь от того, что телефон вибрирует на груди. Не гудок — уже десятый подряд звонок, который я проспал. Экран горит. Ник.

— Чего? — хриплю в трубку, даже не глядя на время.

— Град, ты живой там? — голос Власова бодрый, как утренняя зарядка. Бесит. — У меня сбор через час. А ты дрыхнешь, как сурок в норе.

— Который час?

— Шесть. У тебя час, чтобы привести себя в божеский вид.

— Я не собирался в божеский. Я собирался как есть.

— Вот поэтому ты у нас один и страдаешь. Жду, — Ник

сбрасывает.

Я смотрю в потолок. Вот же придурок. Он мог просто сказать «собираемся у меня». Но ему обязательно нужно было драмы. Всегда так. Ник не умеет просто. Ему нужен повод, нужен антураж, нужно, чтобы всё было с размахом. Иногда я думаю, что он выбрал вратаря, потому что там можно эффектно падать и хвататься за шайбу на камеру. Я поднимаюсь. Иду в душ. Вода горячая, почти кипяток — я люблю так, чтобы кожу жгло. Стою под струями, смотрю на плитку. Белая, с серыми разводами. Дешёвый ремонт от застройщика, который я не менял, потому что плевать. В голове — пустота. Не совсем. Где-то на периферии — лёд. Вчерашняя игра. Отец на трибуне. Я не звал его. Он пришёл сам. Как всегда. Сидел в третьем ряду, в чёрном пальто, с идеальной выправкой. Не хлопал. Не кричал. Просто смотрел. А после игры я поймал его взгляд через бортик. В этом взгляде не было гордости. Никогда не было. Было только: «Ты мог лучше». Я мог. Я всегда мог лучше. Для Александра Львовича Градова — всегда недостаточно. Даже когда я забил победный гол в финале чемпионата. Даже когда меня признали MVP турнира. Даже когда меня звали в молодёжку. «Молодец, но мог и три». Три, блядь. Я закрываю воду. Вытираюсь насухо. Смотрю в зеркало. Под глазами — круги. Неделя без нормального сна. Неделя, когда я гонял себя на льду до отказа, до мышечных судорог, до того, что Дэн оттаскивал меня за шкуру со словами «ты что, охренел?». Одеваюсь.

Чёрные джинсы, толстовка с капюшоном, кеды. На улице — снова морось. Казань ноябрьская — город вечных слёз. До Ника ехать минут двадцать, если без пробок. С пробками — все сорок. Я успеваю ровно к семи. Ник живёт в ЖК «Гринхаус» — новостройка с панорамными окнами и подземным паркингом. Квартиру ему родители подарили — у него папа бизнесмен, мама домохозяйка с бриллиантами. Ник никогда этого не стеснялся, но и не выпячивал. Просто жил, как привык. Лифт пахнет дорогим освежителем. Я поднимаюсь на девятый. Дверь открывает сам Ник — в распахнутой рубашке, босиком, с бокалом чего-то прозрачного в руке.

— Град! — он распахивает объятия, хотя мы виделись вчера на тренировке. — Заходи, чёрт возьми. Ты выглядишь как говно.

— Спасибо, комплимент.

— Не за что.

Внутри — гостиная метров сорок, панорамные окна, вид на город. Диваны, которые больше похожи на облака. Телевизор во всю стену. И на журнальном столике — горки закусок, напитки, фрукты. Ник любит размах.

— Ты собрал нас, потому что соскучился? — я падаю на диван, кидаю взгляд на часы.

— А что, повод не крутой? — Ник садится напротив, разливает что-то по бокалам. — Мы неделю не собирались нормально. Ты пропал на льду, Кир в своей медитации, Тигр вообще в берлоге залёг. Скучно.

— Скучно ему, — ворчит голос с кухни.

Выходит Дэн. В простой футболке, джинсах, с вечной лёгкой улыбкой. Он несёт тарелку с нарезанными овощами — потому что Дэн всегда думает о том, что мы жрём. Даже когда мы не думаем.

— Привет, — Дэн кивает мне. — Слышал, ты в паре с Соболевой-младшей.

Я перевожу взгляд на него.

— Кир рассказал?

— А кто ж ещё, — Дэн ставит тарелку на стол. — Он вообще сегодня весь день ходит как ужаленный. То смеётся, то матерится.

— Переживает за сестру, — Ник усмехается. — Боится, что ты её испортишь.

— Я никого не порчу.

— Ты сам это говоришь или тебе кто-то подсказывает?

Я не отвечаю. Потому что знаю, что Ник шутит. У него такой юмор — чёрный, дебильный, иногда на грани. Но свой. Командный. Тот, который понимают только свои.

С кухни доносится шум. Кто-то гремит посудой.

— Тигр там? — спрашиваю я.

— Он самый, — Ник закатывает глаза. — Пришёл и сразу на кухню. Сказал, что я в ебало долблюсь, и начал нарезать салат.

— Ты и долбишься.

— Не отрицаю.

Дверь с кухни открывается, и выходит Артур. Тигр. Огромный. Молчаливый. Но только для чужих. Для своих — он иногда болтливее Ника.

— Град, — он кивает мне, вытирая руки о полотенце. — Выглядишь хреново.

— Все сегодня хотят мне это сказать?

— Потому что это правда, — Тигр садится в кресло, и кресло скрипит под его весом. — Ты неделю гонял себя как проклятый. Что случилось?

Я молчу. Ник и Дэн переглядываются.

— Отец был на игре, — говорит Дэн. Не спрашивает — утверждает.

Я смотрю на него.

— Откуда знаешь?

— Кир сказал. Он его видел.

Я откидываюсь на спинку дивана.

— Ну, был. И что? Он всегда приходит. Смотрит. Уходит.

— И ты после этого неделю убиваешься на льду, — Тигр складывает руки на груди. — Не надо быть гением, чтобы связать.

— Я просто тренировался.

— Ты тренировался так, будто готовишься к войне, — Дэн садится рядом. — Мы за тобой не успевали. Я на вбрасываниях еле стоял.

— А я ловил шайбы лицом, — добавляет Ник. — Потому что ты кидал так, будто они тебе денег должны.

Я молчу. Они правы. Все. Но что я могу сказать? Что каждый раз, когда вижу отца на трибуне, я чувствую себя тем девятилетним пацаном, который только взял клюшку в руки и услышал: «У тебя не получится, ты слабак»? Что я до сих пор помню его кулаки? Что я помню маму с синяком под глазом, которая говорила соседке, что «упала с велосипеда» Что мой дед — мамин отец — однажды приехал к нам, и я слышал сквозь стену его голос: «Ещё раз тронешь дочь или внука — я тебя закопаю, сука. С воинскими почестями». Отец не трогал больше. Ни маму. Ни меня. Но взгляд остался.

— Ладно, — я поднимаю руки. — Сдаюсь. Может, я немного переборщил на этой неделе.

— Немного? — Ник смеётся. — Ты, блядь, в раздевалке после игры упал и не вставал пять минут. Мы думали, ты умер.

— Я отдыхал.

— Ты отключался.

— Это одно и то же.

Тигр молчит, но я вижу его взгляд. Внимательный. Слишком внимательный. Артур вообще редко говорит, но когда говорит — лучше слушать. А когда молчит и смотрит — это значит, он всё понял без слов.

— Кир сказал, ты с его сестрой в паре, — нарушает молчание Тигр.

— Все уже в курсе, — вздыхаю я. — Кир растрещал?

— Он поделился, — поправляет Дэн. — С друзьями.

— Разница есть?

— Есть. Он не рассказывает всем подряд. Только нам. Поэтому что мы свои.

Свои. Семь лет. Семь лет мы вместе. В одной команде. В одном дерьме. На одном льду. Я помню, как Тигр впервые пришёл в раздевалку — здоровый, злой, с татуировками, которые тогда ещё были свежими. Никто не знал, откуда он. Никто не спрашивал. А он молчал два месяца. И только Дэн — наш мозг, наш дипломат — смог разговорить его. С тех пор Тигр для своих — не молчаливый. Он может говорить часами. О хоккее, о тату, о жизни. Он умный, чёрт возьми. Просто не любит открываться первым.

— Ты к ней ничего не чувствуешь? — вдруг спрашивает Тигр.

Я смотрю на него.

— К кому?

— К сестре Кира.

— Она младшая сестра моего друга, — говорю я медленно. — И она немного странная. Что я к ней должен чувствовать?

— Ничего, — Тигр пожимает плечами. — Просто спросил.

Ник хмыкает.

— Ты посмотри на него, Тигр у нас свахой заделался.

— Завали, — беззлобно отвечает Артур.

— А что? — Ник подливает себе ещё. — Может, это судь-

ба. Ты с ней в паре на практике. Две недели вместе. В одном кабинете. Сидите, кодите, рисуете...

— Она дизайнер, я программист. Мы делаем проект. Всё,
— отрезаю я.

— А если она влюбится?

Я усмехаюсь.

— Она меня игнорирует, Ник. В упор не замечает. Сегодня утром на парковке смотрела сквозь меня, как сквозь стекло.

— Вот это поворот, — Дэн поднимает бровь. — Матвей Градов пожаловался, что девушка его не замечает.

— Я не жалуясь. Я констатирую факт.

— Ты жаловался, — Ник тычет в меня пальцем. — Ты пришёл, сел, и сказал, что она тебя бесит.

— Потому что бесит.

— Почему?

— Потому что...

Я замолкаю. Потому что не знаю. Потому что не могу объяснить, почему её равнодушие задевает больше, чем если бы она лезла ко мне с объятиями. Потому что не хочу думать об этом.

— Ладно, — я встаю. — Наливай. Раз уж собрались — выпьем. Но завтра утром на лёд, так что без фанатизма.

Ник улыбается своей хитрой улыбкой.

— О, я знаю, что ты утром на лёд. Но сегодня мы вытаскиваем тебя из недельного запоя.

— У меня не было запоя. Я тренировался.

— Это и есть твой запой, Град, — говорит Дэн тихо. — Ты уходишь в лёд, когда что-то не так. Как в прошлый раз. Как всегда.

Я смотрю на него. Киваю.

— Ладно. Сегодня я отдыхаю. Сегодня я с вами.

— Это наш капитан, — Ник поднимает бокал. — За то, чтобы иногда отрывать задницу ото льда и вспоминать, что есть жизнь.

— За жизнь, — Тигр поднимает свой бокал.

— За команду, — добавляет Дэн.

Я поднимаю свой. Мы чокаемся. И я чувствую, как что-то внутри отпускает. Не полностью. Не навсегда. Но на вечер — да. На сегодня хватит. Завтра — практика. Соболева. Десять утра. Сегодня — свои. И это единственное, что имеет значение.

Глава 3. Вероника

Ноябрьская ночь за окном — густая, холодная, без звёзд. Я сижу на кухне с ноутбуком уже четвёртый час. Точнее, я сижу с ноутбуком, но реально работаю примерно половину этого времени. Остальное — зависаю в соцсетях, переписываюсь с Лизой, смотрю в стену и пытаюсь вспомнить, зачем я открыла фотошоп. Вкладки в голове работают на полную мощность. Вкладка «практика»: открыта, горит красным. Сегодня мы с Градовым обменялись ровно тремя фразами. Он сказал «завтра в десять», я сказала «я не работаю по утрам», он сказал «в десять». Диалог века. Вкладка «макет»: я должна сделать первый вариант сетки до завтра, но вместо этого я смотрю гайды по анимации, потому что мне стало интересно.

Вкладка «Кирилл»: где он? Уже час ночи, а его нет. У Ника, сказал. С командой. Надеюсь, они там не перепили.

Вкладка «еда»: я не ела с обеда. Надо что-то найти в холодильнике.

Вкладка «папа»: он на кухню не заходил уже два часа. Наверное, читает в гостиной. Папа вообще любит читать по ночам. Историк — привычка копаться в документах и книгах до полуночи.

Я открываю холодильник. Творог. Йогурт. Вчерашний суп. Колбаса, которая уже подозрительно пахнет. Беру йо-

гурт и творог, сажусь обратно. В наушниках играет что-то спокойное — Lo-Fi, чтобы мозг не перегревался. Я успеваю съесть ровно три ложки творога, когда в прихожей раздаётся шум. Сначала я думаю, что показалось. Но потом слышу голоса. Два. Один — моего брата, заплетающийся и громче обычного. Второй — низкий, спокойный, командный. Градов. Я вынимаю наушники.

— Вера Николаевна спит? — спрашивает Градов. Голос приглушённый, как будто он специально говорит тише, чтобы никого не разбудить.

— Спит, кроме меня и папы, — отвечаю я, вставая и идя в коридор.

Свет на лестничной клетке тусклый, но я вижу их обоих. Кирилл висит на плече у Матвея, как мешок с картошкой. Глаза стеклянные, улыбка пьяная и довольная. В жизни не видела брата в таком состоянии. Он вообще редко пьёт. А если пьёт — то всегда под присмотром. И сегодня этот «присмотр» — Матвей Градов.

— Мягко говоря, навеселе, — комментирую я.

— Мягко говоря, — соглашается Градов. Он трезв. Совершенно. Даже походка ровная, хотя Кир весит немало.

И тут с кухни выходит папа. Я слышу его тяжёлый вздох раньше, чем вижу лицо. Папа — историк, он умеет вздыхать так, будто подводит итоги целой эпохи. Сейчас он подводит итоги вечера своего сына.

— Добрый вечер, Павел Семёнович, — спокойно говорит

Градов.

Я замираю. Папа кивает.

— Привет, Матвей.

— Вы знакомы? — вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать.

Папа смотрит на меня с лёгкой усмешкой.

— Вообще-то да.

— С каких пор?

— С тех пор, как этот, — папа кивает в сторону Кира, который издаёт нечленораздельный звук, — привёл его знакомиться два года назад. Матвей тогда помогал нам с шкафом.

— С каким шкафом?

— С тем, который в гостиной, — отвечает Градов так, будто это очевидно. — Книжный. Вы с мамой были в отъезде.

Я тупо смотрю на него. Он был у нас дома. Матвей Градов стоял в нашей гостиной и трогал папины книги. Этот факт не укладывается в моей голове.

— Кир, ты как? — папа подходит к сыну.

Кир что-то мычит. Кажется, он пытается сказать «нормально», но получается «нрррмль».

— Понятно, — папа вздыхает. — Спальню помнишь, где его, Матвей?

— Да, — коротко отвечает Градов и уже обращается к Кире: — Пошли.

Он ведёт брата по коридору, поддерживая под локоть. Я иду следом, на всякий случай. Кир спотыкается на ровном

месте, и Градов ловит его с такой лёгкостью, будто брат весит не девяносто килограммов, а детскую игрушку. Мы доходим до спальни Кира. Градов открывает дверь, включает свет.

— Град, — заплетающимся голосом говорит Кир, когда они заходят внутрь. — Ты знаешь, что я тебя люблю?

— Ты уже раз десять это сказал по дороге сюда, — ровно отвечает Градов.

— Нет, ты не понял. — Кир пытается повернуться к нему лицом, но чуть не падает. Градов снова его ловит. — Ты...

— Я понял, — перебивает Матвей. — Давай, дружок, ать-два — ножкой в спальню.

Я стою в дверях, наблюдая за этим цирком. Мой старший брат — спокойный, надёжный, вечно собранный Кирилл Соболев — сейчас напоминает пятилетнего ребёнка, который не хочет ложиться спать.

— Значит так, Кир, — Градов подводит его к кровати. — Всё мне скажешь завтра утром на трезвую голову. А если ты припрёшься завтра на лёд в четыре часа как зомби, у тебя будет и лёд, и земля.

— Ты знаешь, что ты сволочь? — обиженно спрашивает Кир.

— Америку не открыл. Давай в кровать.

Кир пытается стащить с себя толстовку. Руки не слушаются, он дёргает её вверх, потом в сторону, потом вообще запутывается в рукавах и начинает заваливаться. Градов ловит его в последний момент.

— Я сам, — бурчит Кир, вырываясь.

— Да, конечно, сам он, — фыркает Матвей.

— Град.

— Я за него, — спокойно отвечает Градов, помогая брату выпутаться из толстовки.

— Ты сейчас говоришь как Вадим Юрьевич из... — Кир замолкает, пытаясь вспомнить.

— Я понял, из «Молодёжки», — вздыхает Градов. — Всё, Кир, давай в кровать.

— Не хочу, — капризным тоном заявляет брат. — Хочу тебе кое-что сказать.

— Давай с утра, ладно?

— Нет, я хочу сейчас.

— Кирилл Павлович, соизвольте лечь в кровать.

— Я тебя ненавижу, — говорит Кир с такой искренностью, что я почти верю. — Но люблю.

— Не новость. Всё, спать.

Я прикрываю рот ладонью, чтобы не заржать. Вот это зрелище. Мой серьёзный, взрослый, ответственный брат, который всегда читает мне нотации о том, что надо есть вовремя и не терять ключи, сейчас лезет обниматься к Матвею Градову.

— Ты стоишь в дверях? — замечает меня Градов, не оборачиваясь.

— Наблюдаю за историческим моментом, — отвечаю я, давя смех. — Кирилл Соболев впервые в жизни напился до

такого состояния.

— Не впервые, — возражает Градов, укладывая брата на кровать. — Просто ты не видела.

— А ты, получается, видел?

Он поворачивается ко мне. В тусклом свете комнаты его лицо выглядит жёстче, чем днём. Скулы, тени под глазами, взгляд уставший, но цепкий.

— За семь лет всякое бывало, — отвечает он коротко.

Семь лет. Они дружат семь лет. Я знала, что давно, но чтобы семь... Градов поднимает с пола толстовку Кира, аккуратно вешает на спинку стула. Потом подходит к брату, который уже начал посапывать, и поправляет одеяло. Этот жест — такой обыденный, такой... человеческий — никак не вяжется с образом «главного засранца универа». Я смотрю на него и не узнаю.

— Ты не похож на себя, — говорю я вслух.

— В каком смысле? — он выпрямляется.

— В смысле... — я кручу пальцем в воздухе, подбирая слова. — Обычно ты целуешься с девушками на парковке, а не укладываешь пьяных друзей в кровать.

Градов усмехается. Коротко, без тепла.

— Мир не чёрно-белый, Соболева.

— Я не говорила, что чёрно-белый. Я говорю, что ты не вписываешься в свою же репутацию.

— Может, ты просто плохо знаешь меня, — он проходит мимо меня в коридор.

Я иду за ним.

— Я тебя вообще не знаю.

— Вот и не делай выводов.

Мы выходим в прихожую. Папа уже там, стоит у двери.

— Спасибо, Матвей, — говорит папа. — Что привёз и что помог.

— Нормально, Павел Семёнович. Не в первый раз.

— Я знаю, — папа кивает. — Но всё равно.

Градов надевает куртку — чёрную, короткую, явно дороговую, но без логотипов.

— До свидания, — он открывает дверь.

— Подожди, — вырывается у меня.

Он оборачивается.

— Завтра в десять, да? — спрашиваю я.

— Ты же говорила, что не работаешь по утрам, — в его голосе проскальзывает что-то похожее на насмешку.

— Я передумала.

Он смотрит на меня. Несколько секунд. В упор.

— В десять, — повторяет он. — Не опаздывай.

Дверь закрывается. Я стою в прихожей и слышу, как внизу хлопает дверь подъезда, потом урчит двигатель машины, потом тишина.

— Ты знакома с ним? — спрашивает папа.

— Мы в паре на практике.

— А, — папа кивает. — Ну, тогда тебе повезло. Он хороший парень.

Я смотрю на папу.

— Ты говоришь про Матвея Градова?

— А что в нём такого? — папа поднимает бровь.

— Он... — я замолкаю. Что я могу сказать папе? Что Градов меняет девушек как перчатки? Что он главный засранец универа? Что я слышала, как он грубит преподавателям?

Но сегодня я видела другое. Я видела, как он вёл моего пьяного брата домой. Как поправлял одеяло. Как сказал «не в первый раз».

— Ничего, — отвечаю я. — Спокойной ночи, пап.

— Спокойной ночи, Вероника.

Я возвращаюсь на кухню. Ноутбук на столе, йогурт уже тёплый. Я смотрю на экран — макет, над которым работала, кажется теперь чужим. Перед глазами — Градов, поправляющий одеяло на моём брате. «Мир не чёрно-белый, Соболева». Я закрываю ноутбук. Завтра в десять. Впервые за долгое время я не хочу опаздывать. И это пугает меня больше, чем любая потерянная вещь. Завтрак в доме Соболевых — это святое. Не потому что мы религиозные. А потому что мама — врач — свято верит, что правильное питание по утрам лечит всё: от простуды до душевных ран. И поэтому каждый день в восемь утра на столе появляется каша (сегодня овсяная), бутерброды с сыром, яйца, чай и её фирменный взгляд, которым она проверяет, едим ли мы достаточно. Сегодня за столом нас трое. Папа, я и мама. Папа читает новости с телефона, мама наливает чай, я ковыряю ложкой кашу и пытаюсь

понять, успею ли я доделать макет до десяти утра.

— Ты сегодня какая-то тихая, — замечает мама.

— Думаю, — отвечаю я.

— О чём?

— О кернинге.

Мама вздыхает. Она не понимает, что такое кернинг, но знает, что это из моей дизайнерской сферы, и этого достаточно.

— Не перерабатывай, — советует она. — Твоя нервная система и так работает на пределе.

— Моя нервная система, мама, — это двигатель Formula 1 на холостых оборотах. Она всегда работает на пределе.

Папа усмехается, не отрываясь от телефона. И тут в кухню входит Кирилл. Он шатается. Это не преувеличение — он буквально идёт по диагонали, держась за стену одной рукой, второй потирая глаза. Волосы торчат во все стороны, футболка вылезла из джинсов, взгляд остекленевший. Он выглядит как зомби, которого достали из могилы и забыли положить обратно. Папа поднимает голову.

— О, алкоголик проснулся, — говорит он ровным тоном, без капли осуждения, но с такой долей иронии, что я едва не давлюсь чаем.

— Я нихера не помню, — сипит Кир, падая на стул. Буквально падая — как мешок с цементом.

Мама молча ставит перед ним тарелку с кашей и стакан воды. Она знает. Она врач. Она видела похмельных и не та-

ких.

— Даже то, как ты признавался в любви Градову? — спрашиваю я невинным голосом.

Кир замирает. Медленно, очень медленно, он поднимает на меня глаза.

— Чего?

— Буквально, — я откидываюсь на спинку стула, наслаждаясь моментом. — Я помню каждое слово. «Град, ты знаешь, что я тебя люблю?» — я старательно копирую его вчерашнюю заплетающуюся интонацию. — И это было раз десять, если верить самому Граду.

— Ой, бля-я-ять, — выдыхает Кир и закрывает лицо руками.

— Молодой человек! — голос мамы режет воздух, как скальпель. — Имей совесть, не за столом!

— Мам, мне сейчас не до совести, — глухо говорит Кир из-под ладоней. — Мне сейчас стыдно.

— А должно быть стыдно за поведение, а не за слова, — назидательно отвечает мама. — И вообще, кто такой Град? Я его знаю?

— Это прозвище Матвея, — отвечает папа спокойно. — Тот, который два года назад помогал нам с книжным шкафом.

— А, высокий, темноволосый, — мама кивает. — Вежливый молодой человек. Помню.

Я смотрю на маму. Вежливый? Матвей Градов? Мы точно

об одном человеке говорим?

— А ещё ты назвал его каким-то Вадимом Юрьевичем, — продолжаю я добивать брата.

Кир убирает руки от лица. В его взгляде — паника.

— Я серьёзно его назвал Казанцевым?

— А кто это? — спрашиваю я.

— Сериал такой есть, «Молодёжка», — Кир проводит рукой по лицу, пытаясь собрать остатки достоинства. — Это оттуда. Казанцев Вадим Юрьевич, директор клуба «Медведи». Там он постоянно говорил... — Кир замолкает, видимо, понимая, что объяснения делают только хуже.

— Ну хоть память не отшибло, — замечает папа и отпивает чай.

— Пап, ты не помогаешь, — стонет Кир.

— А я и не должен. Ты вчера напился как сапожник, тебя приволок домой друг, которого ты всю дорогу обнимал и признавался в любви. Я имею полное моральное право подкалывать тебя весь день.

— Весь день? — с ужасом переспрашивает Кир.

— Минимум.

Мама качает головой, но я вижу, как уголки её губ подрагивают. Она тоже сдерживает смех.

— Как я вообще домой добрался? — Кир пытается вспомнить. — Я помню, что мы сидели у Ника. Потом... Я что, сам за руль сел?

— Нет, — говорю я. — Тебя привёз Градов. Трезвый. И

вёл тебя до спальни, потому что ты пытался раздеться прямо в коридоре.

— О господи, — Кир падает головой на стол.

— И чуть не грохнул торшер по пути, — добавляю я для полноты картины.

— Торшер? — мама хмурится. — Который от бабушки остался?

— Его спас Градов, — пожимаю я плечами. — Кир пошатнулся, торшер накренился, но Матвей его поймал. Торшер жив, Кир тоже.

— Хотя что-то, — мама вздыхает.

Кир поднимает голову. Глаза красные, на лице страдание.

— Я больше никогда не пью, — объявляет он торжественно.

— Слышали, — папа ставит чашку. — Записали.

— Я серьёзно.

— Ты серьёзно говоришь это каждые три месяца, — напоминает мама.

— Вот теперь точно последний раз.

— Кир, — я кладу руку ему на плечо, изображая сочувствие. — Ты вчера ещё сказал Градову, что ненавидишь его, но любишь. И это было самым связным, что ты произнёс за весь вечер.

Кир смотрит на меня с таким выражением, будто я только что сообщила ему, что его похоронят заживо.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы ты знал масштаб катастрофы.

— Ты жестокая, — он отодвигает тарелку. — Я не могу есть.

— А надо, — мама возвращается к своей врачебной роли. — Похмелье не лечится голоданием. Ешь кашу, пей воду. И не смей даже думать об энергетиках.

— Я думаю только о том, как мне теперь смотреть Градову в глаза, — стонет Кир.

— Так не смотри, — философски замечает папа. — Ты же защитник. Будешь на льду в другом конце площадки.

— Пап, ты не понимаешь. Я назвал его Казанцевым. Казанцевым, блядь!

— Язык! — мама снова подаёт голос.

— Прости, мам.

Я наконец не выдерживаю и начинаю смеяться. Сначала тихо, потом всё громче. Кир смотрит на меня с предательским выражением лица, но я не могу остановиться.

— Ты бы видел себя, — сквозь смех говорю я. — Ты пытался снять толстовку и чуть не убился. Ты просил Градова, чтобы он... чтобы он... — я задыхаюсь от смеха.

— Чтобы он что? — мрачно спрашивает Кир.

— Чтобы он сказал тебе что-то важное, но ты забыл, что именно.

Кир снова закрывает лицо руками.

— Я больше никогда не приду в этот дом.

— Это твой дом, — напоминает мама.

— Тогда я больше никогда не выйду из своей комнаты.

— Как скажешь, — папа встаёт, собирая тарелки. — Но обед на кухне. Придётся.

Кир издаёт звук, похожий на рыдание. Я допиваю чай и смотрю на время. Девять тридцать. Через полчаса у меня практика. С Градовым. И теперь я буду весь день вспоминать вчерашнее и пытаться не заржать ему в лицо.

— Я пошла собираться, — объявляю я и встаю.

— Удачи на практике, — желает мама.

— Не опоздай, — добавляет папа.

— Смотри не потеряй бейдж, — напоследок ворчит Кир.

Я останавливаюсь в дверях и оборачиваюсь.

— Кир, а ты сам-то сегодня на тренировку?

— Да, — он вздыхает. — В четыре.

— Градов сказал, что если ты припрёшься на лёд как зомби, у тебя будет и лёд, и земля.

Кир смотрит на меня.

— Он серьёзно сказал?

— Абсолютно.

— Вот же сука, — шепчет Кир, но в его голосе нет злости.

Есть что-то другое. Уважение? Стыд? И то, и другое.

— Язык! — с кухни снова раздаётся мамин голос.

— Прости, мам!

Я ухожу в свою комнату, всё ещё улыбаясь. За окном — серое ноябрьское утро. Дождь перестал, но небо всё такое же тяжёлое. Я натягиваю джинсы, свитер (не тот, вчерашний

— этот чистый), нахожу носки (с первой попытки, рекорд!), собираю рюкзак. Бейдж. Я смотрю на него несколько секунд, потом цепляю на свитер. Всё. Сегодня — второй день практики. Сегодня — работа с Градовым. И я понятия не имею, чего ожидать. Вчера он поправлял одеяло на моём брате. Сегодня он будет писать код в кабинете 405.

Я выхожу из дома, натягиваю наушники и иду на остановку. В десять ноль-ноль я должна быть в бизнес-центре. И я не опоздаю. Впервые за долгое время — не опоздаю. Я выхожу из подъезда, и ноябрьский воздух бьёт в лицо холодной свежестью. После вчерашней мороси сегодня сухо. Серое небо всё так же давит на город, но хотя бы не льёт. Я натягиваю капюшон, вставляю наушники и включаю плейлист — тот самый, с тяжёлым басом, который заставляет мозг проснуться и работать. До остановки идти пять минут.

Я успеваю переслушать две песни, трижды проверить, на месте ли бейдж, один раз — кошелёк, и один раз — телефон. Всё при мне. Это маленькая победа, и я мысленно засчитываю её в свою копилку. На остановке народу немного. Две девушки из параллельного потока, парень в наушниках (наших, дизайнерских), пожилая женщина с авоськой. Я встаю в сторонку, чтобы никому не мешать своим вечным ёрзанием. Автобус приходит через семь минут. Я успеваю сесть, найти удобное место у окна, вытащить ноутбук и открыть макет, чтобы ещё раз посмотреть на него свежим взглядом. Сетка. Я смотрю на неё и понимаю, что вчерашний вариант

— полная лажа. Главный блок съехал, отступы плывут, и вообще всё выглядит так, будто верстал не я, а моя уставшая после дедлайна копия. Я начинаю править прямо в автобусе. Это моё суперспособность — работать в любых условиях. В автобусе, в очереди в столовую, на паре, которую я уже выучила наизусть. Мозгу всё равно, где концентрироваться — главное, чтобы было что-то, что его зацепит. Сегодня его зацепила сетка. И мысли о Градове. Мысли о Градове — отдельная вкладка, которую я пытаюсь закрыть, но она открывается снова и снова. Как он вёл моего брата домой. Как поправлял одеяло. Как сказал «не в первый раз». Я вспоминаю его лицо в тусклом свете комнаты — уставшее, жёсткое, но не злое. Он выглядел... усталым. Не от того, что тащил пьяного друга, а от чего-то более глубокого. Я трясую головой, возвращаясь к макету. Не надо думать о Градове. Он — напарник на две недели. Проект — лендинг. Всё остальное — не моё дело. Автобус подъезжает к остановке у бизнес-центра. Я собираю вещи, проверяю бейдж (на месте), выхожу.

Здание встречает меня стеклом и бетоном. Я прохожу через турникет (бейдж сработал, ура, я не идиотка), поднимаюсь на лифте на четвёртый этаж и иду по длинному коридору к кабинету 405. За стеклянной дверью уже несколько человек. Я вижу двух программистов из параллельной группы — они сидят за дальним столом, что-то оживлённо обсуждают. В углу — девушка-дизайнер с рыжими волосами, она раскладывает на столе маркеры и стикеры.

Градова пока нет. Я выдыхаю.

Сажусь на своё место у окна — то же, что и вчера. Включаю ноутбук, открываю фотошоп и продолжаю править сетку. Десять ноль-ноль. Градова нет. Десять ноль-пять. Нет. Десять десять. Я начинаю закипать. Он сам назначил время. Он сказал «не опаздывай». А сам? Я достаю телефон, смотрю на экран. Сообщений нет. Кирилл вчера так и не пришёл в себя? Или Градов решил проспать практику? Десять пятнадцать. Дверь открывается. Матвей Градов входит в кабинет с таким видом, будто он здесь главный. Куртка расстёгнута, под ней — чёрная футболка, джинсы, кеды. Рюкзак на одном плече. Волосы чуть влажные — видимо, только из душа. Он не извиняется. Не объясняет. Просто идёт к столу, садится, достаёт ноутбук. Я смотрю на него. Он чувствует мой взгляд, поднимает голову.

— Что? — спрашивает коротко.

— Ты сказал в десять.

— А я опоздал, — он пожимает плечами. — Бывает.

— Ты сказал «не опаздывай».

— А я могу. Я тебе не подчиняюсь.

Я открываю рот, чтобы ответить что-то едкое, но он перебивает:

— Давай работай. Сетку принесла?

Я закрываю рот. Смотрю на него. Он смотрит на меня. В его взгляде — никакой насмешки. Только усталость и лёгкое раздражение. Усталость — такую же я видела прошлой но-

чью. Я сглатываю готовую колкость.

— Принесла, — говорю ровно. — Но она сырая. Вчерашний вариант не подходит.

— Показывай.

Я поворачиваю ноутбук к нему.

Он смотрит на экран. Долго. Внимательно. Я вижу, как его взгляд скользит по линиям, по блокам, по отступам.

Я не привыкла, чтобы кто-то так внимательно рассматривал мои макеты. Обычно я работаю одна. Иногда показываю Лизе, но Лиза — подруга, она скажет «красиво» даже если это ужасно. Градов не скажет «красиво». Он вообще молчит. Целую минуту. Потом говорит:

— Сетка хорошая. Но тут, — он тыкает пальцем в экран, — главный блок надо выше. Пользователь не должен скроллить, чтобы увидеть суть.

— Это стандартная практика — размещать СТА ниже фолда, — возражаю я.

— Для кого стандартная? — он смотрит на меня. — Для дизайнеров, которые никогда не тестировали свои макеты на реальных пользователях. Подними.

Я смотрю на него. Он говорит уверенно. Так, будто знает, о чём речь.

— Ты разбираешься в юзабилити? — спрашиваю я.

— Я разбираюсь в том, что работает, — отвечает он и возвращает мне ноутбук. — Подними блок, потом покажешь.

Я киваю. Станный он. Вчера — поправлял одеяло на мо-

ём брате. Сегодня — указывает, где размещать СТА. Я возвращаюсь к макету,двигаю блок выше, смотрю на результат. Стало лучше. Намного лучше. Чёрт. Он прав. Я поднимаю голову, чтобы сказать ему это, но вижу, что Градов уже уткнулся в свой ноутбук и что-то печатает. Быстро. Уверенно. Пальцы летают по клавиатуре. Я смотрю на его руки. Пальцы длинные, с аккуратными ногтями. На запястье — простая кожаная резинка, чёрная, без украшений. Лёгкие шрамы на костяшках — хоккей, наверное. Он чувствует мой взгляд, поднимает голову.

— Что?

— Ничего, — быстро отвожу глаза. — Ты был прав. Блок лучше выше.

Он кивает один раз и возвращается к работе. Мы сидим в тишине. Я правлю сетку, он пишет код. Иногда я смотрю на него краем глаза. Он полностью сосредоточен — брови сдвинуты, губы сжаты. Никакой игры, никакой позы. Просто работа. Я не ожидала этого. Я ожидала, что он будет отвлекать. Прикалываться. Строить из себя главного. А он просто... работает. И это меняет что-то в моей голове. Вкладка «Градов» открывается снова, и на этот раз я не пытаюсь её закрыть. Я не заметила, как прошёл час. Вот честно — я настолько ушла в макет, что забыла про всё на свете. Про время, про Градова рядом, про то, что надо бы сходить за кофе. Вкладка «дизайн» захватила мой мозг полностью, и я перебирала варианты сетки, цвета, шрифты, отступы, по-

ка всё не начало выглядеть так, как я хочу. Первый вариант был лажей. Второй — лучше. Третий — почти идеально. Я сижу, смотрю на экран и чувствую, что ещё чуть-чуть — и я дожду эту сетку до состояния «можно показывать». И тут голос Градова вырывает меня из транса.

— Ты залипла.

Я моргаю. Медленно поворачиваю голову в его сторону.

— А?

Он сидит, откинувшись на спинку стула, руки скрещены на груди. На лице — лёгкая усмешка. Не злая. Скорее... наблюдательная.

— Б, — говорит он коротко.

Я смотрю на него ещё секунду, потом до меня доходит. А. Б. Внимание.

— А, да, — я тру лицо ладонями, пытаюсь вернуться в реальность. — Открылось много вкладок.

Он усмехается. Теперь явно.

— Так сказала, как будто твой мозг — это Гугл или Яндекс.

— Яндекс, — поправляю я автоматически. — Гугл же запрещён.

— Включи ВПН и пользуйся, — пожимает он плечами.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. И в этот момент между нами происходит что-то странное. Не искра, нет. Скорее... взаимопонимание. Как будто он на секунду заглянул в мою голову и увидел те самые открытые вкладки.

— Ты серьёзно предлагаешь мне использовать ВПН, чтобы мой мозг работал быстрее? — уточняю я.

— Я предлагаю тебе перестать залипать и показать, что ты там наколдовала за час.

— Я не колдовала. Я работала.

— Показывай.

Я разворачиваю ноутбук. Градов смотрит на экран. Долго. Молча. Я нервничаю. Сама не знаю, почему мне важно его мнение. Он же программист, а не дизайнер. Но вчера он дал дельный совет про СТА, и сегодня я хочу знать, что он скажет.

— Лучше, — наконец говорит он. — Намного лучше. Сетка ровная, отступы логичные. Но тут, — он тыкает в угол экрана, — цвет футера не бьётся с основным.

— Он бьётся. Тёмно-серый перекликается с акцентными элементами.

— Он давит. Сделай светлее.

— Светлее будет скучно.

— Светлее будет читаемо.

Я смотрю на него. Он не отводит взгляд.

— Ты упрямая, — замечает он.

— Ты тоже.

— Я не упрямый. Я прав.

— Прав был только один человек в истории, и его распяли.

Градов усмехается.

— Театрально.

— Я дизайнер. Мы все театральные.

Он качает головой и возвращается к своему ноутбуку. Я смотрю на футер. Тёмно-серый. Светлее. Делаю светлее.

Смотрю.

Чёрт.

Снова он прав.

— Готово, — говорю я. — Футер теперь светлее.

— И? — не поднимая головы, спрашивает он.

— И ты опять прав. Это начинает бесить.

— Привыкай. Я часто прав.

— Скромность — не твоё сильное качество.

— У меня есть другие, — он бросает на меня быстрый взгляд. — Например, я не опаздываю на практику.

— Ты опоздал сегодня на пятнадцать минут.

— Я сказал, что не опаздываю, а не что никогда не опаздываю.

Я открываю рот, чтобы ответить, но понимаю, что это какой-то абсурдный спор, в котором нет смысла.

— Ладно, — я поднимаю руки. — Ты прав, я залипла, футер светлее, ВПН включу. Что дальше?

Гравов откидывается на спинку стула.

— Дальше — ты даёшь мне ссылку на фигму, и я начинаю верстать.

— У тебя есть фигма?

— А ты думала, программисты верстают на коленке?

Я не знаю, что я думала. Честно.

Я как-то не представляла Градова с ноутбуком, открывающим макеты. Но вот он сидит, смотрит на меня и ждёт.

— Ссылку, — напоминает он.

Я отправляю ему ссылку в мессенджер.

— Принял, — кивает он.

Мы снова погружаемся в работу.

Я подправляю мелочи — тени, скругления, отступы. Он что-то делает в своей среде разработки, быстро печатает, иногда останавливается, смотрит на мой макет, потом снова печатает.

Тишина.

Не неловкая. Рабочая.

Я смотрю на него краем глаза. Он снова сосредоточен — брови сдвинуты, губы сжаты, пальцы летают по клавиатуре.

И я думаю о том, что вчерашний вечер перевернул что-то в моём восприятии.

Раньше Матвей Градов был для меня просто «главным засранцем универа». Картинкой. Персонажем из чужих сплетен.

А теперь...

Теперь он человек, который поправляет одеяло на пьяном друге.

Человек, который знает, как правильно разместить СТА.

Человек, который смотрит на меня без насмешки, когда я говорю про открытые вкладки в голове.

Я не знаю, что с этим делать.

Поэтому я просто работаю.

А вкладка «Градов» в моём мозгу открыта на полную мощность, и я даже не пытаюсь её закрыть.

Пусть.

Посмотрим, что будет дальше.

Глава 4. Матвей

Я пишу код. Вот реально — пишу. Смотрю в макет Вероники, открываю VS Code и накидываю структуру. HTML, CSS, немного флексов — база, но приятная. У неё хороший вкус, даже когда я с ней спорю. Футер она всё-таки сделала светлее. Правильно сделала.

Я стараюсь не обращать на неё внимания. Только по делу. Глянул макет — спросил про отступы — получил ответ — дальше работа. Профессионально. Чисто. Никакой лишней возни. Мой телефон лежит на столе рядом с ноутбуком и вибрирует так, будто решил устроить землетрясение. Вибросигнал — одна из самых раздражающих вещей на свете, если ты пытаешься сосредоточиться. А я пытаюсь. Честно. Первые пять минут я игнорирую. Потом десять. Телефон не унимается.

Сообщения сыпятся одно за другим: от Ника (ссылка на какой-то мем), от Дэна (вопрос про тактику на завтра), от Тигра (голосовое — наверное, опять что-то про машину), ещё от кого-то из группы, от мамы... от мамы тоже.

Я не смотрю. Не сейчас.

— Ты или ответь, или поставь на беззвучный, — вдруг говорит Вероника, не отрываясь от своего ноутбука. — Отвлекает.

Поднимаю голову.

Она сидит, нахмурившись, пальцы замерли над трекпадом. Реально отвлеклась из-за моего телефона.

— Отвечу, как закончу, — отвечаю я и возвращаюсь к коду.

— А вдруг там девушка и у неё что-то серьёзное?

Я смотрю на неё. Девушка. Серьёзное. Она что, правда думает, что я сейчас брошу всё и побегу решать чьи-то проблемы?

— Единственное серьёзное, что может быть у девушек, с которыми я встречаюсь, — это когда они смогут, — говорю я, не особо вдаваясь в подробности.

Сам не знаю, зачем это сказал. Привычка. Отмахиваться. Чтобы не задавали лишних вопросов.

— Смогут что? — она смотрит на меня с лёгким недоумением.

Я поворачиваюсь к ней. На лице — искреннее любопытство. Она реально не поняла. Или поняла, но хочет, чтобы я сказал?

— Тебе завуалировать или прямо сказать? — уточняю я.

На секунду мне кажется, что я перегнул. Но потом её лицо меняется. Щёки розовеют — едва заметно, но я вижу. Она поняла.

— Не надо, я поняла, — говорит она быстро.

— Что поняла? — я решаю добить.

Потому что смотреть, как она смущается — забавно. Она вообще не похожа на тех девчонок, которые привыкли к та-

ким разговорам. Слишком... настоящая, что ли.

— Что ты козёл, — отвечает она твёрдо.

Я усмехаюсь.

— Ты сама начала этот разговор, а я козёл?

— Ты сам начал с этим контекстом, — она поджимает губы.

— Контекстом? — я приподнимаю бровь. — На что?

— На... — она замолкает, явно подбирая слово.

Я смотрю на неё. Выжидающе.

— На вот это вот, — она делает неопределённый жест рукой.

— Ты имеешь в виду секс? — спрашиваю я прямо.

Она моргает.

— Можно было и не так прямо.

— А мы говорили о сексе? — теперь моя очередь удивляться.

Потому что я реально не про секс. Я про время. Про то, что у меня график, и если девушка хочет со мной встречаться, она должна понимать — хоккей всегда на первом месте. Я думал, это очевидно.

— Твоя фраза «зауалировать или прямо», — напоминает она с лёгким вызовом.

— Я про время, проведённое вместе, — объясняю я спокойно. — У меня график плотный. В моих словах не было ни слова про секс.

— А...

Она замолкает. Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. Её щёки теперь розовые — уже не едва заметно, а очень даже заметно.

— Ты сейчас покраснела, — замечаю я.

— Нет, — слишком быстро отвечает она.

— Покраснела.

— Это от жары.

— В ноябре?

— Батареи работают.

Я усмехаюсь.

Она отворачивается к ноутбуку, делает вид, что очень занята макетом. Но я вижу, как её пальцы застыли над трекпадом — она не работает, она делает вид.

— Соболева, — говорю я.

— Что? — не поворачиваясь.

— Ты первая заговорила про девушек. Ты первая полезла в эту тему. Не надо потом говорить, что я козёл.

— Ты козёл по определению, — она всё ещё смотрит в экран. — Независимо от темы.

Я хочу сказать что-то едкое в ответ, но в этот момент телефон снова взрывается вибрацией. И я вспоминаю, что так и не посмотрел сообщения. Откидываюсь на спинку стула, беру телефон. Ник — мем про вратаря, который пропустил шайбу между щитков. Подпись: «это ты на следующей тренировке, если не выступишься». Придурок. Дэн — голосовое, но я его пропущу, потом. Тигр — текст: «завтра в 11 у меха-

ника, если хочешь смотреть, как мне перебирают подвеску». Тигр и его машина — любовь на всю жизнь. Мама — сообщение: «Матвей, привет. Как дела? Давно не звонил. Папа спрашивал. Приезжай в выходные, я испекла твой любимый пирог».

Я смотрю на экран. Пирог. Как будто пирог всё исправит. Я убираю телефон в карман. Ставлю на беззвучный — наконец-то.

— Решил всё-таки? — спрашивает Вероника.

— Что?

— Поставить на беззвучный.

— Ага.

— А девушка?

— Какая девушка?

— Та, вдруг у которой что-то серьёзное.

— Нет у меня никакой девушки, — отвечаю я, возвращаясь к коду. — И не было уже недели две.

— А та, которую ты целовал на парковке вчера утром?

Я поднимаю голову.

— Ты следишь за мной?

— Я просто шла мимо, — она пожимает плечами, но в голосе — лёгкое смущение. — Трудно не заметить.

— Вот именно. Трудно не заметить. И это не значит, что у меня кто-то есть.

— Так ты поэтому меняешь их как перчатки? — она спрашивает с лёгкой насмешкой, но в глазах — любопытство. Чи-

стое, незамутнённое.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. И я понимаю, что мог бы сейчас сказать что-то грубое. Отшить её. Поставить на место. Как делаю всегда. Но почему-то не хочется. Почему-то хочется сказать правду.

— Я никого не меняю как перчатки, — говорю я тихо. — Просто ни одна не задерживается.

— Почему?

— Потому что я не тот, кого можно задержать.

Она замолкает. Я возвращаюсь к коду. Но чувствую её взгляд на себе. И не знаю, что с этим делать. Я печатаю.

Код льётся сам собой — структура, стили, медиазапросы. Всё просто, как дважды два. Её макет удобный, логичный, даже несмотря на то, что мы спорим по мелочам. Она понимает, как должны выглядеть блоки, где кнопка, где текст, где картинка. Это редкость. Обычно дизайнеры рисуют красивую картинку, которую невозможно сверстать без костылей и молитв.

У неё так, что можно. Я почти говорю ей это вслух. Но не говорю. Не хочу, чтобы она подумала, что я её хвалю. Или что мне не всё равно. Мне всё равно. Правда. Я смотрю на строчки кода, но краем глаза вижу её. Она сидит, наклонив голову, и водит пальцем по трекпаду — что-то двигает, подбирает, смотрит. Иногда останавливается, смотрит в одну точку слишком долго — заливает. Я замечал это уже несколько раз. Она как будто выпадает из реальности на

несколько секунд, а потом возвращается и продолжает.

СДВГ. Кир рассказывал. Говорил, что её мозг работает иначе — постоянно переключается, не может долго держать фокус на одном. Я думал, это преувеличение. Но теперь вижу: она реально живёт с двадцатью вкладками открытыми одновременно. Странно. И почему-то... знакомо. Я тоже иногда чувствую, что в голове слишком много всего. Только я не залипаю. Я взрываюсь. На льду. На тренировках. В редкие моменты, когда кто-то лезет не в своё дело. Она взрывается иначе — уходит внутрь. Я возвращаюсь к коду. Не моё дело. Не моя проблема.

— Градов, — вдруг говорит она.

— Что?

— Ты сейчас вздохнул.

— Нет.

— Вздохнул. Я слышала.

— Дышать вообще-то полезно.

— Не так. Ты вздохнул как... — она задумывается, подбирая слово. — Как будто тебя кто-то достал.

— Меня никто не достал.

— А что тогда?

Я поворачиваюсь к ней. Она смотрит в упор. В её взгляде нет вызова — есть вопрос. Честный, без подтекста. И это бесит. Потому что я не привык отвечать на честные вопросы.

— Ничего, — говорю я. — Просто мама написала.

— И что?

— Ничего. Спрашивает, когда приеду.

— А ты когда?

— Никогда.

Она молчит.

Не лезет. Не спрашивает «почему». Просто молчит. Это странно. Обычно все лезут. «Почему ты не общаешься с родителями?», «Они же твои мама и папа», «Они тебя любят». Бла-бла-бла. А она просто смотрит и молчит.

— Не хочешь — не отвечай, — наконец говорит она. — Я не настаиваю.

— А должна.

— С чего вдруг?

— Все настаивают.

— Я не все.

Она возвращается к макету. Я смотрю на неё несколько секунд, потом тоже возвращаюсь к коду. Странная.

Очень странная. Через полчаса у меня начинает ныть спина — сижу в одном положении слишком долго. Разминаю шею, откидываюсь на спинку стула.

Она всё ещё в макете. Не смотрит на меня. Не отвлекается.

— Ты всегда так работаешь? — спрашиваю я.

— Как?

— Как одержимая.

Она поднимает голову.

— Это плохо?

— Нет. Просто непривычно.

— А как привычно?

Я задумываюсь. Как привычно? Привычно, что девушки отвлекают. Просят помочь. Строят глазки. Спрашивают, не хочет ли кто-нибудь кофе. А она ни разу за всё время не спросила.

— Ты первая девушка, которая не предлагает мне сходить за кофе, — говорю я вслух.

— А должна?

— Нет. Просто обычно предлагают.

— Я не пью кофе.

— А что пьёшь?

— Энергетики.

Я усмехаюсь.

— Это хуже.

— Зато быстрее.

— Сердце посадишь.

— А ты за моё сердце переживаешь? — она поднимает бровь.

Я смотрю на неё. В её глазах — лёгкая насмешка, но не злая. Провокационная.

— Нет, — отвечаю я. — Просто не хочу, чтобы мой напарник сдох посреди практики. Потом отчитывайся перед куратором.

— Сволочь, — говорит она без злости.

— Не отрицаю.

Мы снова замолкаем. Но тишина уже не рабочая — какая-то другая. Неловкая, что ли? Или наоборот — слишком комфортная. Я не могу определить. Телефон в кармане молчит — я его всё-таки поставил на беззвучный. Но экран загорается. Кто-то звонит. Достāju. Мама. Смотрю на экран три секунды. Потом переворачиваю телефон экраном вниз. Вероника, кажется, замечает, но ничего не говорит. Умная.

— Ладно, — я встаю. — Мне пора.

— Уже? — она смотрит на часы.

— Через час тренировка. Нужно успеть переодеться и размяться.

— Ты сегодня на лёд?

— А ты думала, я тут с тобой целый день сидеть буду?

— Не думала, — она пожимает плечами. — Просто спросила.

Я собираю рюкзак: ноутбук, зарядка, энергетик (недопитый, выкину в коридоре). Вероника остаётся на месте — смотрит на меня.

— Завтра во сколько? — спрашивает она.

— В десять.

— Ты опоздаешь?

— Может быть.

— Тогда я приду к десяти пятнадцати.

Я смотрю на неё.

— Это бунт?

— Это экономия времени, — она почти улыбается. — Ес-

ли ты опаздываешь, я жду. Зачем мне приходиться вовремя?
— Логика железная, — признаю я. — Но ты всё равно приходи к десяти.

— Почему?

— Потому что я сказал.

— Плохая причина.

— А ты всё равно приходи.

Она смотрит на меня. Я — на неё.

— Ладно, — говорит она наконец. — Приду.

Я киваю и выхожу. В коридоре достаю телефон. Мама звонила ещё раз. И сообщение: «Матвей, ну пожалуйста. Мы соскучились». Я удаляю сообщение, не читая до конца. Врать не люблю. Они соскучились? Или отец опять что-то натворил и маме нужна поддержка? Или у них очередная годовщина, которую нужно отметить идеальной семейной фотографией?

Не моё дело. Я сажусь в машину, завожу двигатель и еду на лёд. Там всё просто. Шайба. Ворота. Команда. Там нет Соболевой с её открытыми вкладками. Там нет мамы с её пирогами. Там нет отца с его взглядом. Лёд — единственное место, где мой мозг замолкает. И сейчас мне нужно туда. Срочно. Раздевалка пахнет хоккеем.

Это специфический запах — смесь пота, снаряжения, атакующей и дешёвого геля для душа, которым пользуется половина команды. Я люблю этот запах. Он означает, что я дома. Что здесь не надо притворяться, не надо думать о бывшем,

не надо отвечать на звонки мамы. Здесь можно просто быть.

Я сижу на своей лавке — второй от входа, у окна. Люблю смотреть на улицу перед тренировкой. Небо уже тёмное, ноябрьское, фонари горят жёлтым, и кажется, что весь город замер в ожидании снега. Шнурую коньки. Движения автоматические — тысячу раз делал, не глядя. Команда потихоньку собирается. Кто-то уже в форме, кто-то только переодевается, кто-то сидит в телефоне, пока остальные разминаются.

— Град, привет, — Ник плюхается рядом, от его геля для душа разит на всю скамейку. — Как практика?

— Нормально.

— С Соболевой?

— А ты с кем? — я бросаю на него быстрый взгляд.

— Просто спросил. Она ж младшая сестра Кира. Не странно?

— Нет. Мы работаем. Всё.

— И как она?

— Нормально, — повторяю я, потому что не знаю, что ещё сказать. Не объяснять же Нику, что она сегодня покраснела, когда подумала, что я говорю про секс. Или что она сказала «Яндекс», потому что «Гугл запрещён».

Ник хмыкает, но не лезет. Вовремя. В раздевалку заходит Дэн — как всегда, спокойный, с лёгкой улыбкой. Кивает мне, садится напротив.

— Кир не пришёл ещё? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я. — Но будет. Сказал, что выживет.

— Он сегодня звонил мне, матерился полчаса, — Дэн усмехается. — Говорит, ты его позорил перед сестрой.

— Я? — я поднимаю бровь. — Это он себя позорил. Я просто довёз до дома.

— И поправил одеяло, — добавляет Дэн. — Она тоже это видела.

Я молчу. Ну, видела. И что? Дэн не настаивает. Он вообще никогда не настаивает — просто знает всё. И молчит. За это я его и уважаю. Тигр заходит последним из нашей пятёрки. Огромный, молчаливый, в растянутой толстовке с капюшоном. Садится в углу, начинает переодеваться, ни на кого не глядя. В раздевалке уже человек пятнадцать. Гул голосов, кто-то смеётся, кто-то спорит о вчерашнем матче. Я закрываю глаза на секунду — просто слушаю. Это успокаивает. Потом дверь открывается, и гул стихает. Входит тренер.

Олег Петрович Хорнев — мужик лет пятидесяти с лишним, коренастый, с сединой на висках и взглядом, который прожигает насквозь. Он не кричит. Никогда. Но когда он говорит тихо — это страшнее любого крика.

— Так, молодое поколение, — его голос раскатывается по раздевалке, негромкий, но его слышат все. — Сначала разбор прошлой игры, потом — земля.

Ник, который как раз завязывал шнурки, поднимает голову.

— А почему не лёд?

— Лёд занят, — ровно отвечает Хорнев.

Кто-то с дальней лавки — кажется, Соколовский, молодой защитник, который вечно лезет не в своё дело — подаёт голос:

— Наше же время.

Хорнев переводит на него взгляд.

— Скажи это фигуристам, Соколовский.

По раздевалке пробегает смешок. Соколовский краснеет и замолкает.

— Твою дивизию, — тихо, но с чувством говорит Дэн. Я слышу — и усмехаюсь.

Хорнев делает вид, что не заметил.

— Пятнадцать минут, и жду на площадке. — Он обводит взглядом раздевалку и задерживается на пустой лавке. — А где Соболев?

— Идёт, — отвечаю я.

Как по заказу, дверь открывается. Кир входит в раздевалку, и вид у него — ещё тот. Глаза красные, волосы мокрые (видимо, пытался привести себя в чувство под краном), форма накинута кое-как. Он выглядит как человек, который только что восстал из мёртвых и не очень этому рад. Хорнев смотрит на него. Долго. Медленно.

— О, Соболев, — говорит он с лёгкой иронией. — Что помятый весь?

Кир замирает на секунду, потом находит в себе силы улыбнуться.

— Не выспался, Олег Петрович.

— Ну-ну, — тренер кивает и выходит из раздевалки, закрывая за собой дверь.

Как только он уходит, напряжение спадает. Кто-то выдыхает, кто-то усмехается. Кир проходит к своему месту — рядом со мной. Падает на лавку, как подкошенный.

— Ты жив? — спрашиваю я тихо, чтобы никто не слышал.

— Нет, — стонет он. — Я умер. Это ад. И ты в нём главный черт.

— Я тебя предупреждал.

— Ты не предупреждал. Ты сказал «у тебя будет и лёд, и земля». Это угроза, а не предупреждение.

— И то, и другое сработало? — я усмехаюсь.

Кир бросает на меня убийственный взгляд, но ничего не говорит. Ник, который всё это время копался в телефоне, вдруг оживляется.

— Кстати.

— М? — Дэн поворачивается к нему.

— Слышали, юниорскую сборную отправили на чемпионат?

Я поднимаю голову.

— Мы-то тут причём?

— Ну как, — Ник пожимает плечами. — Многие там из «Молодёжки». Они же рядом с нами стоят.

— Студенческая лига и Молодёжка, — Дэн вздыхает. — Они рядом стоят, как КАМАЗ и «Феррари» рядом стоят в пробке.

— Твой сарказм меня бесит, — морщится Ник.

— Твоя логика меня бесит, — парирует Дэн.

Я смотрю на них, и внутри что-то теплеет. Спорят, как всегда. Ник — о том, что круто, Дэн — о том, что логично. И оба не правы, и оба правы.

— Ты это к чему? — спрашиваю я, возвращая разговор в русло.

Ник улыбается — своей хитрой улыбкой, которая означает, что сейчас он вытащит козырь из рукава.

— Мне подогнали четыре билета на первую игру, — он достаёт из кармана четыре прямоугольных билета и веером раскладывает их на лавке. — Кто со мной?

Дэн смотрит на билеты, потом на Ника.

— Ты их купил?

— Мне подогнали, — подчёркивает Ник. — Знакомый из федерации.

— Ага, — Тигр подаёт голос из своего угла. — «Подогнали». Ты их, наверное, в обмен на рекламу в своих соцсетях получил.

— И что? — Ник ни капли не смущается. — Билеты хорошие. Ложа.

Я смотрю на билеты.

Юниорская сборная. Чемпионат. Зрелище, конечно, интересное. Но...

— Я пас, — говорю я.

Ник поворачивается ко мне.

— Град, ты серьёзно? Там уровень. Там ребята, которые через пару лет в КХЛ заиграют.

— Мне плевать.

— Ты вообще куда-нибудь ходишь, кроме льда и дома?

— Нет, — честно отвечаю я. — Мне и так нормально.

Ник вздыхает, как будто я только что разрушил его планы на мировое господство.

— Кир? — переводит он взгляд на брата.

Кир, который всё это время сидел с закрытыми глазами, медленно их открывает.

— Я сейчас не могу говорить про хоккей, — говорит он траурным голосом. — У меня голова раскалывается.

— Это потому что ты вчера перебрал, — замечает Дэн.

— Спасибо, доктор Морозов. Я в курсе.

— Так пойдёшь?

— Не знаю. Дай билет, я подумаю.

Ник протягивает ему билет. Кир прячет его в карман даже не глядя.

— Тигр?

Артур молчит несколько секунд. Потом говорит:

— Если Дэн идёт.

— Я пойду, — кивает Дэн. — Посмотрю, как юниоры управляют с прессингом.

— Тогда и я, — заключает Тигр.

— Отлично! — Ник хлопает в ладоши. — Трое есть. Остался один.

Все смотрят на меня.

Я смотрю на них.

— Я сказал: пас.

— Град, — Ник наклоняется ко мне. — Ты когда в последний раз был на нормальном мероприятии? Не на игре, не на тренировке, а просто — вышел куда-то с пацанами?

— На прошлой неделе у тебя дома.

— Это не считается. Ты сидел в углу и молчал.

— Я отдыхал.

— Ты страдал.

— Одно и то же.

Ник вздыхает. Дэн качает головой. Тигр молчит, но я чувствую его взгляд. Кир вдруг открывает глаза и смотрит на меня.

— Иди, Град, — говорит он тихо. — Тебе не помешает отвлечься.

— От чего?

— От всего.

Я смотрю на него. Он знает. Про отца. Про маму. Про то, что я гоняю себя на льду, потому что не знаю, как ещё справиться.

— Ладно, — я выдыхаю. — Давай билет.

Ник сияет. Протягивает мне билет, я забираю, даже не глядя.

— Вот и славно, — он поднимается. — А теперь — на землю. Хорнев ждёт.

Мы выходим из раздевалки. Кир идёт рядом со мной, пошатываясь, но держится.

— Ты как? — спрашиваю я тихо.

— Лучше не спрашивай, — бормочет он.

— Я предупреждал.

— Знаю. — Он замолкает на секунду. — Спасибо, что довёз.

— Забей.

— И что ты её не тронул.

Я смотрю на него.

— Кого?

— Ронни, — Кир криво усмехается. — Ты мог бы использовать ситуацию. Типа, я пьяный, она одна дома... Но ты просто ушёл.

Я останавливаюсь.

— Кир, твоя сестра для меня — младшая сестра моего друга. Всё. Не надо мне приписывать то, чего нет.

— Я знаю, — он кивает. — Поэтому и говорю спасибо.

Мы идём дальше. Спортзал уже гудит — команда разминаясь, слышны команды Хорнева, скрип кроссовок по полу, тяжелое дыхание. Земля. Обычная физра. Но сегодня мне почему-то кажется, что это будет легче, чем обычно. Может, потому что я согласился на игру. Может, потому что Кир сказал спасибо. Может, потому что сегодня на практике Вероника посмотрела на меня так, будто я не монстр. Или нет. Может, я просто придумываю лишнее. Я снимаю толстовку,

остаюсь в футболке и выхожу на площадку. Хорнев кидает мне беговой круг взглядом — разминайся. Я бегу. И в голове — тишина. Наконец-то. Стадион.

Я ненавижу беговые круги. Не потому что тяжело — тяжело бывает на льду, когда ты выходишь на второй период и ноги уже не слушаются. А потому что бег по стадиону — это монотонно. Скучно. В голову лезут мысли, которые на льду забиваются адреналином. Второй круг. Холодный ноябрьский воздух обжигает горло. Газон под ногами мокрый — то ли от росы, то ли от вчерашнего дождя. Я бегу в своей привычной манере — ровно, размеренно, экономя силы.

Рядом — Кир. Он выглядит так, будто его переехало грузовиком, а потом грузовик сдал назад и переехало ещё раз. Красный, мокрый, с глазами, которые смотрят в одну точку.

— Всё, я щас сдохну, — выдыхает он, еле передвигая ноги.

— Давай, ать-два, ещё два круга, — командую я, не сбавляя темпа.

— Град, иди в жопу, — беззлобно, но с чувством отвечает Кир.

— Только после тебя, брат.

— Сука, — выдыхает он и ускоряется, чтобы не отставать.

Я усмехаюсь. Знаю, что он не сдастся. Кир упрямый, как... как я, наверное. Только он молчит, а я ору. Мы дополняем друг друга. Третий круг. Четвёртый. Кир бежит молча, но я слышу его дыхание — тяжёлое, рваное. Он выжимает

из себя максимум. С похмелья, с красными глазами, с дрожащими руками — но бежит. За это я его и уважаю. После последнего круга Хорнев собирает нас в центре поля.

— Растяжка, — командует он коротко.

Мы падаем на газон. Кир — особенно эпично: раскидывает руки и ноги в стороны, ложится звездой, закрывает глаза.

— Всё, я сдох, — объявляет он в небо. — Пишу завещание. — Я слышу в его голосе такую пафосную торжественность, что не могу сдержать усмешку. — Граду — клюшку. Тигру — экип. Нику — коньки. Телефон — Дэну.

Он замолкает на секунду.

— Хотя нет. Телефон похороните со мной.

Дэн, который сидит рядом и тянет носок на себя, поднимает бровь.

— Есть что скрывать?

— Да, — серьёзно отвечает Кир. — Твои нюдсы.

Морозов замирает. Ник ржёт. Тигр издаёт звук, похожий на сдавленный смех. Я просто качаю головой.

— Если шутишь — значит жив, — говорю я.

— Нет, — Кир приподнимает голову и смотрит на меня трагическим взглядом. — Это агония. Бред умирающего. Надо вызвать нотариуса.

— Прямо сейчас? — уточняю я.

— Да. И спросить у него, сколько стоит место на кладбище.

Дэн, который всё это время растягивался с невозмутимым

видом, отвечает:

— Дорого.

— Бля-ять, — выдыхает Кир и падает обратно на газон.

Я смотрю на него и понимаю: жив. Будет жить. Ещё сто кругов пробежит и будет жить. В этот момент над нами вырастает тень. Хорнев.

— Что лежим? Что ждём? — его голос спокойный, но в нём такая сталь, что Кир подскакивает, как ужаленный. — Растяжка, потом пару кругов на лестнице.

— Олег Петрович, — Кир пытается придать голосу умоляющие нотки.

— Я уже пятьдесят девять лет как Олег Петрович, — тренер даже не смотрит на него. — Давай, Соболев, не тяни время.

Кир вздыхает и начинает тянуться. Я делаю то же самое. Растяжка — это больно, особенно после бега. Но это та боль, которую я понимаю. Тело говорит «хватит», а ты говоришь «ещё». И побеждает тот, кто упрямее. Я всегда упрямее. Через десять минут, когда мышцы уже горят, Хорнев свистит.

— Идите-ка все сюда, — командует он. — Пять минут на трибуны. Есть что обсудить.

Мы перебираемся на пластиковые стулья, расставленные вдоль беговой дорожки. Двадцать два человека — вся команда. Кто-то в форме, кто-то в растянутых трениках, кто-то уже успел надеть шапку, потому что на стадионе дует.

Хорнев встаёт перед нами, скрещивает руки на груди.

— Команда «Ворон». Кто что о них знает?

Кто-то из парней — кажется, Соколовский — сразу подаёт голос:

— Играют как психи.

Хорнев кивает.

— Согласен. Ещё?

Ник, который уже успел прийти в себя и даже причесаться, поднимает голову.

— Нападающий у них новый, — говорит он. — Говорят, гасит на первых секундах.

— Ещё? — Хорнев обводит взглядом команду.

Я молчу секунду, собирая мысли. Потом говорю:

— Тактика у них постоянно меняется.

Хорнев смотрит на меня. В его глазах — одобрение. Он не говорит «молодец», но я вижу.

— Вот, тактика, — повторяет он. — Что ещё?

Опять кто-то из команды — теперь уже Воробьёв, кажется, молодой нападающий:

— Они в большинстве играют хуже, чем в меньшинстве. В меньшинстве они звереют ещё больше.

— Да, — кивает Хорнев. — Это их слабость и одновременно сила. Что ещё?

Ещё кто-то с заднего ряда:

— На пятаке не умеют держаться.

Хорнев усмехается.

— Это если их продавать. А вы продадите?

Тишина.

— Вот то-то, — заключает тренер. — «Ворон» — команда неуступчивая. Они не играют красиво, они играют грязно. Но результативно. Наша задача — не дать им этого результата.

Он смотрит на меня.

— Градов, что скажешь?

Я выдыхаю.

— Сказано уже всё. Они сильны в прессинге, слабы в позиционной обороне. Если мы заставим их играть вторым номером — они посыпятся.

— А если не заставим?

— Тогда будет мясо.

Хорнев кивает.

— Честно. Мне нравится. — Он обводит взглядом команду. — Работаем над выходом из прессинга. Завтра на льду — отработка. Всем ясно?

— Да, — отвечаем хором.

— Тогда подъём. Ещё два круга на лестнице, и в раздевалку.

Кир стонет.

Я толкаю его локтем.

— Живой?

— Нет, — шепчет он. — Я умер, и это рай. Потому что в аду не может быть такой боли.

— В раю тоже, наверное, — замечаю я. — Так что это

чистилище.

— Ты философ, Град.

— Я капитан. Иди давай.

Мы идём к лестнице. Трибуны стадиона — это сто восемьдесят ступенек. Туда-обратно, туда-обратно. Два круга. На втором круге Кир начинает петь. Я не разбираю слов, но мелодия какая-то дурацкая, из репертуара его мамы. Ник подхватывает, Дэн смеётся, Тигр молча бежит, но я вижу, как он улыбается.

Свои. Только с ними я могу быть не капитаном. Не Градовым. Не сыном Александра Львовича. Просто Матвеем.

После тренировки я иду в душ, переодеваюсь и сажусь в машину. Телефон мигает пропущенными — мама звонила ещё два раза. И одно сообщение от Вероники. Я открываю.

Соболева В.: Сетку доделала. Скинула в фигму. Футер сделала светлее, как ты просил. Надеюсь, ты доволен.

Я смотрю на экран. Почему-то улыбаюсь. Печатаю ответ.

М: Проверю завтра. Если всё хорошо — скажу. Если нет — переделаешь.

Ответ приходит через десять секунд.

Соболева В.: Ты невыносим.

М: Ты говорила.

Я убираю телефон, завожу двигатель. Выезжаю со стадиона. Ноябрьская Казань встречает меня фонарями и пустыми улицами. Завтра — снова практика. Завтра — снова Соболева. И почему-то я не против. Странно.

Глава 5. Вероника

После пар я выхожу из техникума и понимаю, что совершила роковую ошибку.

Я забыла шапку.

Ноябрьский ветер дует так, будто лично обижен на мои уши. Я натягиваю капюшон, но он спадает через каждые три шага, потому что ветер — скотина. Волосы лезут в лицо, я их смахиваю, они лезут снова. В общем, иду по парковке и выгляжу как человек, который только что выбрался из стиральной машины.

На парковке стоят три машины. Я узнаю их — серая «Хонда» Дэна, синий «Форд» Тигра, и белая «Киа» Кирилла. Возле них тусуются трое: сам Кир, Ник и Дэн.

Ник что-то оживлённо рассказывает, активно жестикулируя. Кир слушает с каменным лицом, Дэн — с лёгкой усмешкой. Я подхожу ближе, но не вмешиваюсь — просто встаю в сторонке, делая вид, что очень занята телефоном.

На самом деле я жду Лизу. Она сказала, что выйдет через минуту, но «минута» в её понимании — это где-то пятнадцать. Она застряла в коридоре с каким-то парнем, который к ней примагнитился. Надеюсь, она его уже отшила.

С другой стороны парковки, от машин, которых я не заметила раньше, подходят двое.

Матвей и Артур.

Тигр. Огромный, молчаливый, в чёрной куртке и с вечно серьёзным лицом. Рядом с ним даже Градов кажется обычного роста, хотя это не так.

Они подходят ближе. Ник прерывает свой монолог на полуслове.

— О, Соболева младшая, — вдруг говорит Тигр.

Я поднимаю голову.

Он смотрит на меня. Без улыбки, но и без враждебности. Просто констатирует факт.

— Привет, — отвечаю я.

Ник закатывает глаза. Не понятно, то ли ему надоел Тигр, то ли он так реагирует на моё появление.

Кир поворачивается ко мне.

— Подвезти? — спрашивает он.

— Я с Лизой поеду, — отвечаю я, всё ещё вглядываясь в сторону входа. — Она застряла в коридоре с этим... как его... из вашей команды, на «В» как-то.

— Воробьёв? — уточняет Ник.

Кир задумывается.

— А у нас ещё кто-то есть на «В»?

— Нет, — качает головой Дэн. — Только Воробьёв. — Он усмехается. — Мда, Воробьёв — тот ещё экземпляр.

— Не удивительно, — пожимаю я плечами. — Примагнитился к Лизе так, что я думала, сожрёт. Решила не мешать.

Градов, который до этого молчал и смотрел в телефон, поднимает голову.

— В каком смысле «сожрёт»? — спрашивает он. Голос спокойный, но в нём чувствуется какое-то... любопытство?

Я смотрю на него.

— Нууу... — тяну я, подбирая слова.

— Для тебя даже слово «поцелуй» произнести сложно? — он приподнимает бровь.

Я чувствую, как щёки начинают теплеть. Проклятая привычка краснеть. И проклятый Градов, который это замечает.

— Я не привыкла к такому, — отвечаю я максимально нейтрально.

Кир переводит взгляд с меня на Градова и обратно.

— Вы о чём сейчас?

Градов усмехается.

— А у нас вчера на практике с твоей сестрой диалог интересный произошёл.

Кир мгновенно оживляется. Глаза загораются — у него такое лицо бывает, когда он хочет поржать над кем-то, но делает вид, что ему просто интересно.

— Ну-ка, ну-ка, — говорит он, скрещивая руки на груди.

Я уже знаю, что сейчас начнётся. И ничего не могу с этим сделать.

— Мне написывал Ник, — спокойно объясняет Градов. — Она попросила, чтобы я отключил звук или наконец ответил.

— И? — Ник подключается к разговору.

— Я сказал, что потом. — Градов бросает на меня быстрый взгляд. — Ника в итоге решила, что мне написывают

девушки.

Дэн и Кир одновременно издают звуки, похожие на попытку сдержать смех.

Кир первый не выдерживает.

— Не продолжай, я понял, — выдавливают он сквозь смех.

Ник поджимает губы, но я вижу, что они уже расплываются в улыбке. Дэн просто качает головой, но плечи у него трясутся.

— Ты знаешь, что ты козёл, Градов? — говорю я, глядя на него в упор.

— Ты меня вчера козлом назвала, — напоминает он с невозмутимым видом.

— Я не виновата, что ты говоришь с контекстом, — цежу я сквозь зубы.

— С каким? — он снова приподнимает бровь.

— Ещё слово, Градов...

Он молчит. Просто смотрит на меня с этим своим выражением — как будто знает что-то, чего не знаю я.

Ник наконец перестаёт сдерживаться и присоединяется к ржачу Кира и Дэна. Они смеются так, будто я только что выдала стендап-комедию, хотя я просто пытаюсь защитить свою честь.

— Всё, завязывайте флиртовать, — объявляет Ник, вытирая выступившие слёзы.

— Мы не... — начинаю я, но меня перебивают.

— Ну да, конечно, вы не, — Кир всё ещё смеётся.

— Ты вообще на чьей стороне? — возмущаюсь я.

— На своей, — отвечает Кир и продолжает ржать.

Я открываю рот, чтобы сказать что-то едкое, но в этот момент сзади раздаётся голос:

— Что ржёте?

Лиза.

Я оборачиваюсь. Она стоит с припухшими губами — явно следы чьего-то внимания. Волосы растрёпаны, щёки розовые. Воробьёв, видимо, был очень настойчив.

— Не важно, — отвечает Градов за всех.

Лиза переводит взгляд на меня.

— Ты едешь?

— Да, — выдыхаю я с облегчением. — Кир, дома увидимся.

Кир всё ещё пытается справиться с приступом смеха, но находит в себе силы кивнуть.

— Ага.

Я беру Лизу под руку и увожу её прочь от этой компании.

— Что случилось? — спрашивает она, когда мы отходим на безопасное расстояние.

— Ничего. Градов просто... — я вздыхаю. — Он невыносим.

— Он тебя смутил?

— Нет!

— А почему тогда красная?

— Это от ветра.

— В ноябре?

— Лиза!

Она смеётся.

Я оборачиваюсь через плечо.

Градов стоит, прислонившись к машине, и смотрит на меня. В руке — телефон, но он не печатает. Просто держит его и смотрит.

Я отвожу взгляд первой.

— Поехали, — говорю я Лизе. — Хватит с меня сегодня хоккеистов.

— А я бы не отказалась, — мечтательно вздыхает Лиза, касаясь пальцами губ.

— Ты уже не отказалась, судя по всему.

Она улыбается, и я понимаю, что сегодня вечером у нас будет долгий разговор о Воробьёве.

Но сначала — доехать до дома, снять этот дурацкий капюшон и закрыть все вкладки в голове, которые открыл Градов.

Особенно ту, которая загорается каждый раз, когда он на меня смотрит.

Мы садимся в машину Лизы — старенький «Фольксваген» цвета мокрого асфальта, внутри которого всегда пахнет ванилью и кофе. Лиза заводит двигатель, я пристёгиваюсь и выдыхаю.

Наконец-то.

Подальше от этой компании. Подальше от Градова с его взглядом и приподнятой бровью.

Лиза вырывается с парковки и только тогда поворачивается ко мне.

— Ну, — говорит она многозначительно.

— Что «ну»?

— Рассказывай.

— Про что?

— Про Воробьёва, конечно! — она почти подпрыгивает на сиденье. — Ты видела мои губы? Я похожа на человека, который только что прошёл собеседование?

— Ты похожа на человека, который только что прошёл что-то другое, — бормочу я.

— Не завидуй.

— Я не завидую. Я переживаю.

Лиза вздыхает, но улыбается.

— Слушай, он... — она замолкает, подбирая слова. — Он смешной. Не как Ник, который шутит для всех, а по-своему. С ним легко.

— Ты его знаешь два дня.

— А это много?

— Для серьёзных отношений — да.

— Кто сказал про серьёзные? — Лиза удивлённо смотрит на меня. — Мы просто целовались в коридоре. Не в загс же идём.

Я смотрю на неё.

— Лиза, ты целуешься в коридоре техникума с парнем, которого видела второй раз в жизни. Это не «просто». Это

звоночек.

— Какой?

— Тот, который говорит «эй, твой здравый смысл ушёл в запой».

Она смеётся. Громко, заразительно.

— Мой здравый смысл, Ронни, называется иначе. Гормоны.

— Это не название, это диагноз.

— А у тебя с диагнозами вообще хорошо, — парирует она. — СДВГ, социальная тревожность, хроническая потеря ключей...

— Ключи — это не диагноз.

— Это симптом.

Я не спорю. Потому что она права. Но это не значит, что я должна молчать, когда моя лучшая подруга готова целоваться с каждым встречным хоккеистом.

— Ладно, — я откидываюсь на спинку. — Расскажи про него. Что за Воробьёв?

Лиза оживляется мгновенно. Глаза загораются, жесты становятся активнее — она чуть не отпускает руль, и я мысленно молюсь всем богам дизайна, чтобы мы не врезались.

— Он высокий. Выше меня на голову. Тёмные волосы, глаза серые, и у него такая улыбка... — она мечтательно закатывает глаза. — И он играет в хоккей. Ты представляешь?

— Я окружена хоккеистами, Лиза. Я представляю.

— Нет, ты не представляешь. Он не такой, как Градов. Не

такой напыщенный и циничный. Он... нормальный.

— Нормальные хоккеисты — это оксюморон.

— Ты просто не видела его.

— Я видела его сегодня. Он примагнитился к тебе так, что я подумала — сейчас начнётся сцена из «Сумерек».

Лиза заливается смехом.

— О господи, Ронни. Ты и «Сумерки» смотрела?

— Это был вынужденный марафон с тобой в прошлом году. Травма на всю жизнь.

— Но Эдвард же красивый.

— Эдвард — токсичный абьюзер, который следит за Беллой во сне. Это не романтика, это крик о помощи.

Лиза качает головой, всё ещё улыбаясь.

— Ты неисправима.

— Я реалистка.

— Ты циник.

— Это одно и то же.

Мы замолкаем на минуту. Я смотрю в окно — ноябрьская Казань, серые дома, мокрые дороги, люди в куртках и с зонтами. Обычный день.

— А теперь про тебя, — вдруг говорит Лиза.

Я поворачиваюсь к ней.

— Про меня?

— Про тебя и Градова.

— Нет никаких «меня и Градова».

— Ага, — она не верит. — Я видела, как вы смотрели друг

на друга.

— Мы не смотрели.

— Вы сверлили друг друга взглядами. Я думала, сейчас искры посыплются.

— Это были искры ненависти.

— Ненависть — это тоже страсть, Ронни.

— Лиза, — я делаю глубокий вдох. — Я ничего к нему не чувствую. Совсем. Он мой напарник на практике, и всё.

— И поэтому ты покраснела, когда он сказал про девушек?

— Я не краснела.

— Покраснела. Я заметила.

— Это от ветра.

— В машине нет ветра.

Я закрываю глаза на секунду.

Лиза — как детектив. Если она что-то вцепилась, то не отстанет, пока не докопается до истины. Даже если истины нет.

— Ладно, — сдаюсь я. — Была одна ситуация на практике. С телефоном.

— Ооо, — Лиза пододвигается ближе, хотя ведёт машину. — Рассказывай.

— Осторожнее, мы врежемся.

— Не врежемся. Рассказывай.

Я вздыхаю.

— Вчера. Мы работали. У него телефон разрывался от со-

общений. Я попросила его либо ответить, либо поставить на беззвучный. А он говорит: «Отвечу, когда закончу».

— И?

— И я спросила: «А вдруг там девушка и у неё что-то серьёзное?»

Лиза поднимает бровь. Её лицо приобретает выражение «я знаю, чем это кончится, но хочу услышать».

— А он сказал: «Единственное серьёзное, что может быть у девушек, с которыми я встречаюсь, — это когда они смогут».

— Смогут что? — Лиза хмурится.

— Я тоже спросила. А он говорит: «Тебе завуалировать или прямо сказать?»

Лиза открывает рот.

— И ты?

— Я сказала, что поняла.

— А он?

— Он спросил, что я поняла.

— И что ты поняла?

— Ну... — я мнусь. — Я подумала, что он про... ну... это.

— Про секс?

— Лиза!

— Что? Я прямо спросила. А он?

— А он сказал, что мы говорили о сексе? — я передразниваю его интонацию. — Что он имел в виду время, проведённое вместе. У него график плотный. И в его словах не

было ни слова про секс.

Лиза молчит три секунды.

Потом начинает смеяться.

— О господи, Ронни. Ты попала в неловкую ситуацию из-за того, что сама придумала контекст?

— Он придумал контекст своей формулировкой!

— Он сказал «когда они смогут». Это могло означать что угодно. Смогут найти время, смогут приехать, смогут не быть...

— Он знал, как это звучит.

— А ты знала, как это понимаешь, — Лиза вытирает выступившие слёзы. — Ты покраснела, да?

— ...да.

— И он видел?

— Он сказал, что я покраснела. Я сказала, что это от жары. Он напомнил, что на улице ноябрь.

Лиза снова смеётся.

Я смотрю на неё и понимаю, что со стороны эта ситуация действительно выглядит глупо. Но тогда, в кабинете, мне было не до смеха.

— И всё? — спрашивает Лиза, успокаиваясь. — Ты больше ничего к нему не чувствуешь?

— Ничего, — твёрдо говорю я. — Он — напарник. Раздражающий, самоуверенный, иногда даже полезный, но напарник.

— Полезный?

— Он дал дельный совет по макету. И я его послушала.

— Ты? Послушала чей-то совет? — Лиза изображает удивление. — Мир перевернулся.

— Заткнись.

— Нет, я серьёзно. Ты обычно никого не слушаешь. А тут

— Градов. Значит, он тебя чем-то зацепил.

— Макетом.

— Ронни...

— Лиз, — я поворачиваюсь к ней. — Клянусь. Я ничего к нему не чувствую. Он красивый, да. Это факт, с которым глупо спорить. Но красивый — не значит «нравится». Мне нравится, как он работает. Мне нравится, что он не отвлекает меня по пустякам. Мне даже нравится, что он спорит со мной про футер. Но это не то, о чём ты думаешь.

Лиза смотрит на меня долгим взглядом.

— Ладно, — наконец говорит она. — Верю. Пока что.

— Что значит «пока что»?

— Значит, что я буду наблюдать.

— Ты жуткая.

— Я заботливая. Есть разница.

Мы подъезжаем к моему дому. Лиза паркуется у подъезда, и я собираю рюкзак.

— Спасибо, что подвезла.

— Не за что. И Ронни...

— М?

— Будь осторожна с ним.

— С Воробьёвым?

— С Градовым, — она смотрит на меня серьёзно. — Такие парни, как он, не подпускают к себе просто так. Если он начал с тобой разговаривать, спорить, обращать внимание — значит, для него ты уже не просто «младшая сестра Соболева».

— Ты накручиваешь.

— Может быть. — Она пожимает плечами. — Но я лучше перестрахуюсь.

Я выхожу из машины, машу ей рукой.

— До завтра!

— До завтра!

Я захожу в подъезд и только там выдыхаю.

Лиза права в одном: Градов действительно ко мне присматривается. Но не как к девушке. Как к загадке. Как к человеку, который не ведётся на его репутацию.

И это нормально.

Я тоже к нему присматриваюсь.

Но только как к напарнику.

Только как к напарнику.

Я повторяю это про себя, пока поднимаюсь на лифте.

Потому что если начну думать иначе — все мои вкладки схлопнутся в одну.

А одну вкладку я не вывезу.

Тёплая вода — лучшее, что придумало человечество после изобретения интернета и энергетиков.

Я стою под душем и чувствую, как напряжение уходит из плеч. Практика, Градов, его взгляд, Лиза с её вопросами — всё смывается пеной и горячей водой.

Жаль, что вместе с напряжением не смываются мысли.

«Такие парни, как он, не подпускают к себе просто так».

Лиза, конечно, драматизирует. Но в её словах есть доля правды. Градов действительно не из тех, кто тратит время на пустые разговоры. Если он спорит со мной про футер — значит, ему не всё равно на проект. И точка. Никакой другой причины быть не может.

Я выключаю воду, заворачиваюсь в полотенце и выхожу из ванной. Волосы мокрыми сосульками свисают на плечи, в коридоре пахнет моим шампунем — кокосом и ванилью.

И в этот момент входная дверь открывается.

Кир.

Он заходит с пакетом из магазина — я вижу край буханки хлеба и что-то зелёное, похожее на брокколи. Но самое интересное не в пакете. Кир разговаривает по телефону, и его голос оживлённый — таким он бывает только с командой или когда обсуждает хоккей.

— Да говорю тебе, он упрямый как осёл. — Кир скидывает кроссовки прямо в прихожей, не глядя. — Я пробовал. Ник пробовал. Дэн тоже. Он просто сказал «нет» и всё.

Пауза. Видимо, собеседник что-то отвечает.

— А я при чём? — Кир закатывает глаза. — Ты его знаешь. Если Град сказал нет, значит нет. Не надо меня в это

втягивать.

Ещё пауза. Кир идёт на кухню, я за ним — босиком, в полотенце, с мокрой головой. Мама и папа уже за столом. Папа читает книгу (исторический роман, судя по обложке), мама наливает чай.

— Кирюш, — мама поднимает голову. — Ты чего задумчивый?

Кир заканчивает разговор коротким «ладно, подумаю» и сбрасывает вызов. Кладёт телефон на стол, выдыхает.

— Да вот думаю, как уговорить одного дебила сходить на игру.

Мама усмехается. Она вообще редко усмехается — обычно она или серьёзная, или улыбается. Но когда речь заходит о друзьях Кира, она становится мягче.

— Матвея? — уточняет она.

— Ага, — Кир кивает и падает на стул.

— Ты же его знаешь, — мама отпивает чай. — Его сложно в чём-то убедить, если он сам не захочет.

— В этом и проблема, — Кир проводит рукой по волосам. — Он согласился, но как-то неохотно. А Ник хочет, чтобы все пятеро были. Тигр и Дэн уже сказали «да», я — «да», Град — «пас». Но потом согласился. А сегодня опять начал: «не знаю, может, не пойду».

— И когда игра? — спрашивает папа, не отрываясь от книги.

— На следующей неделе.

Папа поднимает голову. Он вообще редко встречается в наши разговоры, но когда речь о хоккее — становится внимательным.

— У вас же игра с этими, как их, «Ворон», кажется.

— Юниорская игра в воскресенье, — объясняет Кир. — А у нас только через десять дней. Так что времени полно.

— Вот оно что, — папа кивает и возвращается к книге.

Я стою в дверях кухни, завёрнутая в полотенце, и слушаю. В голове что-то щёлкает.

— А если я попробую? — говорю я.

Кир поднимает голову.

— Чего?

— Ну, уговорю твоего Градова сходить на хоккей.

Кир смотрит на меня так, будто я только что предложила полететь на Марс.

— Он не мой, — говорит он.

— После того как ты признавался ему в любви, я сомневаюсь, что у вас просто дружба, — я улыбаюсь самой невинной улыбкой, на которую способна. — Может, девушки у него лишь прикрытие.

Кир поперхнулся чаем.

Буквально — сделал глоток, услышал мои слова, и чай пошёл не в то горло. Он закашлялся, стуча себя кулаком в грудь, а мама и папа... они не засмеялись. Они чуть посмеивались. Папа прикрыл рот ладонью, мама отвернулась к плите, но я вижу, как трясутся её плечи.

— Издеваешься, — выдавливают Кир, когда приходит в себя. Глаза красные, на лице выражение «я тебя порву».

— Что ты, — я делаю шаг назад, на всякий случай. — Как я могу издеваться над старшим братом?

— Мы ушли от темы, — Кир ставит чашку на стол. Резко. Так, что чай расплёскивается.

— Темы вашей любви с Градовым?

— Темы его уговорить на игру! — Кир почти рычит, но я вижу, что он сдерживает смех. Он тоже понимает, что я шучу. Но виду не подаёт.

— А, ну да, — я киваю. — Тема игры. Так что насчёт моего предложения?

Кир смотрит на меня. Долго. Прищурившись.

— Ты серьёзно?

— А почему нет? — я пожимаю плечами. — Мы с ним в паре на практике. Я вижу его каждый день. Могу как бы невзначай завести разговор...

— «Как бы невзначай»? — Кир перебивает. — Ты? Ты, которая говорит всё, что думает, и не умеет врать?

— Я умею, когда надо.

— Не умеешь.

— А вот и умею.

— Спорим?

Мама вздыхает.

— Дети, не ссорьтесь.

— Мы не ссоримся, мам, — отвечаю я, не отводя взгляда

от Кира. — Мы дискутируем.

— Вы спорите о том, умеет ли Вероника врать, — уточняет папа из-за книги. — Это очень продуктивная дискуссия.

Кир сдувается.

— Ладно, — говорит он. — Если хочешь — попробуй. Но я предупреждаю: Град не тот, кто поддаётся на уговоры. Если он сказал «нет», значит нет. Даже если ты будешь использовать свои...

Он замолкает, подбирая слово.

— Что? — я приподнимаю бровь. — Свои что?

— Свои женские штучки, — Кир морщится, будто выплюнул что-то кислое.

Я смеюсь.

— Какие ещё женские штучки, Кир? Я что, по-твоему, умею флиртовать?

— Нет, — честно отвечает он. — Ты вообще в этом ноль.

— Вот видишь. Значит, если я его уговорю — это будет чисто на логике.

— На логике, — Кир скептически смотрит на меня. — Ты и логика — вещи несовместимые.

— Ты сейчас о ком?

— О тебе.

— Я дизайнер. У нас своя логика.

— Она называется «хочу-не-могу».

— Кирилл!

Мама снова вздыхает. Папа переворачивает страницу.

— Так что? — я возвращаюсь к теме. — Пробую?

Кир молчит несколько секунд. Потом кивает.

— Пробуй. Но если он пошлёт тебя — я ничего не знаю и ничего не слышал.

— Не пошлёт, — говорю я уверенно, хотя внутри всё сжимается.

— Откуда такая уверенность?

— Он меня ещё ни разу не послал, — пожимаю я плечами.

— Даже когда я назвала его козлом.

Кир усмехается.

— Это потому что он знает, что ты моя сестра.

— А вот и нет. Он сказал, что ему всё равно, чья я сестра.

Что он работает со мной, а не с тобой.

Кир замолкает.

Смотрит на меня с каким-то новым выражением. Я не могу его прочесть — то ли удивление, то ли тревога, то ли что-то среднее.

— Ладно, — говорит он наконец. — Завтра на практике попробуешь?

— Завтра.

— Договорились.

Я киваю и ухожу в свою комнату, чтобы наконец одеться.

Закрываю дверь, падаю на кровать.

Что я только что сделала?

Я вызвалась уговаривать Матвея Градова пойти на хоккей.

Матвея Градова, который не слушает никого.

Матвея Градова, который сказал «пас», потом согласился, потом передумал.

Матвея Градова, который смотрит на меня так, будто пытается прочесть что-то у меня на лбу.

Я закрываю глаза.

В голове открывается новая вкладка: «Уговорить Градова».

И она мигает ярче всех.

Потому что я понятия не имею, как это сделать.

Но отступить уже поздно.

Кафе «Кофе и точки» находится в двух шагах от техникума. Место популярное среди студентов — потому что дешево, быстро и можно сидеть сколько угодно, пока ты что-то заказал. Мы с Лизой любим забиваться в дальний угол у окна, чтобы никто не мешал.

Сегодня у меня нет аппетита, но Лиза сказала, что «если ты не съешь хоть что-то до практики, я лично позвоню твоей маме». Угроза рабочая — мама действительно приедет и будет кормить меня с ложки, не постесняется даже в кафе.

Поэтому я ем круассан. С шоколадом. И запиваю его капучино, хотя обычно пью энергетики. Но Лиза сказала, что энергетики в одиннадцать утра — это путь к инфаркту, а у неё нет времени хоронить лучшую подругу.

— Я сейчас правильно услышала? — Лиза отодвигает свою чашку и смотрит на меня с таким выражением, будто я

только что призналась в убийстве.

— Смотря как ты поняла, — осторожно отвечаю я, потому что знаю Лизу. Если она завелась — остановить её невозможно.

— Ты. Уговариваешь. Градова. Сегодня.

Она произносит каждое слово отдельно, с паузами, как будто я плохо слышу.

— Говоришь так, как будто это событие вселенского масштаба, — я откусываю круассан, чтобы не отвечать сразу.

— Это событие вселенского масштаба! — Лиза почти подпрыгивает на стуле. — Ты вчера говорила, что он для тебя просто напарник! Что ты ничего к нему не чувствуешь! А сегодня ты собираешься его уговаривать!

— Чтобы он пошёл на хоккей, — напоминаю я. — Речь не обо мне и не о чувствах. Речь о том, что Кир попросил.

— Кир не просил. Ты сама вызвалась.

— Это звучит так, будто я вызвалась на подвиг.

— А это и есть подвиг! — Лиза драматично закатывает глаза. — Ты идёшь уговаривать Матвея Градова. Матвея. Градова. Капитана команды. Человека, который сказал «нет» всем, включая Кира, Дэна и Ника.

— Ну, я попробую, — пожимаю я плечами. — Если не получится — ничего страшного.

— Ты так спокойно говоришь, — Лиза подозрительно щурится. — Слишком спокойно.

— А что я должна делать? Трястись?

— Да! Ты должна трястись! Потому что это Градов, Ронни. Тот самый Градов, который меняет девушек как перчатки. Тот самый Градов, который смотрит так, будто раздевает взглядом. И ты идёшь к нему одна. В кабинет. И будешь его уговаривать.

— Мы всё равно в одном кабинете сидим каждый день, — замечаю я. — Это не подвиг, это рутина.

— Раньше это была рутина. А сегодня — миссия.

— Ты драматизируешь.

— Ты недооцениваешь.

Я вздыхаю и допиваю капучино. Вкус горьковатый, несмотря на сахар. Или это у меня на душе горьковато?

Нет, не горьковато. Просто... беспокойно. Не потому что Градов. А потому что я не знаю, как к нему подойти с этим разговором. Мы работаем, спорим о макетах, иногда перебрасываемся колкостями — и всё. Всё остальное — за рамками.

А тут я должна его уговаривать.

— И как ты это сделаешь? — Лиза наклоняется ко мне, облакачиваясь на стол. — Есть план?

— Пока нет, — честно признаюсь я.

— То есть ты идёшь к Градову без плана?

— У меня есть... интуиция.

— Твоя интуиция однажды привела тебя в мужской туалет, потому что ты не посмотрела на табличку, — напоминает Лиза.

— Это был честный конструктивный недостаток.

— Это был позор.

— Никто не узнал.

— Я узнала. И напоминаю тебе об этом каждый раз, когда ты говоришь про интуицию.

Я закатываю глаза.

— Ладно. У меня есть примерный план. Я заведу разговор. Ненавязчиво.

— Ненавязчиво, — Лиза повторяет это слово так, будто я сказала что-то на китайском.

— Ты сегодня в оппозиционном настроении?

— Я в реалистичном, — она откидывается на спинку стула. — Просто хочу, чтобы ты понимала: Градов не из тех, кто меняет решение под давлением. Или под уговорами.

— А под чем он меняет решение?

Лиза молчит. Смотрит на меня.

— Под тем, что ему самому это нужно, — наконец говорит она. — Если он не хочет — не пойдёт. Даже если весь мир будет просить.

— Значит, мне нужно сделать так, чтобы он захотел.

— И как ты это сделаешь?

Я думаю.

— Покажу ему, что это интересно.

— Что — интересно?

— Игра. Юниорская сборная. Хоккей. — Я кручу в руках салфетку. — Он же хоккеист. Он должен хотеть посмотреть

на хороший хоккей.

— Должен, — соглашается Лиза. — Но не хочет. Почему?

— Не знаю. Может, у него другие планы.

— Или он просто не хочет идти с вами.

Я смотрю на неё.

— В каком смысле?

— В прямом. Может, ему надоело тусоваться только с командой. Может, он хочет побыть один. Может, у него причина, о которой вы не знаете.

— Кир знает, — говорю я задумчиво. — Он знает почти всё про Градова. Но не рассказывает.

— И ты не спрашиваешь?

— Не моё дело.

Лиза усмехается.

— Ты странная, Ронни.

— Почему это?

— Обычные девушки на твоём месте уже выяснили бы всё, что можно, про такого парня. А тебе плевать.

— Мне не плевать, — возражаю я. — Просто это не моя информация. Если Кир не рассказывает — значит, есть причина.

— Уважаешь чужие границы?

— У меня своих полно. Понимаю, как это — когда лезут не туда.

Лиза смотрит на меня долгим взглядом. Потом кивает.

— Ладно. Убедила. — Она берёт свою чашку. — Но ты

всё равно будь осторожна. Не лезь к нему с уговорами в лоб. Попробуй сначала просто поговорить. Узнай, почему он не хочет.

— А если он не скажет?

— Тогда не лезь.

— То есть, если он не захочет говорить — я отступаю?

— Да, — Лиза кивает. — Потому что если ты начнёшь давить, он тебя пошлёт. И тогда вашей рабочей атмосфере придёт конец.

Я вздыхаю.

Она права. Как всегда.

— Ладно, — я встаю. — Пойду. Скоро практика.

— Удачи, — Лиза тоже поднимается. — И Ронни...

— М?

— Если что — напиши. Я буду на связи.

Я киваю и выхожу из кафе.

Ноябрьский ветер бьёт в лицо, и я натягиваю капюшон. До бизнес-центра идти минут десять. У меня есть время подумать.

Но мысли не слушаются.

Перед глазами — его лицо. То самое выражение, когда он смотрит в упор, не моргая. Как будто пытается заглянуть под кожу.

Станный он.

И от этого — опасный.

Не в смысле «убьёт и закопает». А в смысле — может за-

ставить думать о том, о чём я не хочу думать.

Я трясую головой, достаю наушники и включаю музыку.

Практика.

Градов.

Уговоры.

Всё просто.

Правда?

Глава 6. Матвей

У меня есть правило.

Никаких дел за час до практики. Никакой еды, никакой беготни, никаких разговоров по душам. Только я, тишина и мысли о хоккее. Иногда — кофе. Но сегодня кофе не спасёт.

Потому что правило нарушили.

Она приехала сама.

Настя. Или Алиса. Или Карина. Я честно не помню. Какая-то девушка из универа, кажется с младших курсов. Мы пересеклись пару раз на вечеринках у Ника, потом она написала в директ. Я ответил. Потом мы встретились. Потом она оказалась у меня в квартире.

Стандартная схема.

Всё, что происходит сейчас в моей гостиной — это продолжение той самой стандартной схемы. Я даже не думаю об этом. Тело работает на автомате, мозг отключен нахрен, потому что я уже мысленно на льду.

Она сидит на мне верхом.

Скачет.

Да, именно так — скачет. Как будто участвует в соревнованиях по родео. Длинные светлые волосы хлещут по воздуху, голова запрокинута, глаза закрыты. Она что-то говорит, но я не слушаю. Кажется, что-то про «не останавливайся».

Я и не останавливаюсь.

Руки на её талии — автоматически, пальцы сжимаются в такт движениям. Я смотрю в потолок. На нём трещина, которую я замазал гипсом, но она всё равно проступает, потому что дом старый. Третий этаж, пятиэтажка в Ново-Савиновском, вечно ломающийся лифт. Место, которое я называю «дом», хотя оно никогда им не было.

— Матвей, — она выдыхает моё имя с придыханием, как будто мы в мелодраме. — Ты такой...

Она не договаривает. Я и не жду. Все всегда не договаривают. Или договаривают «красивый», «сексуальный», «невыносимый». Скучно.

Я переворачиваю её.

Меняем позицию — она на четвереньках, я сзади. Это лучше. Не надо смотреть в лицо. Не надо делать вид, что мне не всё равно. Не надо притворяться, что я здесь, с ней, а не там — на льду, или в кабинете с Соболевой, или у Кира дома, где пахнет мамиными пирогами.

Здесь пахнет духами. Слишком сладко. И сексом.

Всё по стандарту.

Я закрываю глаза и позволяю телу делать своё дело.

В голове — пустота. Почти.

Потому что между толчками вдруг проскальзывает другое лицо. Не её. Другое. С тёмными волосами, собранными в небрежный пучок, с наушниками на шее и вечно нахмуренными бровями.

Соболева.

Какого хрена, Градов?

Я мотаю головой, прогоняя наваждение. Но оно возвращается. Её взгляд сегодня утром на парковке — когда она сказала «ты козёл». Не зло, а так — констатация факта. Её смех, когда Кир рассказывал что-то про вчерашнее. Её губы, когда она пила кофе в кафе — я видел её через окно, когда проезжал мимо.

Бля.

— Ещё, — шепчет девушка. — Не останавливайся.

Я и не останавливаюсь.

Но мыслями уже не здесь.

Я думаю о том, почему она вообще согласилась на практику. Почему не попросила замену. Почему сидит со мной в одном кабинете и спорит о футере, как будто от этого зависит её жизнь. Почему не боится. Почему смотрит прямо, без этого привычного «ой, это же Градов».

Может, ей действительно всё равно.

Может, я для неё — просто напарник.

Может, это и бесит.

— Матвей, — девушка поворачивает голову, пытаюсь поймать мой взгляд. — Ты со мной?

— Ага, — вру я.

Я не с ней.

Я вообще не здесь.

Я заканчиваю.

Быстро, сухо, без эмоций. Как отработку на льду — сделал

и забыл.

Она падает на диван, тяжело дышит, и смотрит на меня с каким-то новым выражением. Не знаю, что это. Разочарование? Обида? Понимание, что она была не единственной в этой комнате?

— Ты странный сегодня, — говорит она, натягивая трусики. — Что-то случилось?

— Ничего, — я встаю, нахожу свои джинсы, натягиваю. — Просто голова не в том месте.

— А в каком месте твоя голова? — она усмехается, пытается сделать вид, что шутит.

— В раздевалке. Через час тренировка.

— Ты сейчас серьёзно?

— А должен шутить?

Она замолкает.

Я иду в ванную, смываю с себя пот, чужие духи, чужое тепло. Смотрю в зеркало. Под глазами — круги. Взгляд — пустой. Всё, как всегда.

Возвращаюсь в гостиную. Девушка уже одета — короткое платье, которое смотрелось бы уместно в клубе, но не в моей квартире в одиннадцать утра.

— Может, сходим куда-нибудь сегодня? — спрашивает она, поправляя волосы.

— Нет, — коротко.

— Почему?

— Потому что не хочу.

Она смотрит на меня с секунду. Потом усмехается.

— Знаешь, Градов, ты иногда бываешь...

— Козлом? — заканчиваю я за неё.

— Я хотела сказать «невыносимым».

— Одно и то же.

Она берёт сумку, идёт к двери. На пороге оборачивается.

— Позвонишь?

— Нет, — честно отвечаю я.

Она не плачет. Не злится. Просто кивает — как будто ожидала этого ответа. И уходит.

Дверь закрывается. Щёлкает замок.

Тишина.

Я смотрю на диван. Смятая простыня, на которой мы только что... Неважно. Я бросаю её в стирку, открываю окно — выветрить запах духов.

Ноябрьский воздух врывается в квартиру, и я делаю глубокий вдох.

Вот так.

Никаких чувств. Никаких обещаний. Никаких «позвони».

Стандартная схема.

Я смотрю на часы.

Через сорок минут практика. Через сорок минут я буду сидеть в кабинете 405 рядом с Соболевой.

И мне почему-то легче от этой мысли.

Что за херня?

Я иду на кухню, открываю холодильник. Энергетик. От-

крываю банку, делаю большой глоток — химическая сладость обжигает горло.

В голове снова её лицо.

Вероники.

Соболевой-младшей.

Той, которая мне ничего не должна. Которая не строит глазки. Которая называет меня козлом и спорит про футер.

Я усмехаюсь.

Интересно, что она скажет, если узнает, чем я занимался за час до практики?

Ничего, наверное.

Скажет «мне плевать», уткнётся в свой ноутбук и продолжит рисовать свои макеты.

Это и бесит.

И одновременно — притягивает.

Я допиваю энергетик, кидаю банку в мусорку, иду в ванну, чищу зубы. Надеваю чёрную футболку, джинсы, сверху — толстовку.

И выхожу из дома.

На парковке сажусь в машину, завожу двигатель.

Практика.

Соболева.

Снова начнёт спорить?

Или просто уткнётся в монитор, и мы просидим два часа в тишине, как обычно?

Я усмехаюсь и выезжаю со двора.

Посмотрим.

Я вхожу в кабинет 405 ровно в десять.

Ника уже на месте — сидит у окна, ноутбук открыт, в наушниках, пальцы зависли над трекпадом. Она не смотрит на меня. Я привык. Первые полчаса она обычно раскачивается, делает вид, что меня нет, а потом начинает спорить.

Сегодня не так.

Сегодня она поворачивается через пять минут.

— Градов, — говорит она.

— М?

— У меня к тебе разговор.

Я поднимаю голову от ноутбука. Она смотрит в упор, без улыбки. Серьёзно. Даже наушники сняла — это показатель.

— Валяй, — я откидываюсь на спинку стула, скрещиваю руки на груди. Люблю эту позу — она даёт мне иллюзию контроля.

— Почему ты не хочешь идти на игру?

Я усмехаюсь.

— Сразу к делу? Без предисловий?

— Зачем тянуть? — она пожимает плечами. — Мы оба знаем, что я здесь не только ради макета.

— А ради чего?

— Ради того, чтобы уговорить тебя.

Я смотрю на неё.

Она не отводит взгляд. Смелая. Или дура. Или и то, и другое.

— Кир попросил? — спрашиваю я.

— Я сама вызвалась.

— Зачем?

— Потому что вы мне все уши прожужжали про эту игру, — она морщится. — Ник в группе раз десять написал. Кир за ужином говорил. Дэн намекал. А теперь ты начинаешь выёживаться.

— Выёживаться?

— Да. Сказал «да», потом «пас», потом опять «не знаю».

— Она перечисляет на пальцах. — Ты как качели, Градов. То туда, то сюда.

Я усмехаюсь.

— Ты наблюдательная.

— Я просто слушаю. — Она поправляет выбившуюся прядь. — Так почему не хочешь?

— Не хочу — и всё, — пожимаю я плечами. — Причина не твоего ума дело.

— Ума? — она приподнимает бровь. — Ты сейчас меня умом попрекнул?

— Я сказал "не твоего ума дело". Это устойчивое выражение, Соболева. Не надо искать скрытый смысл.

— С тобой всегда надо искать скрытый смысл, — бурчит она. — Потому что прямо ты никогда ничего не говоришь.

— Прямо — скучно.

— А что не скучно?

— Когда угадывают.

Она замолкает.

Смотрит на меня.

Я смотрю на неё.

— Ладно, — она глубоко вздыхает. — Без причины. Просто скажи: ты пойдёшь или нет?

— Нет.

— Почему?

— Потому что нет.

— Это не ответ.

— Это ответ. Просто он тебе не нравится.

Она поджимает губы. Я вижу, как она перебирает в голове аргументы — вкладки открываются одна за другой. Забавно наблюдать за этим процессом. У обычных людей лицо становится задумчивым. У неё — как будто внутри происходит аварийное переключение тумблеров.

— Там будет хороший хоккей, — начинает она.

— Я знаю.

— Юниорская сборная — это уровень.

— Я знаю.

— Твои друзья идут.

— Я знаю.

— Кир расстроится.

— Кир — взрослый мальчик. Переживёт.

Она замолкает на секунду. Я вижу, что её аргументы кончаются. Но она не сдаётся. Упрямая.

— А если я попрошу? — тихо спрашивает она.

Я приподнимаю бровь.

— Попросишь?

— Ну... да, — она мнётся. — Пожалуйста.

Я смотрю на неё.

Сказать «нет» сейчас было бы легко. Легко отмахнуться, включить саркастичного мудака, сказать что-то вроде «твои мольбы не работают, Соболева». Это было бы в моём стиле.

Но почему-то не хочется.

Может, потому что она действительно старается. Может, потому что она сняла наушники, отложила макет и смотрит на меня как на человека, а не как на проблему. Может, потому что сегодня, перед тем как войти в кабинет, я стоял под душем и смывал с себя чужую помаду, а она сидит здесь и понятия не имеет.

И это... честно.

— Окей, — говорю я. — Я иду.

Её глаза вспыхивают.

— Но, — добавляю я.

Она тут же гаснет.

— Конечно, всегда есть «но», — вздыхает она.

— Ты идёшь со мной.

Она замирает.

— В смысле? — переспрашивает она, моргая.

— В прямом. — Я наклоняюсь вперёд, опираясь локтями на стол. — Или ты идёшь со мной, или я не иду.

Наступает тишина.

Я слышу, как за окном проезжает машина. Как кто-то смеётся в коридоре. Как её дыхание сбивается на полсекунды.

— Шантаж? — наконец выдыхает она.

— Условие, — поправляю я. — Хочешь, чтобы я пошёл — идёшь со мной. Всё просто.

— Билетов пять, — она начинает загибать пальцы. — Я шестая.

— Я куплю тебе билет.

— И как это называется? — в её голосе появляется металл.

— Поход на хоккей, — спокойно отвечаю я. — Обычное мероприятие. Люди ходят на хоккей компаниями.

— Что Кир подумает?

— А что Кир подумает? — я усмехаюсь. — Он пытался уговорить меня пойти на игру. Я иду. А как — это уже второстепенный вопрос.

— И что мы ему скажем?

— Скажем правду. В чём проблема?

— Что ты меня шантажируешь, — она смотрит на меня исподлобья.

— Почему сразу шантаж? — я растягиваю губы в усмешке. — Считай, что это...

Я замолкаю. Нарочно. Чтобы она додумала сама.

Она приподнимает бровь. Точь-в-точь, как я.

— Свидание?

В её голосе — столько скепсиса, что я почти смеюсь.

— Я ни слова не сказал про свидание, — качаю я головой. — Я имел в виду обычный поход на хоккей. Считай, ты идёшь со своим братом, но у тебя сопровождение капитана.

— Сопровождение капитана, — повторяет она, словно пробуя слова на вкус. — Звучит как эскорт-услуга.

— Если тебе так удобнее — пожалуйста.

Она смотрит на меня. Долго. Так, будто пытается прочесть мои мысли. Не получится — я научился прятать мысли задолго до того, как мы встретились.

— А не боишься, что парни по гроб жизни это не забудут? — вдруг спрашивает она.

Я усмехаюсь.

— Парни много чего про меня знают такого, о чём до сих пор не знает ни одна собака. — Я откидываюсь на спинку стула. — Так что не переживай, подлёбывать они будут только меня.

— Ты всегда такой прямолинейный? — она наклоняет голову.

Я смотрю на неё.

На её выбившиеся пряди. На бейдж, который сегодня снова прицеплен криво. На пальцы, которые нервно теребят край ноутбука.

— Это проблема? — спрашиваю я.

Она молчит.

Секунду. Две. Три.

— Нет, — наконец говорит она. — Не проблема. Просто

непривычно.

— Привыкай, — я разворачиваю ноутбук к себе. — У тебя есть время до воскресенья.

— Я не соглашалась, — напоминает она.

— Но и не отказалась.

Она снова замолкает.

Я печатаю код, делая вид, что мне всё равно. На самом деле я весь превратился в слух. Слышу, как она перекладывает мышь, как делает вдох, как выдыхает.

— Ладно, — говорит она тихо.

Я поднимаю голову.

— Что "ладно"?

— Ладно, я иду.

— С кем?

Она закатывает глаза. Я готов поклясться — сдерживает улыбку.

— С тобой, Градов. С тобой.

— Полный ответ, пожалуйста.

Она смотрит на меня. В её глазах — смесь бешенства и чего-то ещё. Того, что я не могу назвать.

— Я, Вероника Соболева, иду с тобой, Матвей Градов, на хоккей, — чеканит она. — Доволен?

— Вполне, — киваю я и возвращаюсь к коду.

— Ты невыносим, — слышу я её шёпот.

— Знаю, — не поднимая головы, отвечаю я.

Мы работаем молча следующие полчаса.

Но я чувствую её взгляд.

И мне это нравится.

Бля.

Мне это нравится.

Мы работаем молча. Я правлю стили, она перерисовывает баннер. Каждый сам по себе, но рядом. Уже привычно. Уже не отвлекает.

Телефон на столе вибрирует.

Дэн.

— Градов, — отвечаю я коротко.

Дэн что-то говорит про вечернюю тренировку, про замены, про то, что Хорнев поменял состав второго звена. Я слушаю вполуха, потому что одновременно правлю баги в вёрстке.

— Да, понял, — говорю я в конце. — Разберёмся.

Сбрасываю звонок.

Ника поднимает голову от ноутбука. В глазах — любопытство. Не то чтобы она следила за мной, просто... ну, естественное любопытство. Так и есть.

— Опять фанатки? — спрашивает она нейтральным тоном. Как будто ей всё равно.

Я смотрю на неё.

Можно сказать правду — это звонил Дэн. Можно не говорить. Но разве это весело?

— Одна из хоккейных заек, — бросаю я небрежно, возвращаясь к экрану.

— Хоккейная кто? — она хмурится, явно не понимая термина.

Я усмехаюсь. Вот это поворот. Она живёт с хоккеистом, брат — защитник, капитан команды, а она не знает такого базового понятия.

— Ты не знаешь, кто такая хоккейная зайка? — уточняю я, отрываясь от кода.

— Я в принципе ничего не знаю о хоккее, — пожимает она плечами. — Никогда не интересовалась.

— У тебя брат хоккеист.

— Не довелось, — она качает головой. — Кир никогда не рассказывал про хоккей. Ну, кроме того, что они выиграли или проиграли. А детали — нет. — Она замолкает на секунду. — Так, кто такие хоккейные зайки?

— Ты не захочешь этого знать, — говорю я, возвращаясь к экрану.

— Теперь уж точно хочу.

Я поднимаю голову.

Она смотрит на меня в упор. Без стеснения, без привычного для девушек кокетства. Просто — хочет знать.

— Серьёзно? — я проверяю, не шутит ли она.

— Да, — кивает она. — Я иду с вами на хоккей, я же должна понимать терминологию.

Я усмехаюсь.

Терминология, блядь.

Ладно. Она сама напросилась.

— Хоккейная зайка — это та девушка, которая буквально... — я замолкаю, выдерживая паузу. Смотрю на неё. Она не отводит взгляд. Смелая.

— Которая буквально что? — она приподнимает бровь.

— Хорошо, — я решаюсь. — Скажу прямо. Трахает хоккеиста.

Её глаза округляются.

Я никогда раньше не видел, чтобы чьи-то глаза округлялись так буквально. Это не метафора. Её зрачки расширяются, брови уползают вверх, рот приоткрывается. Она выглядит как персонаж мультфильма, который только что увидел привидение.

— Я не ослышалась? — тихо спрашивает она.

— Смотря что ты услышала, — я откидываюсь на спинку стула, складываю руки на груди.

— Кхм, — она отводит взгляд.

Её щёки розовеют. Я уже знаю этот оттенок — она краснеет. Снова. И это... забавно. Она может спорить со мной про футер, может называть меня козлом, может смотреть в упор, не моргая. Но когда речь заходит про секс — превращается в краснеющего подростка.

— Так ты поняла или нет? — уточняю я.

— Я поняла, — она говорит слишком быстро. — Ты мог бы и помягче.

— Ты просила прямо.

— Я просила объяснить термин, а не выдавать порногра-

фическую трактовку.

— Это и есть термин, — пожимаю я плечами. — Хоккейная зайка. Девушка, которая спит с хоккеистом. Не важно с каким — с первым, вторым, запасным. Ради галочки. Мол, «я переспала с хоккеистом».

Она морщится.

— Это ужасно звучит.

— Это правда жизни.

— И много таких?

— Достаточно.

Она замолкает. Смотрит куда-то в сторону, на стену. Я вижу, как она переваривает информацию. В её голове открывается новая вкладка — «хоккейные зайки», и она не знает, закрыть её или оставить.

— И ты... — она запинается. — У тебя были такие?

Я смотрю на неё.

Вопрос не в лоб. Она не спрашивает «ты спишь с поклонницами?». Она спрашивает «ты был с теми, кто воспринимает тебя как галочку?».

И это почему-то важный вопрос. Не для неё — для меня сам хрен знает почему.

— Были, — отвечаю я честно. — И не одна.

Она кивает. Больше ничего не спрашивает.

— И ты поэтому ни с кем не задерживаешься?

— Ты сегодня задаёшь слишком много вопросов, Соболева.

— А ты сегодня слишком много отвечаешь, — парирует она.

Я замолкаю.

Потому что она права.

Почему я вообще ей отвечаю? Почему не отмахнулся, не сказал «не твоё дело»? Почему сижу и рассказываю про хоккейных заек, вместо того чтобы писать код?

Ответ приходит не сразу.

Но он есть.

Потому что она не смотрит на меня как на «Матвея Градова — главного засранца». Она смотрит на меня как на человека, который может ответить на её вопрос. И ей действительно интересно. Не потому что я крутой хоккеист. А потому что она не знает эту часть мира — и хочет узнать.

— Ладно, — я возвращаюсь к ноутбуку. — Хватит лирики. У тебя там баннер готов?

— Нет, — она тоже поворачивается к экрану. — Но почти.

— Тогда работай.

— Работаю.

Мы снова сидим в тишине. Но теперь она другая. Не неловкая. Не рабочая. А такая... доверительная.

И это меня пугает.

Потому что я не привык доверять.

И не знаю, как это делается.

Практика заканчивается.

Я закрываю ноутбук, закидываю в рюкзак и смотрю на неё.

Она всё ещё в макете — зависла, забыв про время. Я уже привык. Она может сидеть так часами, пока не доведёт всё до идеала.

— Соболева, — говорю я. — Время вышло.

Она поднимает голову, моргает, возвращаясь в реальность.

— А, да.

Собирается быстро — ноутбук в рюкзак, наушники на шею, бейдж... бейдж она чуть не забывает. Я молча тычу в него пальцем, она хватается, цепляет на свитер.

Мы выходим из кабинета вместе, спускаемся на лифте, проходим через турникет. На улице — ноябрьская серость, холодный ветер и запах бензина с парковки.

Я достаю ключи.

Моя «Тойота» стоит у выезда, чёрная, грязная после вчерашнего дождя. Надо бы помыть, но когда — непонятно.

Оборачиваюсь к ней.

— Подвезти?

Она смотрит на меня с подозрением, как будто я предложил что-то неприличное.

— Спасибо, я сама.

— Пары через полчаса, — напоминаю я. — По пробкам не успеешь.

— Вызову такси.

— А таксист знает объездные пути?

Она прищуривается.

— Таксист хотя бы не ведёт себя как мудака.

Я усмехаюсь. Ожидаемо. Она не умеет принимать помощь просто так — нужно сначала отвоевать право на неё словесной перепалкой.

— А я, значит, мудака? — уточняю я.

Она складывает руки на груди и смотрит на меня так, будто готовит обвинительную речь. Я жду. Мне даже интересно, что она скажет.

— Ты человек, который сам не знает, чего хочет, — начинает она. — Это раз. Во-вторых, ты человек, который заполняет свою жизнь сексом, хоккеем и своим самолюбивым эго. — Она делает паузу, будто вспоминает что-то ещё. — Ах да, чуть не забыла. Ты шантажист.

Я смотрю на неё.

Перечисляет. Как по пунктам. Как будто я — задача, которую она решила и теперь выдаёт ответ.

— Ты психологом заделалась? — усмехаюсь я.

— Мне с людьми работать, — парирует она, не сбавляя тона. — Я же должна уметь отличать человека от животного.

— Вот как, — киваю я, пряча улыбку. Мне нравится, когда она злится. В ней появляется что-то... живое. Не та Вероника, которая уткнулась в макет и забыла про всё на свете. А та, которая готова спорить до хрипоты.

— Так ты в машину сядешь или как? — спрашиваю я, прерывая затянувшуюся паузу.

Она смотрит на меня. Взвешивает. Я вижу, как её мозг

перебирает варианты — остаться принципиальной или смириться с реальностью, в которой пробки и холод.

Вздыхает.

— Предупреждаю, — говорит она, поднимая палец. — После этого и похода на хоккей я с тобой спать не буду.

Я не сдерживаю усмешку.

— Не переживай, Соболева, — говорю я спокойно. — Ты не в моём вкусе.

Она смотрит на меня с вызовом.

— А кто в твоём вкусе?

Я молчу секунду.

Потом говорю:

— Твой брат.

Она замирает.

Я вижу, как её лицо меняется — от удивления до попытки понять, шучу я или нет. А потом она фыркает. Громко, не сдерживаясь. И смеётся.

— Господи, Градов, — выдыхает она, качая головой. — Ты невыносим.

— Я знаю.

— Идиот.

— Тоже знаю.

Она идёт к машине, открывает дверь и забирается на пассажирское сиденье.

Я сажусь за руль, заводжу двигатель.

В салоне пахнет мятой — у меня висит освежитель, ко-

торый Тигр подарил на день рождения. Пахнет приятно, не приторно.

Она пристёгивается, ставит рюкзак между ног и смотрит в боковое окно.

— У тебя чисто, — неожиданно замечает она.

— А ты ожидала бардак?

— Ожидала запах перегара и женских трусов на зеркале заднего вида.

— Это у Власова, — отвечаю я. — У меня — другие стандарты.

Она не отвечает. Просто смотрит на проплывающие за окном дома.

Я выезжаю с парковки и вливаюсь в поток. Пробки — как всегда. Казань в час пик — это испытание на прочность нервной системы.

— Ты прав, — говорит она спустя минуту. — Таксист бы не знал объездные пути.

— Я всегда прав, — отвечаю я, сворачивая во дворы. Короткий отрезок, который сокращает дорогу минут на десять.

— Только что ты сказал, что я не в твоём вкусе, — напоминает она.

— И что? Это правда.

— А что для тебя «мой вкус»?

Я смотрю на дорогу. Не хочу смотреть на неё. Потому что если посмотрю — отвечу не то.

— Блондинки, — говорю я первое, что приходит в голову.

— Врёшь.

— С чего ты взяла?

— Потому что те девушки, с которыми я тебя видела — все брюнетки или шатенки.

— Ты следишь за моими девушками?

— Я просто замечательная, — она усмехается.

Я замолкаю.

Она замолкает.

Мы едем через дворы, мимо детских площадок, мимо бабушек с авоськами, мимо гаражей, на которых кто-то нарисовал граффити.

— Я не сплю со студентками, — неожиданно говорю я.

— Что?

— Ты спросила про «мой вкус». Я не сплю со студентками.

— А с кем?

— С теми, кто не учится со мной в одном техникуме.

— Почему?

— Потому что потом бегать по коридорам и делать вид, что ничего не было — утомляет.

Она смотрит на меня.

— Тогда кто тебе звонил?

— А это была не студентка, — пожимаю я плечами.

— А кто?

— Не твоё дело, Соболева.

Она не спорит. Отворачивается к окну.

Я останавливаюсь у её техникума. Мы приехали быстрее, чем я думал — объездные пути сработали.

— Приехали, — говорю я.

Она отстёгивает ремень, берёт рюкзак. Открывает дверь, но не выходит.

— Градов, — говорит она, не глядя на меня.

— М?

— Спасибо.

— За что?

— За то, что подвёз. И за... — она замолкает, — за то, что согласился на игру. Кир будет рад.

— Кир будет ржать, когда узнает, при каких условиях я согласился.

— Это его проблемы, — она улыбается и выходит из машины.

Я смотрю, как она идёт ко входу. Быстро, целеустремлённо, как будто за ней кто-то гонится. Наушники уже на голове, волосы развеваются на ветру.

Странная.

Невыносимая.

И почему-то — единственная, с кем мне не скучно.

Я нажимаю на газ и уезжаю.

Надо успеть на тренировку.

Но в голове — всё ещё её голос.

«Ты человек, который сам не знает, чего хочет».

Может, она права.

Может, я действительно не знаю.
Или знаю, но боюсь себе признаться.

Глава 7. Вероника

Я. Иду. На. Хоккей. С. Мать. Его. Градовым!

Кто вообще тянул меня за язык вчера помочь Киру уговорить этого напыщенного индюка сходить на игру? Где были мои мозги?!

Я иду по коридору техникума, чеканя шаг, и мысленно проклиная себя. Вчерашнюю себя. Ту самую, которая сказала «а если я попробую». Ту, которая села в его машину. Ту, которая согласилась на его грёбаное условие.

— Идиотка, — шепчу я себе под нос.

— Вероника Соболева, собственной персоной!

Я вздрагиваю.

Сзади раздаётся голос, который я не слышала целый месяц. Звонкий, яркий, с лёгкой хрипотцой — такой бывает у людей, которые только что вернулись с тёплого моря и ещё не привыкли к ноябрьской Казани.

Оборачиваюсь.

Лера Смирнова стоит в трёх шагах от меня, раскинув руки для объятий. На ней короткое пальто цвета фуксии — в такое можно одеваться только если ты уверена, что всё внимание будет приковано к тебе. Лера уверена. Лера вообще никогда не сомневается.

Она сияет. Кожа золотистая — следы Багамских островов, тени под глазами нет, волосы выгорели на солнце и теперь

отливают медью.

— Ты вернулась, — говорю я тупо.

— А ты в этом сомневалась? — она сгребает меня в объятия, пахнет кокосом и загаром. — Месяц без меня — как ты выжила?

— Привыкла.

— Врёшь.

— Немного.

Мы отстраняемся, и Лера окидывает меня критическим взглядом. Жёлтым. Она умеет так смотреть — будто сканирует на предмет неисправностей.

— Ты бледная, — выносит вердикт. — И круги под глазами. Ты ела вообще?

— Это новый модный макияж, — парирую я.

— Это твой СДВГ в действии.

— О, — я усмехаюсь. — И тебя туда же. Лиза уже отличилась.

— Лиза? — Лера оживает. — Кстати, где она? Я ей написала, она сказала, что встретит меня, но на парковке никого не было.

Я делаю паузу.

Думаю, говорить или нет.

Лера и Лиза — мои две лучшие подруги. Но если Лиза — ураган, который сметает всё на своём пути, то Лера — ураган, который умеет себя остановить. Она яркая, громкая, но не глупая. Она может закатить глаза и сказать «ты дура,

Ронни», но делает это с такой любовью, что ты почувствуешь себя виноватой за то, что заставила её волноваться.

И сейчас она смотрит на меня с подозрением.

— Ронни, — медленно говорит она. — Что случилось с Лизой?

— Ничего не случилось.

— Ты прячешь глаза.

— Не прячу.

— Прячешь. Я знаю тебя двенадцать лет. Ты всегда прячешь глаза, когда не хочешь врать, но врать приходится.

Я вздыхаю.

— Ладно. Лиза... она целовалась с парнем на днях.

— И что? — Лера пожимает плечами. — Лиза целуется с парнями постоянно.

— Ты не поняла. Она целовалась с ним в коридоре. В техникуме. Прямо после пар.

Лера молчит. Переваривает.

— С кем? — наконец спрашивает она.

— С хоккеистом.

— С к-к-кем? — глаза Леры округляются.

— С хоккеистом, — повторяю я. — Из команды Кира.

— Лиза? Наша Лиза? Которая говорила, что хоккеисты — это «перекаченные мальчики с клюшками и отсутствием мозгов»?

— Оказалось, что у одного из них мозги есть. Или не мозги, — поправляюсь я. — Или не мозги, а что-то другое, что

заставило её забыть про принципы.

— Как его зовут? — Лера хватает меня за руку, не давая уйти.

— Воробьёв.

— Воробьёв? — Лера морщит нос. — Серьёзно? Фамилия как у птички?

— Не смейся. Лиза в восторге.

— Лиза в восторге от любого, кто заплатит ей комплимент, — напоминает Лера. Но в её голосе нет злости — есть обеспокоенность.

— Ты её не видела, — качаю головой. — У неё губы были припухшие. Она улыбалась как кошка, которая нашла сметану.

— О господи, — Лера трёт лоб. — Я уехала на месяц, и тут всё пошло по одному месту.

— Ты ещё не всё знаешь.

— А что ещё?

Я замолкаю.

Потому что если я расскажу про Градова — Лера не отстанет. Она будет выпытывать, задавать вопросы, на которые у меня нет ответов.

— Ронни, — её голос становится тише. — Что ещё?

— Ничего. Потом расскажу.

— Знаешь, что я ненавижу в тебе?

— Мою привычку терять ключи?

— Нет. Твою привычку замыкаться, когда что-то идёт не

так.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня.

И я понимаю, что от Леры ничего не скроешь. Она видит насквозь. Всегда видела.

— Ладно, — сдаюсь я. — Я вчера вызвалась уговорить одного человека пойти на игру.

— Хоккейную?

— Да.

— И кого?

— Градова.

Лера замирает.

— Матвея Градова? — уточняет она.

— Другого в нашей жизни нет, — вздыхаю я.

— Ты... уговариваешь Матвея Градова... пойти на хоккей?

— Уже уговорила, — поправляю я. — При одном условии.

— Каком?

Я делаю глубокий вдох.

— Я иду с ним.

— В каком смысле — с ним?

— В прямом. Он сказал: «Ты идёшь со мной, или я не иду».

— И ты согласилась?

— А у меня был выбор?

— Конечно, был! Ты могла сказать «иди в жопу, Градов»!

— Я так и сказала. В переносном смысле.

— И?

— И он не пошёл.

Лера смотрит на меня с выражением «ты дура, но я тебя люблю» и качает головой.

— Ронни, — говорит она мягко. — Ты понимаешь, что это звучит как свидание?

— Это не свидание, — отрезаю я. — Это поход на хоккей. С ним, с Киrom, с Ником, с Тигром и с Дэном.

— Но ты идёшь с ним.

— Потому что он шантажист.

— Или потому что ты не против.

— Лера!

— Что? — она поднимает руки в знак капитуляции. — Я просто говорю то, что вижу.

— А что ты видишь?

— Я вижу девушку, которая покраснела, когда произнесла его фамилию.

— Это от духоты.

— На улице ноябрь, Ронни. И мы стоим в коридоре. Тут не бывает душно.

Я закрываю глаза.

Она права. Чёрт возьми, она всегда права.

— Я ничего к нему не чувствую, — говорю я честно. — Просто... он не такой, каким кажется.

— И какой он?

— Не знаю, — я открываю глаза. — Но он поправляет

одеяло на пьяном друге. И спорит со мной о футуре. И сказал сегодня, что его вкус — мой брат.

Лера смеётся. Громко, на весь коридор.

— Господи, он приколист.

— Не смешно.

— Очень смешно, — она вытирает выступившие слёзы.

— Матвей Градов, которого все боятся и хотят, говорит, что его вкус — твой брат. Это же анекдот.

— Рада, что тебе весело.

— А тебе не весело?

Я думаю.

— Нет, — наконец отвечаю я. — Не весело. Мне страшно.

— Почему? — Лера перестаёт смеяться.

— Потому что я не понимаю, чего он хочет. И чего хочу я.

Она смотрит на меня долгим взглядом.

— Ты идёшь на хоккей, — говорит она. — Ты сидишь рядом с ним. Ты смотришь игру. Что в этом страшного?

— А если я посмотрю на него и пойму, что он мне нравится?

— А если поймёшь?

— Тогда все мои вкладки схлопнутся в одну. А я не умею жить с одной вкладкой.

Лера подходит ближе, берёт меня за руку.

— Ронни, — говорит она тихо. — Ты всегда живёшь с кучей вкладок. Но иногда одну из них нужно открыть, чтобы понять — там не паника, а то, что ты ищешь.

— Откуда ты знаешь?

— Я умею читать людей. А ты — открытая книга. Просто ты думаешь, что на ней написано на китайском.

Я выдыхаю.

— Ладно. Хватит психоанализа. Пойдём, Лиза уже зажда-
лась.

— Ты её видела?

— Нет, но она обещала встретиться после второй пары. Сей-
час как раз перемена.

Лера кивает, и мы идём по коридору.

Она рассказывает про Багамы — про океан, про закаты,
про парня, который пытался познакомиться с ней, но она по-
слала его, потому что «Ронни, ты бы видела его улыбку, я
сразу поняла — идиот».

Я слушаю вполуха.

Перед глазами — его лицо.

Градова.

«Не переживай, Соболева, ты не в моём вкусе».

Что за чёрт? Почему после этих слов мне стало обидно?

Может, потому что он соврал.

А может, потому что я хотела услышать другое.

Не знаю.

И это бесит.

Кафе «Кофе и точки» встречает нас запахом свежемоло-
тых зёрен и гомоном голосов. Внутри тепло, почти душно —
батареи работают на полную, и я сразу начинаю жалеть, что

надела свитер.

Лиза уже сидит за нашим столиком в углу. Перед ней — капучино с высокой пеной и круассан, который она даже не тронула. Не в её стиле. Обычно Лиза съедает всё за минуту и начинает поглядывать на мою тарелку.

Сегодня она задумчивая. То есть — делает вид, что задумчивая. Потому что, когда мы подходим к столику, я замечаю, что она каждые пять секунд смотрит в телефон.

— Ждёшь сообщение от Воробья? — спрашиваю я, плюхаясь на стул.

— Нет, — слишком быстро отвечает Лиза и убирает телефон в карман.

Лера садится напротив, снимает пальто цвета фуксии, вешает его на спинку стула, поправляет волосы. Она делает это с такой грацией, будто позирует для фотографа. Я закатываю глаза — привычное дело.

— Итак, — Лера обводит нас обеих взглядом, — я жажду подробностей.

— Тебе кофе принести сначала? — уточняю я.

— Сначала информацию, — отрезает Лера. — Кофе подождёт.

Лиза смотрит на неё с лёгкой тревогой. Лера умеет допрашивать — мягко, но настойчиво, как кошка, которая играет с мышью, прежде чем задать главный вопрос.

— Начнём с этого, — Лера поворачивается к Лизе. — Кто такой Воробьёв и почему я только сейчас о нём слышу?

Лиза выпрямляется.

— Из хоккейной команды Градова, — говорит она, стараясь звучать спокойно. — Он крайний нападающий. Одногруппник Кира, кстати.

— И? — Лера приподнимает бровь. — Как зовут-то хоть? Или нам его называть Джек Воробей?

— Капитан Джек Воробей, — вставляю я, не отрываясь от меню, — и не надо оскорблять легендарного пирата.

Лера машет рукой — мол, не умничай.

— Рома, — тихо говорит Лиза, и её щёки розовеют. — Роман Воробьёв.

— Рома, — Лера пробует имя на вкус. — Роман Воробьёв. Звучит как имя человека, который приносит цветы на первое свидание.

— Он принёс, — признаётся Лиза.

Лера замирает.

Я тоже замираю.

— Что? — выдыхает Лера. — Он уже был на свидании с тобой?

— Мы просто гуляли, — Лиза начинает мять салфетку. — Он позвал вчера вечером. Мы ходили в парк, пили кофе из автомата, он рассказывал про хоккей... — она замолкает и улыбается. — Ничего особенного.

— Ничего особенного, — повторяет Лера с таким выражением, будто Лиза только что сказала «я выиграла в лотею, но это ерунда». — Ты сияешь, подруга.

— Не сияю.

— Сияешь как новогодняя ёлка.

Я смотрю на Лизу. Она действительно сияет. И впервые за долгое время я не чувствую желания её приземлить. Пусть. Если ей хорошо — пусть.

— Ладно, — Лера переводит взгляд на меня. — С Воробьём понятно. Разберёмся позже. Теперь — главное.

Я внутренне сжимаюсь. Знаю, что сейчас будет.

— Итак? — говорит Лера.

— Что? — отвечаю я, делая вид, что не понимаю.

— Ты уговорила Градова пойти на игру, — Лера складывает руки на груди. — Ты ещё спрашиваешь «что»?

Лиза резко поворачивается ко мне.

— Ты уговорила Градова?!

— А ты не знала? — Лера смотрит на неё с подозрением.

— Я знала, что она будет пытаться! — Лиза чуть не подпрыгивает. — Но я не знала, что у неё получилось!

— У меня получилось, — вздыхаю я, — но не без его усилий.

— Так-так, — Лера подаётся вперёд. — Каких условий?

Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь кафе открывается.

Звук колокольчика над входом — и в помещение врывается холодный ноябрьский воздух и громкие голоса.

Я поднимаю голову.

Группа парней заходит в кафе. Мы узнаём их сразу —

они здесь как белые вороны: слишком широкие плечи, слишком спортивный вид, слишком громкие. Хоккеистов видно за версту.

Дэн, Кир и Ник над чем-то ржут. Буквально ржут — Ник согнулся пополам, Кир держится за живот, Дэн закрыл лицо рукой, но плечи трясутся.

За ними — Тигр. Он не смеётся, но заметно, как у него трясутся плечи. Это у него вместо смеха — такая лёгкая дрожь, которая знакома только своим.

И Матвей.

Он идёт чуть впереди, но когда Ник говорит что-то особенно смешное, он оборачивается и показывает парням средний палец. Без злости — скорее, как ритуальный жест.

Потом он разворачивается и идёт к стойке за кофе. Не глядя по сторонам. Я смотрю на его спину — широкая, прямая, под чёрной курткой угадываются лопатки.

— Ронни, — шепчет Лера. — Ты смотришь.

— Нет, — отвожу взгляд.

— Смотрела.

— На кого? — встречается Лиза.

— На Градова.

— Я не смотрела на Градова. Я смотрела в ту сторону.

— В той стороне только стойка и Градов, — замечает Лиза.

— И стул. Я смотрела на стул.

— Ты врешь, — хором говорят они.

Я хочу ответить, но тут нас замечает Кир.

Он что-то говорит Дэну, кивает в нашу сторону, и вся компания меняет траекторию. Идёт к нам.

Все пятеро.

Бля.

Кир берёт свободный стул с соседнего столика, пододвигает к нашему и садится, даже не спросив разрешения. Садится — и только потом говорит:

— Не против, если мы упадём тут?

— С каких это пор хоккеисты сидят с дизайнерами и маркетологами? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— С тех пор, как ты моя сестра, — пожимает плечами Кир. — И с тех пор, как в этом кафе нет свободных столов.

Я оглядываюсь. Свободные столы есть. Как минимум три. Но спорить бесполезно — Кир уже устроился, а остальные подтягиваются.

Дэн садится рядом с Лерой. Она бросает на него быстрый взгляд — оценивающий, профессиональный. Лера вообще ко всем сначала присматривается, прежде чем сделать вывод.

Ник пододвигает стул и садится рядом с Киром — напротив меня.

Тигр остаётся стоять, опираясь спиной о стену. Так ему лучше — видно весь зал.

Матвея нет. Он всё ещё у стойки, ждёт свой заказ. Я краем глаза слежу за ним, но стараюсь, чтобы никто не заметил.

— Итак, — Ник наклоняется ко мне, привлекая внимание. — Я так и не понял.

— Что ты не понял? — уточняю я, хотя уже знаю, что он спросит.

— Как ты уговорила эту сволочь сходить на игру? — Ник сверкает глазами. — Ты ему угрожала? — он подаётся вперёд. — Скажи, что да, умоляю.

Кир усмехается. Дэн прячет улыбку.

— Угрожала? — я приподнимаю бровь. — Нет, Ник. Я использовала интеллект.

— А он понял, что это такое? — Ник изображает удивление.

— С тобой он точно не поймёт.

Ник открывает рот, чтобы парировать, но в этот момент к столику подходит он.

Матвей.

С двумя стаканчиками кофе в руках.

Один ставит на стол перед пустым местом (которое, видимо, предназначено для него), второй держит в руке. И, не садясь, смотрит на меня. Сверху вниз.

— Соболева, — говорит он, и в его голосе — ни тени удивления. Как будто он ожидал меня здесь увидеть.

— Градов, — отвечаю я таким же тоном.

Повисает пауза.

Все смотрят на нас.

Я чувствую взгляд Лизы (тревожный), взгляд Леры (изу-

чающий), взгляд Кира (предупреждающий), взгляд Ника (веселящийся), взгляд Дэна (нейтральный).

— Садись, — нарушает тишину Кир. — Не стой как истукан.

Матвей садится.

Рядом со мной.

Блядь.

Я чувствую тепло его тела даже через расстояние. И запах — мята и что-то ещё, неуловимое.

— Так что там с уговорами? — возвращается к теме Ник.
— Град, расскажи, как она тебя обрабатывала.

Матвей делает глоток кофе.

— Никак, — говорит он. — Я сам решил.

— Сам? — Ник не верит. — Ты? Который сказал «нет» десять раз?

— Одиннадцатый стал «да», — пожимает плечами Матвей.

Я смотрю на него.

Он не смотрит на меня.

Но я знаю, что он врёт.

И он знает, что я знаю.

Вопрос — зачем он это делает?

— Ладно, — Ник сдаётся, но в его глазах остаётся подозрение. — Но вы двое ещё ответите мне. Все подробности — на допросе с пристрастием.

— С пристрастием к чему? — уточняет Лера.

— К правде, — серьёзно отвечает Ник.

Лера усмехается.

— Вы, хоккеисты, все такие драматичные?

— Только в кафе, — улыбается Дэн. — На льду мы профессионалы.

Лера смотрит на него. Долго. Потом что-то в её лице меняется — я не могу понять, что именно, но знаю Леру. Она заинтересовалась.

Ох, Дэн. Ты сам не знаешь, во что ввязался.

Я отворачиваюсь и случайно встречаюсь взглядом с Матвеем.

Он смотрит на меня в упор.

И в его глазах — то самое выражение, которое было в кабинете.

Когда он сказал «ты идёшь со мной».

Я отвожу взгляд первая.

И слышу его тихий смех.

Невыносимый.

Ника. Будь. Будь.

Кафе гудит. Мы сидим за одним столом — пять хоккеистов, три дизайнера-маркетолога, и я начинаю жалеть, что вообще сюда пришла.

Потому что спор.

Снова.

— Ты несешь чушь, — говорю я, отодвигая чашку с остывшим капучино.

— Я несу факты, — парирует Матвей, сидящий напротив меня. Ну, как напротив — рядом, но мы развернулись так, что спорим лицом к лицу. — Твой макет упал бы на мобильных устройствах, если бы я не поправил отступы.

— Я сама их поправила бы.

— Когда? Через неделю после дедлайна?

— У меня есть приоритеты.

— Твои приоритеты называются «хочу-не-могу».

— А твои — «я-самый-умный-и-все-вокруг-идиоты».

— Хотя бы один из нас умный, — он усмехается.

— Умный, но без диплома о вежливости.

— Вежливость — это инструмент слабых.

— Это инструмент взрослых, Градов.

— Взрослые тоже бывают слабыми.

Я открываю рот, чтобы ответить, но меня перебивает Кир.

— Вы в курсе, что оба выглядите как старые любовники, которым похрен на окружающих и они сорвутся прямо сейчас?

Я замираю.

Поворачиваюсь к брату.

Он сидит, откинувшись на спинку стула, с выражением «я всё сказал и не отрекаюсь».

— Что? — выдыхаю я.

— То, что слышала, — пожимает он плечами.

Ник тут же подхватывает:

— Без смс и регистрации.

— Без смс и регистрации, — кивает Кир.

Тигр, который всё это время стоял, опираясь спиной о стену, вдруг подаёт голос:

— Спасибо, мне такого зрелища не надо.

Матвей поворачивается к нему.

— В смысле? — в его голосе — лёгкое удивление. Он явно не ожидал, что Тигр влезет в перепалку.

— В прямом, — Артур даже не меняет позы. Стоит себе, руки скрещены на груди.

— Боишься моей сексуальности? — Матвей приподнимает бровь, и в его голосе появляются те самые нотки — самодовольные, насмешливые.

Я закатываю глаза.

— Боюсь, что ты меня изнасилуешь, — совершенно серьёзно отвечает Тигр.

На секунду за столом воцаряется тишина.

Я смотрю на Артура. Он не шутит? Или шутит? С Тигром никогда не поймёшь.

Матвей усмехается.

— Это очень лестно, брат, — говорит он, и в его голосе появляется что-то тёплое. Дружеское. — Но я ничего не делаю без согласия партнёра.

— Буду иметь ввиду, — кивает Тигр, и уголки его губ чуть-чуть поднимаются.

Максимум эмоций, который можно от него добиться.

Лера, которая всё это время смотрела на перепалку с вы-

ражением «я в цирке», вдруг подаёт голос:

— Вы точно натуралы?

Дэн, сидящий рядом с ней, поворачивается.

— Хочешь проверить? — спрашивает он. Тихо. С лёгкой улыбкой.

Лера смотрит на него.

Я вижу этот взгляд — она сканирует его, оценивает, прикидывает. Она умеет это делать так, что человек чувствует себя рентгеновским снимком.

— Может быть, — отвечает она. Спокойно, без вызова.

Дэн не смущается. Он вообще никогда не смущается.

— Тогда мы в расчёте, — говорит он. — Я проверю тебя, ты — меня.

Лера приподнимает бровь.

— Это звучит как сделка.

— А это и есть сделка, — улыбается Дэн.

Я смотрю на них и понимаю: Лера нашла себе цель. Или цель нашла её. Не знаю, что хуже.

— Так, — Ник хлопает ладонью по столу. — Вернёмся к нашим баранам. Точнее, к нашим хоккеистам и дизайнерам.

— К каким баранам? — уточняю я.

— К вам двоим, — он тычет пальцем в меня и Матвея. —

Вы спорите, как будто больше говорить не о чем.

— А больше и не о чем, — пожимаю я плечами.

— Это неправда, — говорит Матвей. — Есть ещё макет.

— Макет мы обсудили.

— Есть ещё игра.

— Игру мы обсудили.

— Есть ещё...

Он замолкает.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего, — он отводит взгляд и делает глоток кофе.

Ник переводит взгляд с меня на него и обратно.

— Я не знаю, что между вами происходит, — говорит он медленно. — Но это выглядит странно.

— Ничего не происходит, — отвечаю я.

— Абсолютно ничего, — вторит Матвей.

— Вы сказали это одновременно, — замечает Лиза.

— Совпадение, — говорю я.

— Случайность, — говорит он.

Кир закрывает лицо рукой.

— Господи, дайте мне сил, — шепчет он.

Тигр, стоящий у стены, издаёт звук, похожий на сдавленный смех. Я клянусь, он получает удовольствие от этой ситуации.

— Так, — Лера берёт инициативу в свои руки. — У нас есть важные вопросы. Например, что мы надеваем на игру? Все поворачиваются к ней.

— Что? — переспрашивает Ник.

— На юниорскую сборную. Мы идём. Значит, надо выгля-

деть соответственно.

— Это хоккей, — напоминает Дэн. — Не модный показ.

— И что? — Лера поправляет волосы. — На хоккей тоже ходят красиво.

— Согласен, — неожиданно подаёт голос Тигр. — Я надену костюм.

Все смотрят на него.

— Ты? — Ник округляет глаза. — Костюм?

— А что? — Артур пожимает плечами. — Я умею быть красивым.

— Ты умеешь быть страшным, — поправляет Матвей.

— Тоже вариант, — кивает Тигр.

Лера смотрит на него с новым интересом.

— Ты идёшь?

— Я иду, — кивает Артур. — Кто-то должен прикрывать спины этой компании.

— Ты идёшь в костюме? — уточняет Лиза.

— А ты против?

Лиза молчит. Она вообще стала какой-то тихой после того, как в кафе зашли парни. Я замечаю, что она каждые две минуты смотрит в телефон. Ждёт сообщение от Воробьёва?

— Я не против, — наконец говорит она. — Просто удивлена.

— Удивляйся дальше, — Артур возвращается к своей обычной позе.

— Так, — Ник снова хлопает по столу. — У нас есть де-

сять минут до пар. Кто-нибудь хочет ещё кофе?

— Я хочу, — говорю я, потому что мне нужно отвлечься.

— Я схожу, — неожиданно говорит Матвей. — Тебе как-пучино?

Я смотрю на него.

Он запомнил, что я пью?

— Да, — отвечаю я. — Спасибо.

Он кивает и идёт к стойке.

— Вы видели? — шепчет Лера, когда он отходит. — Он запомнил, что ты пьёшь.

— Ничего он не запомнил, — отмахиваюсь я. — Просто догадался.

— Он не догадливый, — вставляет Кир. — Он наблюдательный.

— Какая разница?

— Разница в том, — Кир смотрит на меня, — что он не делает ничего просто так.

— Он сделал это, потому что идёт к стойке. И спросил заодно.

— Ты наивная, Ронни.

— Ты параноик.

Кир вздыхает.

— Ладно. Не хочешь — не верь.

Я смотрю на Матвея.

Он стоит у стойки, ждёт заказ. В профиле — жёсткая линия челюсти, чуть взлохмаченные волосы, широкие плечи.

Абсолютно спокойный.

Как будто ничего не случилось.

Как будто он не сказал «ты идёшь со мной».

Как будто мы просто коллеги, которые случайно встретились в кафе.

Я отвожу взгляд.

И ловлю себя на мысли, что считаю секунды до его возвращения.

Чёрт.

Кафе гудит, но за нашим столиком — своя атмосфера. Хоккеисты вклинились в наш разговор так, будто всегда здесь сидели. Лиза смотрит на Ника с лёгким раздражением — он занял её любимый обзор на дверь, и теперь она не видит, когда войдёт Воробьёв. Лера изучает Дэна с выражением «ты ещё пожалеешь, что сел рядом». Кир поглощает круассан Лизы, потому что «ты всё равно не ешь». А Тигр стоит у стены, как молчаливый часовой.

И я.

Я сижу рядом с Матвеем Градовым, чувствую тепло его плеча (случайно? не случайно? не поймёшь) и пытаюсь не смотреть на него.

Не получается.

Потому что он снова начинает спорить.

— Соболева, твой футер всё ещё давит, — говорит он, листая что-то в телефоне. — Я проверил на реальном экране. Он тёмный.

— Он атмосферный, — парирую я. — Кофе-шоп не должен быть ярким, как детский сад.

— Атмосферный и тёмный — разные вещи. Ты путаешь уют с депрессией.

— Ты путаешь своё мнение с истиной в последней инстанции.

— Моё мнение и есть истина, — он поднимает голову и смотрит на меня. В глазах — чёрт, как он это делает? — ему весело. Ему нравится спорить.

— Градов, твоё мнение — это твоё мнение, — я складываю руки на груди. — Оно не становится истиной только потому, что ты его сказал.

— А почему ты тогда послушалась меня про СТА?

— Потому что ты был прав.

— И про футер я прав.

— Нет.

— Да.

— Спорим?

— На что?

Я задумываюсь. Он ждёт. В его глазах — азарт.

— На энергетик, — говорю я. — Если окажется, что ты прав — я покупаю тебе банку. Если я права — ты покупаешь мне.

— Идёт, — он кивает.

— Я не закончила. С твоей стороны — два энергетика.

— Почему два?

— Потому что ты завышаешь коэффициент своей правоты.

Он усмехается. Реально усмехается — не притворно, не для вида. Впервые я вижу эту усмешку настоящей.

— Ты опасная, Соболева.

— А ты наглый, Градов.

— Наглый — это Ник. Я — уверенный.

— Уверенный в своём величии?

— В своей правоте.

Я смотрю на Матвея.

Он ловит мой взгляд.

— Что? — спрашивает он.

— Ничего, — качаю головой. — Просто пытаюсь понять, вы всегда такие?

— Какие?

— С такими... странными шутками.

— Это наш способ говорить друг с другом, — пожимает он плечами. — Не нравится — не слушай.

— Мне нравится, — вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать.

Он замирает.

Я замираю.

— Нравится смотреть на вашу команду, — быстро добавляю я. — Вы как... сериал. С неожиданными поворотами.

— Мы — великая пятёрка, — усмехается он.

— Это вы себя так называете?

— Это нас так называют.

Лера, которая всё это время молчала, наконец подаёт голос.

— Вы точно натуралы? — спрашивает она, переводя взгляд с Матвея на Тигра и обратно.

Дэн, сидящий рядом с ней, поворачивается.

— Хочешь проверить? — в его голосе — лёгкая насмешка.

Лера приподнимает бровь.

— Нет, спасибо.

— А что так? — Дэн не отступает. В его глазах — интерес. Чистый, искренний.

— Не люблю людей, которые компенсируют своё маленькое, — она делает паузу, — большой тачкой и большим эго.

Ник не выдерживает.

— Она тебя сделала, — говорит он Дэну с неприкрытым удовольствием.

Дэн смотрит на Леру.

Не обиженно. Скорее — с новым любопытством.

— А она мне нравится, — говорит он.

— А ты мне нет, — мгновенно отвечает Лера.

— Это временно, — Дэн улыбается своей фирменной улыбкой — той, которой он обычно успокаивает конфликты на льду.

— У всех хоккеистов так завышена самооценка? — Лера складывает руки на груди.

— Только у великой пятёрки, — Дэн кивает в сторону своих.

Теперь моя очередь удивляться.

— Великая пятёрка? — переспрашиваю я. — Вы себя так называете или у вас бред величия на всех один?

Матвей, который до этого слушал наш разговор с лёгкой усмешкой, решает просветить меня.

— Я — левый нападающий, — начинает он, загибая пальцы. — Кир — правый нападающий. Тигр — защитник, Дэн — центральный нападающий. — Он делает паузу. — Ещё Сокол, он второй защитник. Великая пятёрка.

— А шестой? — уточняю я.

— Вратарь, — Матвей кивает в сторону Ника. — Ник у нас вратарь.

— То есть, — я обвожу взглядом команду, — великая пятёрка — это пятеро полевых игроков, а Ник — отдельно?

— Ник у нас лицо команды, — Кир вступает в разговор. — Он на постерах, он в соцсетях, он даёт интервью. А мы — рабочая лошадка.

— Спасибо, брат, — Ник кладёт руку на сердце, изображая рану. — Ты меня ранил.

— Правда ранит, — философски замечает Тигр.

— Ты вообще молчи, — Ник бросает в него салфеткой. — Ты за весь день три слова сказал.

— Четыре, — поправляет Тигр.

— Вот! — Ник победно поднимает палец. — Ты их пом-

нишь! Значит, они важные.

Мы сидим, слушаем их перепалку. Это как смотреть спектакль — хорошо отрепетированный, но при этом абсолютно живой.

— Ронни, — шепчет Лера, наклоняясь ко мне. — Они всегда такие?

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Я их первый раз вот так... вблизи.

— А Градов? — она кивает в его сторону.

Я смотрю на Матвея.

Он слушает Ника, который что-то рассказывает про вчерашний матч, но краем глаза смотрит на меня.

Поймал.

Я отвожу взгляд.

— Что Градов? — переспрашиваю я у Леры.

— Он на тебя смотрит.

— Все на меня смотрят, я тут единственная с нормальным цветом волос.

— Ты единственная, кого он не посылает, — уточняет Лера. — Замечала?

— Он меня посылает. Каждый день. Иногда по несколько раз.

— Не в том смысле.

— А в каком?

— Ронни...

— Лера, — я поворачиваюсь к ней. — Пожалуйста. Не

начинай.

Она поднимает руки в знак капитуляции, но я вижу её взгляд. Она ничего не забыла. И не отстанет.

Кир вдруг хлопает ладонью по столу.

— Так, — говорит он. — Мне на пару через десять минут. Кто со мной?

— Я, — Дэн поднимается.

— И я, — Ник тоже встаёт, но смотрит на нас с девочками. — Вы придёте?

— Куда? — не понимает Лиза.

— На игру. В воскресенье. К Граду билет на Соболеву младшую, а остальным...

— Билетов нет, — заканчивает за него Матвей. — Но я решу.

— Ты решаешь? — Лера приподнимает бровь. — Ты наш спонсор?

— Я капитан, — спокойно отвечает Матвей. — Капитан всё решает.

— Это твоё эго сейчас сказало или ты?

— И то, и другое.

Лера усмехается. Дэн смотрит на неё с уважением.

— Она тебя не боится, — замечает он.

— А должна? — парирует Лера.

— Градова обычно боятся.

— Те, кто не знает, что за маской, — Лера пожимает плечами. — Я знаю, что под маской обычно пустота.

Матвей смотрит на неё. Долго. Так долго, что Кир напрягается.

— Ты смелая, — наконец говорит Матвей.

— Я честная, — поправляет Лера. — Это разные вещи.

Он кивает. Отводит взгляд.

Встаёт.

— Пошли, — бросает парням. — Опоздаем.

Они начинают собираться. Кир чмокает меня в макушку — привычное, ещё с детства. Дэн кивает Лере, и в этом кивке — обещание спора. Тигр молча поднимается, поправляет куртку. Ник машет Лизе, называя её «подруга Воробья», и она краснеет.

Матвей последний.

Он надевает куртку, застёгивает молнию. Смотрит на меня.

— Соболева, — говорит он.

— Что? — я поднимаю голову.

— В воскресенье. Не опаздывай.

— Я не опаздываю.

— Опаздываешь. Всегда.

— На практику я прихожу вовремя, — парирую я.

— На практику — да. На всё остальное — нет.

Он уходит.

Я смотрю ему вслед.

— Ронни, — Лера тянет меня за рукав. — Он флиртует.

— Он надо мной издевается, — поправляю я.

— Это одно и то же.

Я смотрю на дверь, за которой скрылась великая пятёрка.

В голове открывается новая вкладка: «Воскресенье. Хоккей. Градов рядом».

И я не знаю, как её закрыть.

Глава 8. Матвей

Тренировка закончилась двадцать минут назад, а я всё ещё чувствую, как горят мышцы.

Хорнев сегодня был в ударе. Не в том смысле, в котором можно радоваться — в том, после которого хочется лечь на лёд и не вставать. Мы бегали, прыгали, отжимались, работали с железом, катались, опять бегали. Круг за кругом, подход за подходом, пока ноги не начали трястись, а руки — отказываться держать клюшку.

Я сижу в машине, откинувшись на спинку сиденья, и смотрю в лобовое стекло. Парковка почти пустая — большинство уже уехали, только наши тусуются возле машин, перекидываясь словами.

Ник стоит, прислонившись к своему синему «Форду», и трет поясницу. Лицо у него красное, волосы мокрые — даже после душа не высохли.

— А он нас точно не на сборную готовит? — спрашивает он, морщась от боли в спине.

— Судя по тому, как он нас сегодня шпинал, — Тигр сидит на капоте своей машины, ноги скрещены, руки в карманах, — мы завтра играем против Канады.

— Да хоть против Шведов, — Дэн выдыхает, падая на водительское сиденье через открытую дверь. — Я труп.

— Все, я ног не чувствую, — заявляет Кир, и в его голосе

столько драмы, будто ему их ампутировали без наркоза.

— А тебе ещё за руль, — напоминает Тигр.

— Такси вызову, — Кир достаёт телефон и начинает что-то там тыкать.

— У меня сейчас спина отвалится, — стонет Ник, выгибаясь назад, позвонки хрустят.

— Считай, к Олимпийским играм готовы, — бросаю я, не открывая глаз.

— И не говори, — Кир усмехается.

Я открываю глаза и смотрю на них. Свои. Уставшие, мокрые, но свои. Мы вместе прошли через это дерьмо — бег, физуха, лестница, опять бег. И никто не сдох. Почти.

— Кстати, завтра в двенадцать у Хорнева, — вспоминаю я. — Он будет звенья ставить.

Дэн, который уже почти закрыл дверь, замирает.

— Он издевается? Середина сезона!

— Скучно мужику, что поделаешь, — пожимаю я плечами.

— Скучно ему, — бурчит Ник. — А у нас спина отваливается от его скуки.

— Заткнись и радуйся, что он нас не гоняет как Ольховского, — говорю я.

Тигр, до этого молчавший, вдруг поднимает голову.

— Слышали новость?

— Какую? — Ник перестаёт тереть спину.

— Нам спонсора другого дали.

Я поворачиваюсь к нему.

— Старый куда делся?

— А хер его знает, — Тигр пожимает огромными плечами. — Может, деньги кончились. Может, не понравилось, как мы играем.

— Мы три игры подряд выиграли, — напоминает Кир.

— Значит, не понравилось, как выигрываем, — Дэн усме-
хается.

— Новый хоть нормальный? — спрашиваю я.

— Говорят, строительная компания, — Тигр достаёт телефон, листает что-то. — Бюджет нормальный. Форму новую обещают.

— Форму? — Ник оживляется. — Можем дизайн сами выбрать?

— Ты просишь слишком много, Власов, — качаю я головой.

— А что? Я — лицо команды. Я должен хорошо выглядеть.

— Ты выглядишь как человек, у которого спина отваливается, — замечает Кир.

— Это временно.

— Всё временно, — философски замечает Дэн.

Тигр убирает телефон.

— Ладно, девчат, я поехал, — Ник отклеивается от машины.

— Аккуратно давай, — говорю я.

— Я сама аккуратность, — Ник хлопает себя по груди.

— Ты водишь под двести, — напоминаю я.

Ник замирает.

Смотрит на меня.

И в его глазах — то самое выражение, которое появляется, когда кто-то упоминает Серёжу.

Мы никогда не говорим об этом вслух. Но все знают. Друг Никиты. Автомобильная авария. Два года назад. Ник за рулём не был — Серёжа вёз. Но Ник сидел на пассажирском и до сих пор видит этот сон.

— И ты знаешь почему, — тихо говорит Ник.

Я киваю.

Ничего не говорю.

Просто киваю.

Ник садится в машину, заводит двигатель и уезжает. Не быстро. Он с тех пор не гоняет. Никогда.

Дэн провожает его взглядом.

— У Хорнева сегодня было «кто сдох — тот лох», — говорит он, чтобы сменить тему.

— Ольховский реально сдох, — Кир усмехается. — Вы видели его после тренировки?

Ольховский. Третий крайний из третьего звена. Пацан ещё молодой, но упёртый. Сегодня он упал на последнем круге, встал, упал снова. Хорнев смотрел на него минуту, потом сказал: «Не сдох — давай дальше». Ольховский встал и побежал. Добежал. Потом его вырвало за трибунами.

— Видели, — Тигр кивает. — Он молодец.

— Он герой, — поправляет Кир. — Я бы на его месте лёг и не встал.

— Потому что ты слабак, — замечает Дэн.

— Я — нападающий. У нас слабость — наша сила.

— Это не имеет смысла, — качает головой Тигр.

— Это имеет смысл, если ты играешь в хоккей, — парирует Кир.

Я слушаю их перепалку, и внутри становится теплее. Нормально. Всё нормально. Ник уехал не гоняя, Ольховский добежал, мы не сдохли.

— Ладно, — я выпрямляюсь в сиденье. — Завтра в двенадцать у Хорнева. Не опаздывать.

— Ты не наш папа, — бурчит Кир.

— Я ваш капитан. Это хуже, чем папа.

Кир показывает мне средний палец, но без злости.

— Соболев, — зову я, когда он уже открывает дверь такси.

— М?

— Сестра твоя... — я замолкаю, потому что не знаю, что хочу сказать.

— Что сестра? — Кир смотрит на меня с подозрением.

— ...ничего, — качаю головой. — Езжай.

Он смотрит ещё секунду, потом садится в машину и уезжает.

Дэн и Тигр тоже собираются. Дэн машет мне, Тигр кивает. Я остаюсь один.

Сижу в машине, смотрю на пустую парковку.

Перед глазами — не сегодняшняя тренировка. Не Ольховский. Не усталость.

Перед глазами — она.

Соболева.

Сегодня в кафе, когда она спорила со мной про футер. Её глаза, когда она говорит «нет, Градов, ты не прав». Её пальцы, которые крутят прядь волос, когда она задумывается. Её смех, когда я сказал, что мой вкус — её брат.

Что за херня?

Почему я думаю о ней?

Почему я согласился на игру с условием, что она пойдёт со мной?

Почему я вообще ввязался в это?

Я завожу двигатель и выезжаю с парковки.

Вечерняя Казань встречает огнями фонарей и мокрым асфальтом. Впереди — вечер. Один. Без девушки, без шума, без хоккея.

Надо бы поесть, надо бы постирать, надо бы поспать.

Но мысли всё равно возвращаются к ней.

Стоп.

Градов, соберись.

Она — сестра твоего друга.

Она — напарник на две недели.

Она — не в твоём вкусе.

Ты сам так сказал.

Но тогда почему ты врёшь?

Ноябрьская Казань ночью — это город-призрак.

Фонари горят жёлтым, но свет какой-то больной, будто они тоже устали от этой бесконечной серости. Ветер гоняет по асфальту сухие листья и мелкий мусор. Машин почти нет — только редкие такси и пара грузовиков.

Я еду медленно. Спешить некуда — дома ждёт пустая квартира, голодный холодильник и тишина, в которой слишком громко работают мысли.

Люблю ночную Казань за то, что она не требует от меня ничего. Днём город давит — людьми, пробками, лицами. Ночью он просто есть. И я есть.

Сворачиваю во дворы.

Мой район — старые пятиэтажки, облезлые качели во дворе, бельевые верёвки между деревьями. Вонь с мусорки, если ветер дует с той стороны. И вечные проблемы с парковкой, потому что машин больше, чем места.

Сегодня повезло — место у второго подъезда свободно.

Я паркуюсь, глушу двигатель. Вылезаю, хлопаю дверь. Холод впивается в лицо, и я натягиваю капюшон.

И тут я его замечаю.

Чёрная немецкая овчарка сидит на обочине, привязанная поводком к столбу.

Я останавливаюсь.

Собака смотрит на меня. Не лает, не скулит — просто сидит и смотрит. В глазах — усталость и какое-то бесконечное

терпение, которое бывает у животных, привыкших ждать.

— Эй, — говорю я, делая шаг в её сторону.

Пёс настораживается, но не рычит. Виляет хвостом. Один раз. Коротко.

Я оглядываюсь по сторонам.

Двор пустой. В окнах — свет, кто-то смотрит телевизор, кто-то ужинает. Но никого, кто искал бы собаку.

— Хозяин твой где? — спрашиваю я, будто пёс может ответить.

Он виляет хвостом чаще. Тыкается носом в мою руку, когда я подхожу ближе.

Я его погладил.

Просто потому, что он сидит тут один, в темноте, привязанный к столбу. В ноябре. Без еды. Без воды.

Пёс лижет мою ладонь.

— Ладно, — вздыхаю я. — Посиди тут. Я посмотрю.

Иду домой.

Лифт не работает. Поднимаюсь пешком на пятый этаж, открываю дверь. В квартире — темно и холодно. Я включаю свет, скидываю куртку, иду в душ.

Горячая вода — это то, что я люблю больше всего. Она смывает пот, усталость, липкое чувство от сегодняшнего спора в кафе. Я стою под струями, уставившись в белую плитку, и думаю.

О собаке.

О том, что я могу её просто не заметить.

О том, что могу заметить, но не сделать ничего.

О том, что у меня есть еда, есть дом, есть тёплое место. А у неё — столб и поводок.

Я выключаю воду, вытираюсь, одеваюсь.

В холодильнике — шаром покати. Яичница. Гречка. Пара сосисок, которые выглядят подозрительно. Надо сходить в магазин. Совесть просыпается у меня раз в месяц, и сегодня — тот самый день.

Надеваю чистую толстовку, спускаюсь вниз.

Пёс всё ещё сидит.

Смотрит на меня с надеждой.

— Иду в магазин, — говорю ему. — Не дёргайся.

В «Пятёрочке» за углом я беру продукты быстро, по списку. Хлеб, яйца, молоко, гречку, мясо. И отдельно — корм для собак. Просто на всякий случай. И пару сосисок.

Возвращаюсь через пятнадцать минут.

Пёс на месте.

Я останавливаюсь рядом с ним, смотрю на ошейник. Кожаный, старый, потёртый. На бляшке — гравировка. Наклоняюсь, чтобы прочесть.

«Рекс».

Подхожу к фонарю, чтобы рассмотреть лучше. На ошейнике — не только имя. Привязана записка, завёрнутая в файл. Я разворачиваю и читаю.

Аккуратным женским почерком:

*«Меня зовут Рекс. Мне два года. Я здоров, привит и сте-

рилизован. Я хороший пёс, добрый и очень ласковый. Но мои хозяева не справляются. У них родился ребёнок, и я стал лишним. Я понимаю. Но мне очень хочется найти новый дом. Если вы читаете это, и у вас есть место для меня — возьмите меня, пожалуйста. Я буду очень стараться быть хорошим. А если не можете — просто покормите меня, я посижу тут ещё. Может, кто-то меня заберёт».

Я смотрю на записку.

Потом на пса.

Рекс сидит и смотрит на меня. Хвост не виляет. Глаза — тёмные, спокойные. Как будто он уже не ждёт чуда, но и не теряет надежды. Просто сидит.

— Ты ёбаный издевательство, — говорю я вслух.

Пёс наклоняет голову.

— Не на тебя, — успокаиваю я его. — На людей.

Я не люблю собак. Не то чтобы не люблю — просто никогда не было. В детстве просил, но отец сказал «никаких животных, они только шерсть и грязь». В отчем доме не было места ни для кого, кроме отца. Мать — и та иногда не помещалась.

А теперь я стою в ноябрьском холоде, смотрю на пса и понимаю, что не могу уйти.

Просто не могу.

Потому что я знаю, что такое быть привязанным к столбу и ждать, когда кто-то придёт.

— Рекс, — зову я тихо.

Пёс настораживается.

Я приседаю на корточки. Достая сосиску из пакета, протягиваю ему.

— Давай договоримся, — говорю я. — Я тебя покормлю. Ты будешь сидеть тихо. А потом я решу, что с тобой делать.

Рекс аккуратно, очень аккуратно, берёт сосиску из моих пальцев. Ест быстро, но не жадно — как будто боится, что я передумаю.

— Ты похож на меня, — говорю я ему. — Тоже отброс, которого не ждут.

Он смотрит на меня.

Я смотрю на него.

Я отвязываю поводок от столба.

Рекс встаёт, виляет хвостом — и упирается взглядом мне в глаза.

— Пошли, — говорю я.

Рекс идёт за мной.

Без лишних звуков, без натяжения поводка — просто рядом, как будто так и должно быть. Его когти цокают по асфальту, а потом — по ступенькам подъезда. Он не боится темноты, не боится запахов — только иногда поглядывает на меня, чтобы убедиться, что я не исчез.

Лифт, конечно, не работает.

— Придётся пешком, — говорю я псу. — Прости, брат. Хоромы у меня без лифта.

Рекс смотрит на меня, потом — на лестницу. Поднимает-

ся следом, не жалуясь. На пятом этаже он останавливается перевести дыхание, высовывает язык и часто дышит. Но не скулит.

Я открываю дверь, захожу в квартиру и держу дверь открытой — жду.

Рекс мнётся на пороге. Нюхает воздух. Поднимает лапу, ставит обратно. Смотрит на меня.

— Ты же хотел домой, — говорю я. — Заходи, не стесняйся.

Он делает шаг. Потом ещё один. Потом обнюхивает весь коридор за десять секунд, потому что квартира маленькая, пахнет здесь только мятой и стиральным порошком. И мной.

— Ну вот, — я закрываю дверь и снимаю поводок с ошейника. — Теперь ты официально в логове.

Закрываю дверь на замок.

Накидываю цепочку.

На всякий случай.

Рекс стоит посреди коридора и смотрит на меня. Большой, чёрный, с умными глазами — оценивает свою новую реальность.

— Давай договоримся сразу, — я приседаю на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. — Это временно. Я не знаю, оставлю тебя или нет. Я вообще собак не держал никогда. Но сегодня ночь ты переночуешь здесь, потому что на улице ноябрь.

Пёс слушает. Внимательно. Голову наклоняет.

— Ты голодный? — спрашиваю я.

Он виляет хвостом. Коротко. Один раз.

— Это да или нет? — я приподнимаю бровь.

Виляет чаще. Три раза.

— Ладно, буду считать, что да.

Я иду на кухню, Рекс — за мной, аккуратно, чтобы не наступить на мои пятки. Кухня у меня крошечная — три метра на два. Плита, раковина, холодильник, стол. Всё. На табуретке он не поместится, но на полу места достаточно.

Открываю пакет с кормом, который купил на всякий случай. Насыпаю в первую попавшуюся миску — эмалированную, старую, из которой я сам ем гречку, когда не лень её варить. Наливаю воды в кружку, потому что второй миски у меня нет.

Рекс смотрит на кружку.

— Прости, брат, это временно, — пожимаю я плечами. — Завтра куплю нормальную миску.

Он ест. Не жадно — с чувством, с толком, с расстановкой. Пережёвывает корм, иногда поднимает голову и смотрит на меня — проверяет, не передумал ли я.

Я смотрю на него.

И думаю: какого чёрта, Градов?

Ты взял собаку. С улицы. Которую подкинули, как ненужную вещь. Ты, который ни за кем не хочет ухаживать, даже за собой иногда не успеваешь. Ты, который живёт в однушке без лишнего места. Ты, который на льду лютует так, что

парни боятся подойти.

Ты взял собаку.

Может, сегодня потолок упал на голову? Или энергетики просроченные?

Рекс доедает, облизывает миску и поднимает голову. Смотрит.

— Ну что? — спрашиваю я. — Наелся?

Виляет хвостом.

— Хотя бы один из нас сегодня доволен, — вздыхаю я.

Я мою миску. Наливаю себе чай. Сажусь на табуретку, прислонившись спиной к стене. Горячий чай обжигает пальцы через кружку — не больно, а так, чтобы чувствовать.

Рекс ложится у моих ног. Кладёт морду на лапы.

— Ты точно не боишься? — спрашиваю я. — Я мог оказаться маньяком. Или просто мудаком.

Пёс смотрит на меня снизу вверх. Я готов поклясться — он усмехается.

— Ладно, — я допиваю чай. — Ты здесь главный, я понял.

Иду в комнату. Рекс за мной. Останавливается на пороге, смотрит на диван, на меня, снова на диван.

— На диван нельзя, — говорю я. — Это моё место.

Пёс смотрит на пол.

— Твоё — вот там, — я киваю на угол у батареи. — Там тепло.

Рекс идёт на место. Ложится. Сворачивается калачиком и закрывает глаза.

Я стою посреди комнаты и смотрю на него.

Чёрный комок шерсти у моей батареи.

В квартире, где последние два года пахло только мной и одиночеством.

— Ты влип, Градов, — говорю я себе вслух.

Рекс открывает один глаз. Смотрит. Закрывает.

Я падаю на диван, вытягиваю ноги. Включаю телевизор только для фона — там показывают какой-то старый фильм про войну. Я не смотрю, просто слушаю.

Мысли лезут, как тараканы на ночной кухне.

О собаке.

О том, что я не знаю, куда её деть завтра.

О том, что надо купить миску, поводок получше, может быть, игрушку какую-нибудь.

О том, что сегодня в кафе она смотрела на меня.

Не так, как другие. А как на человека, которого хочет познать.

— Как назло, — шепчу я.

Рекс открывает оба глаза. Поднимает голову.

— Не на тебя, — успокаиваю я. — На себя. На всё.

Я закрываю глаза.

За окном — ноябрь, ветер, холод.

А в квартире — тепло. И живое дыхание.

Может, это то, чего не хватало?

Или я просто придумываю себе оправдания?

Не знаю.

Но засыпаю я с мыслью о том, что завтра надо будет позвонить ветеринару. И купить собачьей еды нормальной. И найти имя.

Хотя имя уже есть.

Рекс.

Чёрный пёс, которого привязали к столбу.

Я засыпаю.

И мне кажется, что сегодня ночью мне приснится что-то другое. Не черед бесконечных дней на льду.

Может, я не буду сниться себе вообще.

Может, приснится она.

Соболева.

Чёрт.

Звонок в дверь вырывает меня из сна.

Я не понимаю, где я, какой час, и зачем кому-то меня будить в такую рань. В голове — туман. Тело ломит после вчерашней тренировки. Секунд десять я просто лежу и смотрю в потолок, пытаюсь вспомнить, кто я и что здесь делаю.

Звонок повторяется. Настойчивый. Короткий.

— Иду, — сиплю я, даже не уверенный, что меня слышно за дверью.

Поднимаюсь. Диван всё ещё тёплый, но в квартире прохладно — батареи работают вполсилы, как всегда по утрам. Я иду в коридор, тру лицо ладонями, пытаюсь проснуться.

И тут я замечаю.

Рекс лежит в своём углу у батареи и даже ухом не повёл.

Ну, почти. Он слегка рычит — едва слышно, скорее ворчит, чем рычит. Смотрит на дверь, но даже голову не поднял. Просто лежит и оценивает ситуацию.

— Умный, — бормочу я. — Воспитанный. Не то что некоторые в восемь утра.

Иду к двери, смотрю в глазок.

Кир.

Стоит, сунув руки в карманы, и терпеливо ждёт.

Я открываю.

— Ты, — говорю я вместо приветствия.

— Я, — кивает Кир. — А ты как будто не рад.

— Я не рад. Восемь утра, Кир. Восемь.

— Пустишь или так постоим?

Я отступаю в сторону, пропуская его. Кир заходит, скидывает кроссовки — автоматически, даже не глядя.

И тут Рекс подаёт голос.

Теперь громче. Уже не ворчание — настоящий рык, низкий, предупреждающий. Пёс поднимает голову, прижимает уши, смотрит на незнакомца в своей новой квартире.

— Рекс, фу, — говорю я спокойно. — Свои.

Пёс смотрит на меня. Секунда — и он понимает. Фыркает, опускает голову обратно на лапы. Но не спускает глаз с Кира. Следит.

— Это кто? — Кир кивает на собаку.

Я закрываю дверь, прохожу в комнату.

— Рекс, — говорю я, садясь на диван, чтобы надеть носки.

— Это Кир. Кир, это Рекс. Он теперь живёт со мной.

— Живёт с тобой? — Кир смотрит на пса, потом на меня.

— С каких пор?

— Со вчерашнего вечера, — пожимаю я плечами. — Сидел привязанный к столбу. С запиской. Что-то про ребёнка и что не справляются.

— И ты взял?

— А что мне было делать? Бросить? — я завязываю шнурки. — Ночью, в ноябре, привязанного к столбу?

Кир молчит. Смотрит на Рекса. Пёс на него — с тем же выражением.

— Большой, — наконец замечает Кир.

— Немец, — отвечаю я, вставая. — Овчарка, да.

— Немецкая овчарка, — уточняет Кир. — Это серьёзная порода.

— Я в курсе.

— Ты справишься?

— Понятия не имею, — честно отвечаю я. — Но пока он здесь.

Я иду в ванную, быстро умываюсь, чищу зубы. Надеваю первую попавшуюся толстовку — чёрную, старую, но тёплую. Накидываю куртку в коридоре.

— Щас, — говорю Киру. — Две минуты. С ним гулять надо.

Смотрю на часы.

Восемь утра.

Восемь. Утра. Блядь.

— Кстати, сколько времени? — уточняю я, хотя только что смотрел.

— Восемь утра, — терпеливо повторяет Кир.

— Восемь утра, — я смотрю на него. — Тебе делать нехрен? У нас сегодня Хорнев только в двенадцать.

— Пары? — Кир приподнимает бровь.

— Ты знаешь, в четверг я на философию не хожу, — я натягиваю куртку. — На кой хрен она программистам? Мне на пары только к двум. Я мог ещё спать.

— Вот вечно ты драматизируешь, — Кир закатывает глаза.

Я показываю ему средний палец.

Кир ухмыляется.

Обуваюсь. Снимаю поводок с вешалки — старый, кожаный, но крепкий. Вчера проверил.

— Рекс, гулять, — зову я.

Пёс встаёт. Медленно, с достоинством. Потягивается — передние лапы вперёд, задние назад, так что выгибается дугой. Зевает, и я вижу его зубы — острые, белые, настоящие клыки.

Потом он виляет хвостом — и идёт.

На полпути к дверям он останавливается. Подходит к Кире. Обходит его со всей тщательностью — обнюхивает штанины, карманы, руки, даже тянется к лицу. Я смотрю и не мешаю.

— Да свой, свой, — говорю я. — Пошли уже.

Рекс делает ещё один круг вокруг Кира, потом смотрит на меня, фыркает и идёт к выходу.

Кир выдыхает.

— Он тебя продиагностировал, — усмехаюсь я. — Допуск получил.

— Серьёзно?

— Ага. Если б не понравился — не успокоился бы, пока ты не ушёл. Или пока я не сказал.

— Суровый у тебя пёс.

— Умный, — поправляю я. — Это хуже.

Выходим на улицу. Холодно. Сыро. Ноябрьское утро встречает серым небом и запахом мокрого асфальта.

Рекс идёт рядом — спокойно, не дёргая поводок. Нюхает воздух, осматривается.

Мимо проходит кот. Рыжий, наглый, смотрит на нас своими зелёными глазищами и даже не сворачивает с пути.

Рекс его даже не замечает.

То есть — буквально. Проходит мимо, не повернув головы.

— И он даже не сорвётся? — удивляется Кир.

— Я же сказал, — смотрю я на пса с чем-то новым — уважением? одобрением? — Он умный пёс.

— Откуда он такой взялся?

— Хозяева сказали — хороший. Просто не справляются, — мы идём к скверу. — У них ребёнок родился, он стал лиш-

ним.

— Лишним, — Кир усмехается горько. — Как вещь.

— Как вещь, — киваю я.

Мы идём молча. Рекс находит дерево, делает свои дела, возвращается.

— Ты его оставишь? — спрашивает Кир.

Я смотрю на psa. Он смотрит на меня. В глазах — не вопрос. Какое-то спокойное ожидание. Как будто он готов к любому исходу.

— Не знаю, — отвечаю честно. — Посмотрим.

Мы возвращаемся к подъезду.

Утро только начинается.

А я стою в куртке, с собакой на поводке, и чувствую, что сегодняшний день будет не таким, как все.

Потому что теперь есть Рекс.

Потому что в воскресенье — игра.

Потому что она идёт со мной.

Потому что я, кажется, влип по-крупному.

Мы идём обратно к подъезду. Рекс трусит рядом, иногда нюхает воздух, иногда — мою ладонь. Проверяет, на месте ли я. Я, кажется, начинаю привыкать к этому.

— А теперь рассказывай, — говорю я, когда мы заходим в подъезд. — Просто так в восемь утра не приходят. Не поверю.

Кир молчит. Поднимается по лестнице на полпролёта, потом останавливается.

— Мне нужна твоя помощь, — говорит он.

— Я тебя вниматочно, — отвечаю я, не сбавляя шага.

— В делах сердечных.

Я останавливаюсь.

Поворачиваюсь к нему.

Рекс тоже останавливается, садится на ступеньку и смотрит на обоих с неподдельным интересом.

— Мне тебя к врачу записать? — спрашиваю я. — Ты же вроде бы взрослый мальчик, должен сам справляться.

— Не в этом смысле, — Кир трёт переносицу. — У меня родители сваливают на дачу на пару дней. Нужно как-то Никку на пару часов...

Я понимаю раньше, чем он заканчивает.

— Ты хочешь, чтобы я занял твою сестру? — перебиваю я. — Я, Матвей Градов, чтобы занял Веронику Соболеву, твою сестру, чтобы ты мог уйти на свидание?

— На пару часов, — осторожно говорит Кир.

— Я что, нянька?

— На час. На полчаса, — Кир складывает руки в молитвенном жесте. — Град, пожалуйста.

— Полчаса? — я приподнимаю бровь. — Не многовато?

— Иди нахрен, — беззлобно отвечает Кир.

Я усмехаюсь. Поднимаюсь выше, Рекс встаёт и идёт за мной. Кир догоняет.

— Как девушку-то хоть зовут? — спрашиваю я, чтобы сменить тему.

— Маша, — Кир выдыхает её имя так, будто оно стоит на весах и перевешивает что-то очень тяжёлое.

— Маша, — пробуя я на вкус. Обычное имя. Но в его устах звучит как музыка. Да что за херня? — Ладно, полчаса, Кир. У меня график.

— Какой у тебя график в субботу? — Кир смотрит на меня с подозрением.

— У меня всегда график.

— Нет у тебя в субботу графика, — он заходит в квартиру следом за мной. — Кроме хоккея, который в воскресенье.

— В воскресенье игра, — напоминаю я, отстёгивая поводок от ошейника Рекса. Пёс сразу идёт к своей миске — проверить, не появилась ли там еда, пока он гулял.

— Юниорская, — Кир кивает.

— С ней пойдёшь? — спрашиваю я, кивая на невидимую Машу.

— Нет, — он усмехается. — Она терпеть не может хоккей.

— Как можно встречаться с девушкой, которая не любит хоккей? — я искренне недоумеваю. Это как любить кофе без кофеина — какой смысл?

— Не уходи от темы, — Кир садится на табуретку на кухне. — Ты поможешь или нет?

Я открываю холодильник, достаю яйца. Надо позавтракать. Рекс уже сидит у моих ног и смотрит влюблёнными глазами.

— И о чём мне разговаривать с твоей сестрой? — спра-

шиваю я, разбивая яйцо в сковороду.

Кир молчит.

Я поворачиваюсь к нему.

— Вы выглядите как пара, которая уже живёт двадцать лет в браке и всё никак не разведётся, — говорит он с абсолютно серьёзным лицом. — Найдёшь о чём поговорить.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня.

— Ну спасибо, — цежу я. — Сравнение, конечно, лестное.

— Не за что.

Я возвращаюсь к яичнице. Шипение масла заполняет кухню. Рекс терпеливо ждёт — может, ему что-нибудь перепадёт.

— И что у тебя с этой Машей? — спрашиваю я, чтобы не думать о том, что Кир только что сказал. — Рассказывай.

— Пока только первое свидание, — Кир говорит это и краснеет. Я не видел, чтобы Кирилл Соболев краснел. Никогда. А тут — как маков цвет.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— И ты просишь меня занять твою сестру, потому что идёшь на первое свидание? — я переворачиваю яйца. — Кир, ты в своём уме?

— А что мне делать? Родители уезжают, Вероника остаётся одна, а я обещал Маше...

— Ты обещал.

— Да.

— И ты боишься оставить сестру одну?

— Она потеряет ключи, забудет поесть, уйдёт в свой макет и не заметит, как пролетело пять часов, — Кир перечисляет с такой уверенностью, будто читает конспект. — А потом позвонит мне в истерике, что проспала или опоздала. Я просто хочу, чтобы кто-то был рядом на пару часов.

Я снимаю сковороду с огня, выкладываю яичницу на тарелку. Рексу кидаю кусочек — он ловит на лету и смотрит, не будет ли ещё.

— Полчаса, — говорю я, нарезая яйцо вилкой. — Не больше. И ты мне должен.

— Что должен?

— Не знаю пока. Но запомни.

Кир выдыхает.

— Спасибо, Град.

— Не благодари раньше времени, — я жую и смотрю на него. — Я ещё могу передумать.

Не передумаю.

Мы оба это знаем.

Я доедаю завтрак, мою тарелку. Рекс сидит у моих ног и ждёт, пока я брошу ему ещё что-нибудь. Я бросаю. Он ловит.

— Слушай, — Кир смотрит на собаку. — А он кусается?

— Пока нет, — отвечаю я. — Но ты первый раз зашёл, он чуть не порвал голосовые связки. А тебя даже ухом не повёл.

— Я особенный, — усмехается Кир.

— Ты свой, — поправляю я. — Это другое.

Я одеваюсь, беру ключи. Рекс уже знает, что значит, когда я надеваю куртку — он встаёт у двери и ждёт.

— Ты его на улицу?

— Да, — киваю. — Ещё один круг, и на тренировку.

— Я с вами, — Кир тоже накидывает куртку.

— Ты не на машине?

— Такси вызвал. Будет через десять минут.

— Успеешь.

Мы выходим. Утро становится светлее — ноябрьское солнце пытается пробиться сквозь тучи. Не получается, но хотя бы не моросит.

Рекс идёт рядом, иногда посматривая на Кира. Но больше не рычит.

— Привыкает, — замечаю я.

— Ко мне или к тебе?

— К обоим, наверное.

Мы идём по двору, потом в сквер. Рекс находит дерево, делает вторую прогулку за утро — видимо, вчерашние сосиски дали о себе знать.

— Ты правда думаешь, что он воспитанный? — спрашивает Кир.

— Посмотри, — киваю я на пса. — Не сорвался на кота. Не лает на прохожих. Ждёт, пока я скажу. Это не «воспитанный», это «дрессированный». Кто-то потратил на него время.

— И выкинул.

— И выкинул, — киваю я.

Мы идём обратно. У подъезда стоит такси, ждёт Кира.

— Так что в субботу? — уточняет Кир, открывая дверь.

— Во сколько?

— Где-то в четыре. Мы встретимся с Машей в кафе, а Ронни будет...

— У меня? — уточняю я.

— Если не сложно.

Я смотрю на Рекса. Пёс смотрит на меня.

— Пусть приходит, — говорю я. — Но предупреди, что у меня теперь собака. Боится она их или нет.

— Не боится, — Кир садится в машину. — Она вообще ничего не боится, кроме дедлайнов и своей мамы.

— Это я заметил.

Такси уезжает.

Я остаюсь стоять у подъезда с псом на поводке.

— Рекс, — говорю я. — В субботу у нас гостя.

Пёс наклоняет голову.

— Не смотри на меня так. Я сам в шоке.

Идём домой.

Через три часа — у Хорнева. Потом тренировка. Потом ещё одна прогулка с Рексом. Потом ужин. Потом сон.

И суббота.

Соболева в моей квартире.

Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной.

— Что за жизнь? — спрашиваю я у потолка.
Потолок не отвечает.
Рекс просто ложится у моих ног.
И мне почему-то спокойно.

Глава 9. Вероника

Телефон разрывается от сообщений.

Буквально — я чувствую вибрацию даже через рюкзак, через куртку, через всё, что пытается заглушить этот хаос. Лиза и Лера устроили переключку в мессенджере, и теперь мой маленький мир трясётся в ритме «дзынь-дзынь-бзз-бзз».

Я сижу в такси, смотрю в окно на проплывающую Казань и пытаюсь не нервничать.

Не получается.

Достаю телефон.

Лиза: НУ ЧТО!?

Лиза: ТЫ ЕЩЕ НЕ ДОЕХАЛА!?

Лиза: РОННИ!?

Лера: Дай ей время, она в дороге

Лиза: А вдруг её похитили по пути?

Лера: Кто?

Лиза: Градов! У него же везде связи!

Лера: Ты пересмотрела криминальных сериалов

Лиза: А ты пересмотрела своих ухажеров

Лера: Каких ухажеров?

Лиза: Дэн на тебя смотрел как кот на сметану

Лера: Это был взгляд отвращения

Лиза: Это был взгляд «я тебя хочу»

Лера: Лиза, завязывай

Лиза: РОННИ ОТВЕЧАЙ

Я вздыхаю и печатаю.

Ника: Еду

Лиза: НЕЕЕТ, ПОДРОБНОСТИ

Ника: Подробности: я сижу в такси, смотрю в окно, думаю
о том, зачем я согласилась

Лера: Потому что Кир попросил

Ника: Потому что я идиотка

Лиза: Не смей так говорить! Ты романтичная душа, кото-
рая боится себе в этом признаться

Ника: Я прагматик с СДВГ, какая к чёрту романтика

Лера: Ронни, у тебя учащённое сердцебиение?

Я прислушиваюсь к себе.

Сердце колотится.

Ника: Нет

Лера: Врёшь

Лиза: Она врёт! Я чувствую!

Ника: Вы не можете чувствовать через экран телефона

Лиза: Можем, если речь о лучшей подруге

Лера: Ладно, проехали. Ты помнишь план?

Ника: План? Какой план?

Лера: Мы обсуждали вчера! Ты заходишь, ведёшь себя
естественно, не лезешь в споры, не называешь его козлом,
смотришь на часы ровно полчаса и уходишь

Лиза: И целуешься на прощание

Лера: Лиза!

Лиза: Что? Я за романтику

Ника: Я ни с кем целоваться не буду. Особенно с Градовым

Лиза: Почему «особенно с Градовым»? Он красивый, высокий, у него машина, своя квартира, собака...

Ника: Откуда ты знаешь про собаку?

Лиза: Кир сказал

Ника: Когда?

Лиза: Вчера вечером. Он заходил к нам в кафе, ты уже ушла. Он рассказал, что Градов подобрал пса на улице и теперь они живут вместе

Лера: Серьёзно?

Лиза: Серьёзно. Немецкая овчарка, большая, чёрная. Говорят, умная и воспитанная

Ника: Градов и собака. Звучит как начало плохого анекдота

Лера: Или как начало хорошей истории

Я убираю телефон в карман.

Мы подъезжаем.

Ново-Савиновский район, старая пятиэтажка, облезлые подъезды, бельевые верёвки между деревьями. Я смотрю на этот пейзаж и понимаю, что не представляла Градова здесь. Почему-то в моей голове он жил в центре, в новой высотке, с панорамными окнами и видом на Кремль. А он живёт здесь. В обычном спальном районе.

В обычной хрущёвке.

— Приехали, — говорит таксист.

Я расплачиваюсь, выхожу из машины. Поднимаю голову
к пятому этажу, окно на углу.

Сердце колотится.

Телефон снова вибрирует.

Лиза: НАПИШИ ДЕТАЛИ

Лера: Как только выйдешь. Каждые пять минут

Ника: Вы психопатки

Лера: Заботливые психопатки. Иди уже

Лиза: Удачи!

Я убираю телефон и захожу в подъезд.

Пахнет кошками и старой краской.

Лифт не работает.

Конечно.

Я поднимаюсь пешком, пересчитывая ступеньки, чтобы
отвлечь себя от мыслей. 9, 10, 11 — запах табака. 24, 25, 26
— чья-то музыка из-за двери. 47, 48, 49 — дверь.

Квартира 87.

Смотрю на звонок.

Рука не поднимается.

Внутри — целый ураган. «Зачем я здесь? Почему согласи-
лась? Что я ему скажу? О чём мы будем разговаривать пол-
часа? А если он подумает, что мне что-то надо? А если я по-
думаю, что мне что-то надо?»

Звоню.

Дверь открывается.

Матвей Градов стоит на пороге.

Одет обычно — чёрные джинсы, серая футболка, босиком. Волосы влажные — видимо, только из душа. Смотрит на меня с лёгкой усмешкой.

— Соболева, — говорит он. — Ты не опоздала.

— Чудо, — отвечаю я. — Я сама в шоке.

Он отступает в сторону, пропуская меня.

— Заходи.

Я переступаю порог.

И чувствую запах — мятный освежитель, чистота, и чуть-чуть псиной.

И слышу рык.

Глухой, низкий, предупреждающий.

Я опускаю взгляд.

В конце коридора стоит чёрная немецкая овчарка. Прижала уши, смотрит на меня. Рычит.

— Рекс, фу, — командует Матвей спокойно. — Своя.

Пёс замолкает.

Но не отводит глаз.

— Он не кусается? — спрашиваю я, не двигаясь с места.

— Пока нет, — Матвей закрывает дверь. — Просто проверяет. Давай руку.

— Зачем?

— Он должен тебя обнюхать. Иначе не успокоится.

Я медленно протягиваю руку вперёд. Рекс подходит, ню-

хает пальцы — долго, внимательно. Тыкается носом в ладонь, потом в запястье. Фыркает.

— Всё, — Матвей кивает. — Добро пожаловать в логово.

— Он меня принял?

— Пока да. Но ты не делай резких движений.

— Я делаю резкие движения только в критических ситуациях, — говорю я. — Например, когда вижу паука.

— Пауков у меня нет, — Матвей идёт в комнату. — Пройди.

Я разуваюсь, ставлю кроссовки аккуратно у двери — Рекс наблюдает за каждым моим движением. Потом иду за Градовым.

Квартира — маленькая. Прихожая, кухня (я вижу угол), комната. Всё. Идеально чисто. Ничего лишнего. Диван, телевизор, стол с ноутбуком — рабочий тут же, видимо. Свет от окна падает на пол — никаких штор, я замечаю.

— Садись, — он кивает на диван.

Я сажусь.

Рекс ложится у моих ног.

Буквально — у моих. Как будто я теперь под его охраной.

— Он всегда так? — спрашиваю я.

— Первый раз вижу, — Матвей садится в кресло напротив. — Обычно он лежит у батареи. Видимо, ты ему понравилась.

— Собакам я нравлюсь, — пожимаю я плечами. — С людьми сложнее.

Он усмехается.

— Знаю.

Мы молчим.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня.

Телефон в кармане вибрирует — Лиза и Лера напоминают о себе. Я игнорирую.

— Кофе? — спрашивает Матвей.

— Есть энергетик?

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Он встаёт, идёт на кухню. Рекс провожает его взглядом, но не двигается.

Я остаюсь сидеть с псом у ног и чувствую, как внутри всё сжимается.

Полчаса.

Всего полчаса.

Что может случиться за полчаса?

Я смотрю на кухонную дверь и понимаю: всё, что угодно.

Потому что это Градов.

А с ним даже минута — это вечность.

Рекс поднял голову.

Я тоже.

Матвей заходит обратно в комнату — в одной руке две банки энергетика, в другой какой-то пластиковый пакет, внутри которого что-то шуршит. Пёс тут же втянул носом

воздух, и я вижу, как его ноздри раздуваются, уши наостряются, а взгляд становится максимально сфокусированным.

— Ко мне, — командует Матвей спокойно.

Рекс встаёт. Не торопясь, с чувством собственного достоинства, которое я не ожидала увидеть у собаки, подобранной на улице. Подходит к Матвею, садится рядом. Ждёт.

Я наблюдаю.

Матвей открывает пакет, достаёт оттуда что-то странного вида — сухое, тёмное, похожее то ли на мясо, то ли на субпродукты, то ли на что-то, что я не хочу идентифицировать слишком подробно. Кладёт на ладонь кусок.

Рекс не набрасывается.

Сидит и ждёт.

— Можно, — разрешает Матвей.

И только тогда пёс аккуратно, почти мягко, берёт лакомство. Прямо с ладони — зубы не касаются кожи. Потом отходит в угол, ложится, зажимает кусок передними лапами и начинает грызть с видом знатока, дегустирующего дорогое вино.

— Воспитанный, — замечаю я.

— Я же говорил, — Матвей ставит одну банку энергетика на журнальный столик перед диваном, вторую оставляет себе. — Умный пёс.

Он выходит на кухню — убрать пакет, наверное. Я остаюсь сидеть, смотрю на Рекса. Он грызёт своё лакомство и посматривает на меня. Кажется, мы друг другу нравимся.

Матвей возвращается.

— Где у тебя ванна? — спрашиваю я. Руки мыть. И вообще, надо взять паузу, потому что сидеть вот так, в его комнате, с ним напротив — это слишком.

— Дверь в ванну в коридоре, — говорит он. — Прямо напротив входной двери.

Я встаю, выхожу в коридор. Нахожу дверь — обычная белая дверь ничем не отличается от других. Берусь за ручку, поворачиваю.

Ничего.

Ручка упирается во что-то, не поддаётся, дверь не открывается. Я дёргаю сильнее — бесполезно.

— Ручка заедает, — слышу я голос Матвея. И шаги.

Он подходит ко мне.

Слишком близко.

Настолько близко, что я чувствую запах мяты и ещё чего-то — геля для душа, наверное. Его плечо почти касается моего плеча. Он тянется к ручке — его рука накрывает мою, вынуждая меня отпустить.

— Дай помогу, — говорит он тихо.

И поворачивает ручку особым движением — не просто вниз, а немного на себя. Ручка поддаётся. Дверь открывается.

Повисает пауза.

Я не дышу.

Он стоит так близко, что я вижу его ресницы. Они длин-

ные. У мужика. Длинные ресницы. Это несправедливо.

— Всё, — говорит он, отступая на шаг.

— Я поняла, — выдыхаю я и захожу в ванную. Закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной.

Сердце колотится.

— Спокойно, Вероника, — шепчу я себе. — Он просто показал, как открывать дверь. Он не специально встал так близко. Случайно. Или не случайно?

— Не думай об этом, — говорю я своему отражению в зеркале.

Отражение смотрит на меня с лёгким испугом.

Я мою руки, смотрю на свою щётку для волос в рюкзаке — решаю не доставать. И так сойдёт.

Выхожу.

Матвей стоит в коридоре. Ждёт.

— Проходи, — кивает он в сторону комнаты.

Я прохожу. Сажусь на диван.

Рекс поднимает голову от лакомства, проверяет, всё ли в порядке, и снова возвращается к своему занятию.

— Ты его на улице нашёл? — спрашиваю я, чтобы нарушить тишину.

— Привязанного к столбу, — Матвей садится в кресло, открывает свою банку энергетика. — С запиской на ошейнике.

— И ты взял?

— А что мне было делать? — он пожимает плечами. —

Оставить?

— Не знаю. Многие бы оставили.

— Я не многие.

Мы смотрим друг на друга.

Я замечаю новые детали. У него шрам на брови — едва заметный, белая полоска. Кисти рук — большие, с выступающими венами, на пальцах мозоли. Наверное, от клюшки.

— Полчаса, по-твоему, это много или мало? — вдруг спрашивает он.

— В каком смысле?

— Кир просил занять тебя на полчаса. Я думаю, это слишком мало, чтобы успеть надоесть друг другу. А ты?

Я смотрю на него.

— Ты уже начал надоедать, — говорю я. — Где-то на пятой секунде.

Он усмехается.

— А ты врешь уже на первой.

— Не вру.

— Врешь. Я тебе ещё не надоел.

— Уверен в себе, — закатываю я глаза.

— Уверен в том, что ты не стала бы сидеть здесь, если бы я тебе надоел.

Я открываю рот, чтобы ответить. Закрываю.

Потому что он прав.

Я сижу здесь. С ним. В его квартире. С его собакой. И мне не надоело.

Это пугает.

Мы сидим в тишине, и я начинаю привыкать. К запаху мяты. К Рексу, который догрыз своё лакомство и теперь смотрит на меня сонными глазами. К Матвею напротив — ослабленному, без этой вечной брони, которую он надевает на людях.

— Ужинать будешь? — спрашивает он, как будто мы встречаемся не первый раз, а живём вместе уже лет десять.

— Снег пойдёт, — отвечаю я. Потому что предложение ужина от Градова — это уровень «конец света».

— Киру высказывай, — он откидывается на спинку кресла. — Он меня убьёт, если ты не поешь.

— Ты его боишься?

— Я с ним в одной команде. Бояться и уважать — разные вещи.

— И что ты чувствуешь?

— Уважение, — он пожимает плечами. — И желание иногда придушить. Как к брату.

Я киваю. Я знаю это чувство.

— Так что? — он возвращается к теме еды. — Суши?

— Да, давай, — соглашаюсь я. Потому что суши — это безопасно. Суши — это просто еда, а не признание в чём-то.

— Пицца? — уточняет он.

— Можно, — киваю я.

— Ты определись, Соболева. Суши или пицца.

— Оба.

— Оба? — он приподнимает бровь.

— Я голодная, — честно признаюсь я. — И у меня СДВГ. Я могу забыть поесть на несколько часов, а потом хочу съесть всё, что вижу.

— А что ты видишь?

— Сейчас — твоё лицо. Но оно не съедобное.

Он усмехается. Достает телефон из кармана, разблокирует, открывает приложение доставки.

И в этот момент телефон пиликает.

Сообщение.

Матвей смотрит на экран, потом на меня. И — о, чудо — ухмыляется.

— Ты хочешь это услышать? — спрашивает он.

— Если это не твоя хоккейная зайка, то да, — отвечаю я.

Он читает вслух.

— «Бро, у меня небольшая проблема. С меня всё, что захочешь. Мне нужно чуть больше времени. P.S. Не говори Нике, что везу Машу к нам домой. Она меня будет подъёбывать год».

Я замираю.

Сообщение от Кира.

Про Машу.

Про «к нам домой».

Я смотрю на Матвея. Он смотрит на меня. В его глазах — чёрт, он веселится. Ему нравится, что я в шоке.

— Так мой брат всё-таки натурал, — говорю я.

Матвей усмехается.

— Это прикрытие, — он откладывает телефон. — На самом деле он имел в виду, чтобы я отвёз тебя к одной из твоих подруг, а сам ехал к вам.

— Ты опять? — я прищуриваюсь.

— Это называется душевность, а не гейство, — он производит это так серьёзно, что я сначала даже не понимаю, шутит он или нет.

А потом я вижу смешинки в его глазах.

— Ты издеваешься, — констатирую я.

— Всего лишь возвращаю должок, — он пожимает плечами. — За тот раз. На практике.

— За тот раз, когда я назвала тебя козлом?

— За тот раз, когда ты покраснела, — поправляет он. — И было очень мило.

— Я не краснела, — автоматически отвечаю я.

— Покраснела. Снова.

Я чувствую, как щёки теплеют.

— Это из-за жары, — говорю я.

— На улице ноябрь, — напоминает он.

— Батареи работают.

— У меня в квартире прохладно, — он смотрит на меня с торжеством. — Проверь сама.

Я открываю рот, чтобы ответить — и закрываю. Потому что он прав. В квартире действительно прохладно. Батареи еле греют.

— Ты специально меня провоцируешь, — говорю я.

— Получается, — он кивает. — И это работает.

— Я сейчас уйду.

— Не уйдёшь. Ты голодная, и ждёшь, пока твой брат приведёт девушку в дом твоих родителей.

Я смотрю на него.

— Откуда ты знаешь, что я голодная?

— Сказала сама. И про СДВГ, и про еду.

— Я могла соврать.

— Ты не умеешь врать, Соболева. — Он тянется к телефону. — Так что будем заказывать? Суши и пиццу?

— Да, — сдаюсь я. — И добавь ещё что-нибудь сладкое.

Он набирает заказ, не глядя на меня. А я смотрю на него и думаю.

Почему с ним так легко?

Почему я не хочу уходить?

Почему Рекс спит у моих ног, а я глажу его за ухом, и это кажется самым нормальным в мире?

— Заказал, — Матвей откладывает телефон. — Привезут через час.

— Через час?

— Ты сказала «оба». И сладкое. Придётся ждать.

— Мы будем сидеть и молчать час?

— Можем не молчать, — он поднимает на меня глаза. — Расскажи мне что-нибудь. Что угодно.

Я думаю.

Что я могу ему рассказать?

О своих открытых вкладках? О том, что я боюсь темноты, хотя мне девятнадцать? О том, что я рисую, когда не могу уснуть? О том, что вчера ночью я листала его фотографии в соцсетях — и это был не контроль, а просто... любопытство?

— У меня есть хомяк, — говорю я.

— Что? — он моргает.

— Хомяк. Его зовут Стив. Он живёт у меня в комнате и иногда ночью бежит в колесе так, что я просыпаюсь и думаю, что в квартиру залезли.

Матвей смотрит на меня.

— Хомяк.

— Ага.

— Стив.

— Да.

— Это короткое от Стивена?

— Это короткое от «Стив, прекрати грызть мои провода».

Он усмехается. Не оценивающе — по-настоящему.

— А у меня Рекс, — говорит он. — Тоже неожиданно.

— Ты его оставишь?

— Не знаю, — он смотрит на пса, который спит у моих ног. — У меня никогда не было собаки.

— У меня тоже. Только хомяк.

— Хомяк — это не собака, Соболева.

— Хомяк — это тоже ответственность, — возражаю я. — Стивен требует корма, воды, любви. И иногда моих нервов.

Он улыбается. Я вижу, как он улыбается. Не усмехается, не кривит губы — улыбается. Открыто, без защиты.

— А ты не такая, какой я тебя представлял, — говорит он.

— А какой ты меня представлял?

— Не знаю, — он пожимает плечами. — Тихая, забитая, вечно в наушниках. А ты...

— Я — что?

— Ты — громкая, — он находит слово. — Не голосом. Внутри. В тебе как будто живёт ураган, который ты пытаешься спрятать.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. В тишине. Под храп Рекса.

— Ты опасный, Градов, — говорю я.

— Почему?

— Потому что видишь то, что я прячу.

— А ты думала, я не замечу?

Я отвожу взгляд. Внутри открывается новая вкладка. «Градов видит меня». И я не знаю, радоваться этому или бояться. Телефон в кармане вибрирует. Опять Лиза и Лера.

Рекс встал. Потянулся — сначала передними лапами вперёд, потом задними назад, так что выгнулся дугой и стал похож на чёрную горбатую гусеницу. Потом смачно зевнул — я даже увидела его розовую пасть и белые клыки — и вышел куда-то в сторону коридора. Я не придавала этому значения. Собаки ходят туда-сюда, это нормально. Но через минуту он вернулся. С поводком в зубах. Чёрный кожаный пово-

док свисал с обеих сторон его морды, но Рекс держал его так аккуратно, будто нёс величайшую драгоценность. Подошёл к Матвею, сел и посмотрел на него. Потом перевёл взгляд на меня. Потом снова на Матвея. Хвост не вилял. Ждал. Матвей усмехнулся.

— Пойдёшь с нами? — спросил он, глядя на меня.

— В смысле? — я не поняла.

— Гулять, — он кивнул на пса. — Ему надо. Да и нам не помешает размяться.

Рекс услышал слово «гулять». Хвост, который до этого висел спокойно, вдруг затарабанил по полу с такой силой, что я испугалась за половицы. Бум-бум-бум-бум — как метроном на максимальной скорости. Пёс смотрел на меня. В его глазах была надежда. Настоящая, собачья, беззащитная надежда сорокакилограммового чёрного зверя.

— Курьер? — нашла я единственный аргумент.

— Будет через час, — Матвей встал с кресла, взял у Рекса поводок из зубов — пёс отдал без звука, просто разжал челюсти. — Пятнадцать минут прогулки погоду не сделают.

— А если мы пропустим?

— Уведомление придёт в телефон. Успеем.

— Ты так уверен?

— Я живу здесь два года, Соболева. Курьеры в этом районе всегда опаздывают. — Он накинул куртку. — У нас есть минимум двадцать минут.

Рекс уже стоял у входной двери и вилял хвостом. Вилял

так, что его задние лапы отрывались от пола.

— Ты видишь? — Матвей кивнул на пса. — Он тебя зовёт.

— Он зовёт на улицу. Ему всё равно, с кем.

— Рекс, кого ты хочешь на прогулку? — спросил Матвей.

Пёс посмотрел на него. Потом на меня. Потом снова на него. И твякнул. Один раз. Коротко.

— Он тебя выбрал, — перевёл Матвей. — Идём.

Я смотрела на эту сцену и понимала, что сопротивляться бесполезно. Потому что собак я боюсь меньше, чем людей. А Рекс — даже не страшный. У него глаза умные и грустные. Как будто он знает что-то, чего не знаю я.

— Ладно, — сдалась я и встала с дивана. — Но пятнадцать минут. И если курьер позвонит — мы бежим обратно.

— Бегом через дворы — это моё второе имя, — Матвей открыл дверь.

— Твоё второе имя — «козёл», — напомнила я, надевая куртку.

— Это третье.

Мы вышли на лестничную клетку. Рекс уже тянул вниз, но Матвей сказал «рядом», и пёс тут же прижался к его ноге. Я закрывала дверь и думала: как он это делает? Как заставляет огромную овчарку слушаться одним словом?

— Секрет в голосе, — сказал он, будто прочитал мои мысли. — Собаки чувствуют, когда ты врёшь. И когда ты уверен.

— А люди?

— Люди хуже, — он начал спускаться по лестнице, Рекс

рядом. — Люди сами не знают, чего хотят.

— Например?

Я спускалась следом, смотрела на его спину — широкую, прямую, обтянутую чёрной курткой.

— Например, ты, — он не обернулся.

— Я знаю, чего хочу.

— Знаешь?

Мы вышли на улицу. Ноябрьский воздух ударил в лицо, и я натянула капюшон. Рекс сразу оживился — потянул носом воздух, натянул поводок, но не рванул, не потащил. Просто шёл чуть быстрее, как будто ждал разрешения перейти на бег.

— Соболева, — Матвей отпустил поводок — Рекс сделал круг, обнюхал куст, дерево, фонарный столб. — Ты знаешь, чего хочешь от жизни?

— От жизни?

— От учёбы. От карьеры. От себя.

— А ты?

— Я спросил первый, — он остановился и посмотрел на меня.

Фонари уже горели — жёлтые, больные, ноябрьские. Свет падал на его лицо, делая его ещё более резким. Скулы, тени под глазами, шрам на брови.

— Я хочу делать то, что умею, — ответила я. — Рисовать, кодить, создавать. Чтобы мои макеты жили. Чтобы я не потеряла себя.

— В макетах?

— В жизни, — поправила я. — Макеты — это способ не потеряться.

Он смотрел на меня.

— А ты? — спросила я. — Что хочешь ты?

Он повернулся к Рексу, который нашёл палку и теперь сидел и ждал, когда ему её кинут.

— Я хочу, — сказал он медленно, — чтобы однажды я проснулся и не захотел никуда бежать.

— От себя?

— От всего. — Он взял палку у Рекса и кинул далеко. Пёс рванул, чёрной молнией на фоне серого асфальта. — Чтобы тишина в голове была не пустотой, а спокойствием. Ты понимаешь?

Я понимала. Потому что моя голова — это вечный шум. Вкладки, открытые одновременно. Паника, дедлайны, потерянные ключи. Тишина — это роскошь. Спокойствие — это что-то из другой жизни.

— Понимаю, — тихо сказала я.

Рекс принёс палку, положил её к ногам Матвея. Не просил кинуть ещё — просто положил и сел. Ждал.

— Он всё понимает, — я кивнула на пса.

— Он умный, — Матвей погладил Рекса по голове. — Умнее многих людей.

— Это ты про меня? — прищурилась я.

— Это я вообще, — он усмехнулся. — Не принимай на

свой счёт.

Мы погуляли ещё минут десять. Рекс бегал, нюхал, один раз гавкнул на кота — тот даже не вздрогнул, просто посмотрел свысока и ушёл по своим делам.

А потом я достала телефон — курьер написал, что будет через пять минут.

— Пора, — сказала я.

— Успеваем, — Матвей свистнул Рексу, и пёс прибежал мгновенно. Сел. Ждал.

— Как ты его научил?

— Он сам умеет, — Матвей пристегнул поводок. — Я только сказал «можно» и «нельзя». Остальное он знал до меня.

— Хозяева научили, — догадалась я.

— И выкинули, — кивнул он.

Мы пошли обратно. Рядом. Я — слева, Рекс — справа от Матвея, поводок свободно свисает.

— Тебе не страшно с ним? — спросила я. — Он же большой.

— Мне страшнее без него, — ответил он.

Мы зашли в подъезд. Рекс поднимался по лестнице медленно — не потому что устал, а потому что ждал меня. Обернулся, посмотрел, убедился, что я иду — и продолжил.

— Твой пёс меня охраняет, — заметила я.

— Ты ему нравишься, — Матвей открыл дверь квартиры.

— А ты? — спросила я, заходя.

Он закрыл дверь за мной.

— Я не собака. Я сложнее.

— Это точно, — буркнула я, снимая кроссовки.

Рекс уже лежал на своём месте у батареи и смотрел на меня счастливыми глазами. Я села на диван. Матвей — в кресло.

Через три минуты позвонил в домофон — курьер. Мы так и не договорили. Но мне почему-то казалось, что мы сказали друг другу больше, чем за все предыдущие разговоры.

Матвей включил телевизор. Какой-то фильм — я даже не разобрала, какой. Что-то зарубежное, с погонями и выстрелами, но звук стоял на минимуме, так что пулемётные очереди превращались в приглушённое «т-т-т-т». Просто шум. Фон. Чтобы не сидеть в тишине, наверное. Он раскладывал еду из коробок. Суши — в одну, пицца — на салфетки, сладкое — отдельно, чтобы не смешивалось с остальным. Делал это аккуратно, даже как-то по-домашнему. Неожиданно для человека, который живёт в однушке и ходит по квартире босиком в ноябре.

Рекс спал. Не просто дремал — спал. Развалился между креслом и диваном, морда на лапах, уши прижаты, даже ухом не повёл на запах еды. Я смотрела на него и завидовала. Способность выключаться на сто процентов — это суперсила.

— Фанатка твоих способностей, — сказал Матвей, заметив мой взгляд.

— Кто?

— Рекс. Он смотрит на тебя как на божество.

— Он спит.

— И видит сны о тебе. Я уверен.

— Ты бредишь, Градов.

— Я наблюдательный, — он пододвинул ко мне тарелку.

— Ешь.

Мы ели. Молча. Не потому что не о чем было говорить — просто не хотелось нарушать тишину. Телевизор бормотал своё, Рекс посапывал в углу, а мы сидели в двух метрах друг от друга и жевали суши. Я поймала себя на мысли, что это нормально. Вот так — с ним, здесь, в этой маленькой квартире, где пахнет мятой и псом — нормально. Это пугало. После еды я встала, собрала пустые коробки.

— Давай помогу, — сказала я, когда Матвей начал убирать со стола.

— Не надо, — ответил он.

— Я уже взяла, — я понесла коробки на кухню, он следом.

Кухня маленькая — мы едва помещались вдвоём. Я складывала коробки в пакет для мусора, он вытирал стол.

— Мне вот резко стало интересно, — сказала я.

— Что именно? — он не повернулся.

— Вот что такого девушки находят в тебе? — я закрыла пакет, завязала узлом. — Для меня же ты совершенно обычный.

Он повернулся.

— Харизма? — приподнял бровь.

— На одной харизме не вывезешь, — я опёрлась спиной о кухонный стол.

— Да что ты.

Он приблизился. Я не ожидала. Думала, он останется у стола, будет спорить, как обычно. Но он сделал шаг. Потом ещё один. Я инстинктивно отступила назад, упёрлась в столешницу — и он оказался прямо передо мной. Вплотную. Матвей наклонился. Я почувствовала тепло его тела. Запах мяты и геля для душа. И его дыхание — тихое, ровное — на моей шее.

— А мне ничего делать не приходится, собственно, — прошептал он. Губы почти касались кожи — я чувствовала это каждым нервом. — Наверное, внешность. Но харизма важнее.

Он слегка провёл носом по моей шее. Я замерла. Не дышала. Не двигалась.

— Ты вся дрожишь, — его голос — тихий, хриплый, опасный — обжигал.

— У тебя холодно, — выдавила я.

— Это не от холода, — он чуть отстранился, и я увидела его глаза. Спокойные. Уверенные. Знающие. — Спорим?

Он невесомо дотронулся губами до мочки моего уха. У меня внутри всё рухнуло. Не плавно — резко, как если бы архитектор перепутал чертежи и здание сложилось само в себя. Вкладки, которые я так тщательно выстраивала, схлопнулись в одну. Единственную. Со словами «Градov. Губы.

Шея».

— Что ты делаешь? — спросила я, и мой голос прозвучал чужим. Тонким. Сломанным.

— Отвечаю на твой вопрос, — он не отстранился. Говорил прямо у моего уха, и его дыхание касалось кожи, заставляя мурашки бежать по спине. — Что во мне находят девушки.

— Я не...

— Ты спросила. Я показываю.

Он отступил. Медленно. Как будто нехотя. Сделал шаг — и снова оказался на безопасном расстоянии. Но я всё ещё чувствовала его. На своей шее. На губах. Внутри.

— Теперь поняла? — спросил он, глядя на меня сверху вниз.

Я смотрела на него. На его губы, которые только что касались меня. На его глаза — тёмные, насмешливые, но не злые.

— Ты псих, — сказала я.

— Я честный, — поправил он.

— Это одно и то же?

— Для тебя — возможно.

Он вернулся в комнату. Я осталась стоять на кухне, прильнув к столу, и пыталась вспомнить, как дышать. Моё сердце колотилось. Щёки горели. Внутри всё дрожало — не от холода. Не от страха. От чего-то такого, чего я не могла назвать. Телефон в кармане завибрировал.

Лиза: Ронни? Ты жива?

Я достала телефон, посмотрела на экран.

Я не отвечала. Потому что я не знала, что ответить. Я — Вероника Соболева, которая всегда знает, что сказать — потеряла голос. Потому что Матвей Градов провёл носом по моей шее и коснулся губами моего уха. И мне это понравилось. Понравилось.

— Какого хрена? — прошептала я себе под нос.

— Ты идёшь? — его голос из комнаты.

— Иду, — ответила я.

Выдохнула. Привела в порядок лицо (надеюсь). И пошла. Рекс спал в той же позе, ни о чём не подозревая. Матвей сидел в кресле и смотрел на меня.

— Не бойся, — сказал он. — Я не кусаюсь.

— Ты уже показал обратное, — села на диван, стараясь не смотреть на него.

— Я не кусаюсь без спроса, — поправил он. — Уточнил для протокола.

Я взяла пульт, прибавила громкость. Фильм — про полицейских и грабителей — заполнил комнату выстрелами и криками.

Но я всё равно чувствовала его взгляд. И своё сердце, которое никак не хотело успокаиваться. Полчаса. Всего полчаса. Но эти полчаса изменили что-то, что я считала неизменным. Моё отношение к Градову. Моё представление о себе. Или просто добавили новую вкладку — ту, которую я не смогу закрыть.

«Градов. Губы. Шея».

— Соболева, — голос Матвея пробился сквозь шум фильма.

— Что?

— Ты красная.

— Тебе показалось.

— Не показалось.

— Закрой глаза.

Он усмехнулся. Я смотрела в экран и понимала, что ещё никогда в жизни не была так далека от происходящего на телевизоре. Потому что все мои мысли были на кухне. У стола. С ним.

Телефон Матвея зазвонил, когда я уже почти успокоилась. Почти — потому что сердце всё ещё стучало быстрее обычного, а щёки никак не хотели возвращаться к нормальному цвету. Но я хотя бы перестала думать о том, как его губы касались моего уха. Почти. Он взял телефон, посмотрел на экран. Усмехнулся. Я не поняла, что значит эта усмешка — но что-то в ней было нехорошее. Предчувствие.

— Ну что, герой-любовник, как свидание? — сказал он в трубку.

Пауза.

— В смысле? — его голос изменился. Стал жёстче.

Ещё пауза. Я слышала, как на том конце что-то говорят — голос знакомый, но слов не разобрать.

— Соболев, ты издеваешься? — Матвей закрыл глаза.

Мой брат. Звонит Матвею. И судя по тону, разговор идёт не о погоде.

— Да ну, нет, — он открыл глаза, посмотрел на меня. Взгляд — нечитаемый. — Я согласился на полчаса, уже полтора прошло.

Матвей закрыл глаза снова. Глубоко вздохнул. Я видела, как его челюсть сжалась.

— Во сколько? — спросил он тихо.

Пауза.

— Утром?? — его голос поднялся на полтона.

Ещё пауза.

— Кир, ты...

С того конца повесили трубку. Матвей опустил телефон, посмотрел на него, потом на меня. Ничего не сказал. Просто сидел и смотрел.

— Что? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Твой брат, — он откинулся на спинку кресла, — просит, чтобы ты осталась у меня с ночёвкой.

— Что? — переспросила я, потому что надеялась, что ослышалась.

— Он сказал, что они с Машей задержатся. Что родители уехали на дачу до завтра. И что тебе одной нельзя, потому что ты потеряешь ключи или забудешь закрыть дверь.

— Я не теряю ключи так часто, — возразила я.

— Он сказал, что ты теряешь их постоянно.

— Это клевета.

— Соболева, — Матвей смотрел на меня устало, — я твой брат не для того, чтобы спорить. Я просто передаю.

Мы замолчали. Я думала. Ночь. У Матвея Градова. В его квартире. Где он только что касался губами моего уха.

— У тебя есть вторая кровать? — спросила я.

Он встал, кивнул в сторону коридора.

— Спальня.

— Я думала, ты живёшь в однушке.

— Я живу в двушке, — он открыл дверь в комнату, которую я не заметила. — Просто сплю на диване. Так привык.

Я заглянула. Спальня была... неожиданной. Большая кровать — я таких не видела, кроме как в отелях. Застелена тёмно-серым покрывалом, на подушках — никаких рюшечек, строго и просто. Шкаф-купе во всю стену. Стол у окна, на столе — стопка книг. Я пригляделась: фэнтези, детективы, одна книга по психологии. Книжный шкаф в углу.

И чистота. Идеальная. Как и во всей квартире.

— Ты тут вообще живёшь? — спросила я.

— Ночевал пару раз, когда болел. Потом вернулся на диван, — он пожал плечами. — На диване быстрее просыпаться до тренировки.

— Ты странный, Градов.

— Я говорил.

Он достал из шкафа чистое постельное — простынь, одеяльник, наволочку. Положил на кровать.

— Постелишь сама? Я не умею.

— Ты живёшь один и не умеешь заправлять кровать?

— Я сплю на диване. Раз в две недели приходит клининг.

— Клининг? — я приподняла бровь.

— У меня нет времени пылесосить, Соболева. Я хоккеист.

И программист. Иногда.

Я взяла постельное.

— Ладно. Но предупреждаю: если я проснусь от того, что ты стоишь надо мной с ножом, я расскажу Киру.

— Не надо ножа, — он повернулся и пошёл к выходу. — Я просто буду громко храпеть на диване. Или Рекс.

— А где будет Рекс?

— Где захочет. Обычно у батареи. Но может прийти к тебе, если ты ему нравишься.

— И что мне тогда делать?

— Гладить. И не дёргаться. Он не кусается.

Матвей вышел. Я осталась в спальне. Огляделась. Большая кровать, чистое бельё, тишина. За стеной — он. Я села на кровать, посмотрела в окно. Ночь. Фонари светят жёлтым. Казань спит.

Телефон завибрировал.

Кир: Ронни, извини. Не получилось иначе.

Ника: Ты серьёзно оставил меня у Градова?

Кир: Я ему доверяю. И тебя прошу. Не убегай никуда и не теряй ключи.

Ника: Ты псих.

Кир: Я брат, который хочет, чтобы его сестра была в без-

опасности. А он — единственный, кому я верю.

Я посмотрела на сообщение. Единственный, кому я верю. Кир доверяет Матвею. Настолько, что оставляет меня здесь. На ночь. А я? Я тоже ему верю? Или боюсь не его, а себя? Я легла на кровать, укрылась одеялом. Запах — мята и чистота.

Никакого другого запаха. Как будто здесь никто не живёт. А за стеной — человек, который спит на диване, потому что так быстрее просыпаться. Странный. Опасный. Притягательный. Я закрыла глаза и поняла, что не усну. Не сегодня. Потому что в голове открылась тысяча вкладок. И все они — про него.

Глава 10. Матвей

Душ — это единственное место, где я могу думать. Вода горячая, почти кипятки, пар поднимается к потолку, и в этом белом шуме мысли текут иначе. Не скачут, не рвутся наружу — просто плывут, как бревна по реке. Сегодня они плывут вокруг неё. Вероника в моей квартире. Вероника в моей спальне. Вероника, которая дрожала, когда я коснулся её шеи. Зачем я это сделал? Потому что она спросила. Потому что хотел посмотреть на её реакцию. Потому что сам хотел проверить — что будет, если подойти слишком близко. Теперь знаю. Она дрожит. Краснеет. И говорит, что у меня холодно. Врёт. И знает, что я знаю. Я выключаю воду, вытираюсь. Полотенце оборачиваю вокруг бёдер — на кухню идти, а там она. Одеваться не хочу. Пусть видит. Пусть привыкает, что я в своей квартире хожу как хочу. Выхожу в коридор. На кухне горит верхний свет — яркий, белый, выбешивающий. Я его терпеть не могу, обычно включаю только подсветку. Но она, видимо, не нашла выключатель. Стоит у раковины. Бокал воды в руках. Смотрит в окно, хотя там только темнота и отражение её лица. Я останавливаюсь в дверях кухни, скрещиваю руки на груди, опираюсь плечом о косяк. Наблюдаю.

Она не замечает меня. Слишком глубоко в своих мыслях. Вкладки, наверное, все открыты одновременно, и она переключается между ними так быстро, что не видит ничего во-

круг.

— Ты чего зависла? — спрашиваю я.

Она дёргается. Бокал в её руке качнулся, вода плеснула через край. Она не оборачивается — просто замирает на секунду, потом медленно поворачивается. Видит меня. Я вижу, как её взгляд опускается ниже лица. На секунду задерживается на моих плечах, на груди, на полотенце. Она резко разворачивается обратно к окну.

— Я так понимаю, душ свободный? — спрашивает она, и голос у неё странный — высокий, сдавленный, как будто ей не хватает воздуха.

Я не сдвинулся с места.

— Ага, — отвечаю спокойно.

— Пройти дашь? — она всё ещё не поворачивается.

Я слегка разворачиваюсь, освобождая проход. Но не ухожу. Остаюсь стоять, прислонившись к косяку, и смотрю, как она идёт мимо. Старается не смотреть в мою сторону. Плечи напряжены, шаги мелкие, быстрые.

— Ты меня теперь избегаешь? — спрашиваю я, когда она поравнялась со мной.

Она останавливается. Смотрит в пол.

— Просто не привычно видеть тебя в таком амплуа, — говорит она тихо.

Я приподнимаю бровь.

— Не смотри так на меня, — она всё ещё не поднимает глаз.

— Как? — я наклоняю голову.

— Как... — она замолкает, подбирая слова. Не находит.

Я решаю её добить. Не со зла — так, чтобы она перестала нервничать. Иногда лучший способ успокоить человека — это разозлить его.

— Напоминаю, Соболева, — говорю я ровно. — Спать с тобой я не намерен. Ты не в моём вкусе.

Она поднимает голову. В глазах — смесь облегчения и раздражения.

— Я помню, — говорит она. — Просто...

— Просто? — подталкиваю я.

— Ты в одном полотенце.

— Я в своей квартире, — пожимаю я плечами. — Ты лишь временная гостья и младшая сестра моего лучшего друга. Я лишь оказал ему услугу. — Я делаю паузу, нажимаю на самое чувствительное. — Пока твой брат, я уверен, не скучает в вашей квартире в своей спальне с этой Машей. Надеюсь, объяснять не надо, чем они занимаются?

Она выставляет руки вперёд, как будто отгораживается от меня.

— Не надо, я поняла, — говорит быстро.

— Очень на это надеюсь, — киваю я.

Потом вспоминаю про бытовые мелочи.

— В ванной есть чистые полотенца, — говорю я. — Извини, гель для душа для тебя не предусмотрел. Кир — сволочь, говорил, что только полчаса, а не на ночь. Так что только

мужской.

Она слушает, сжав губы.

— Футболку для сна найдёшь в моей спальне, — продолжаю я. — В шкафу. Вопросы?

— Вопросов нет, — она смотрит на меня с вызовом. — Только утверждение: ты прямолинейный мудака.

— Не новость, — усмехаюсь я.

— Ещё скажи, что Кир все твои планы на сегодняшний вечер тебе испортил, — она складывает руки на груди.

Я смотрю на неё.

И снова решаю поддаться. Потому что могу. Потому что она ждёт, что я буду оправдываться, а я не оправдываюсь никогда.

— Да, — говорю я спокойно. — Хотел пригласить одну блондиночку к себе и трахнуть. Но я в роли няньки.

Она моргает.

— Можно было и не так прямо, — выдыхает она.

— А что мне надо было сказать? — я приподнимаю бровь. — «Заняться любовными утехами»? Мы не в девятнадцатом веке, Соболева.

— Ты меня бесишь, — говорит она, и в её голосе — настоящая злость. Не та, дежурная, которую она включает для виду. А настоящая.

Я делаю шаг вперёд.

Она не отступает.

Я подхожу вплотную — так, что между нами нет расстоя-

ния. Чувствую её запах — что-то цветочное, нежное. Вижу её глаза — тёмные, широкие, с расширенными зрачками.

— Взаимно, Соболева, — говорю я тихо.

Она смотрит на меня. Я смотрю на неё. Мы дышим одним воздухом. Я чувствую, как её пульс бьётся у неё на шее — вижу, слышу, ощущаю каждой клеткой. Она отступает первой. Делает шаг назад, разворачивается и идёт в ванную, не оборачиваясь. Я остаюсь стоять в коридоре. Слышу, как щёлкает замок. Выдыхаю. Потом иду в комнату, ложусь на диван, закрываю глаза. Рекс подходит, ложится рядом, кладёт голову мне на ноги.

— Она меня бесит, — говорю я псу.

Он вздыхает.

— И я её бешу, — добавляю я.

Рекс смотрит на меня с укором.

— Что? — спрашиваю я. — Ты на её стороне?

Он кладёт голову обратно и закрывает глаза. Предатель. За стеной слышно, как шумит вода в душе. Я закрываю глаза и думаю о том, что сегодняшняя ночь будет длинной. Очень длинной.

Рекс сидит у своей миски и смотрит на меня. Не просто смотрит — сверлит взглядом. В его глазах — вся гамма собачьих эмоций: надежда, нетерпение, лёгкое презрение к тому, кто так долго возится с пакетом корма.

— Сейчас, сейчас, — бормочу я, насыпая гранулы в миску. — Ты думаешь, это я виноват, что ты просыпаешься на

заре?

Рекс не отвечает. Как только я ставлю миску на пол, он втыкается в неё мордой и начинает хрустеть с такой интенсивностью, будто его не кормили неделю.

А мы уже успели погулять. Два круга вокруг дома — быстрым шагом, потому что утро, холод, и я хотел вернуться до того, как она проснётся. Она спит. Я выглядываю в коридор — дверь в спальню приоткрыта, оттуда не доносится ни звука. Ровное дыхание, тишина. Совсем не такая, как я ожидал. Честно говоря, я ожидал, что она будет ворочаться. Вставать посреди ночи. Бродить по квартире в поисках стакана воды или потерянных ключей. Но она спала. Всю ночь — ни звука. Может, вымоталась. Или в чужой постели ведёт себя тихо. Или просто умеет отключаться, когда надо.

Рекс доедает, вылизывает миску, поднимает голову и смотрит на меня. Потом переводит взгляд в сторону спальни.
— Знаю, — говорю я. — Она ещё там.

Пёс снова смотрит на меня.

— Не надо на меня так смотреть, — бурчу я. — Ничего не было.

Рекс фыркает. Я готов поклясться — он мне не верит. Я иду на кухню, ставлю чайник. Кофе не хочу — хочу чай. Обычный, чёрный, без сахара. Завариваю, сажусь на табуретку, смотрю в окно. Ноябрьское утро. Серое. Холодное. На стекле — конденсат, капли собираются в ручейки и стекают вниз. Я думаю о вчерашнем. О том, как она стояла на кухне

в моей футболке. Не в той, которую я предложил — взяла самую простую, чёрную, которая висела в шкафу три года и никто её не носил. На ней она выглядела... не так, как обычно. Обычно Вероника — это свитера оверсайз, наушники, потерянный взгляд. А вчера — моя футболка, голые ноги, мокрые волосы после душа. Она вышла из ванной, прошла в спальню, даже не посмотрев в мою сторону. И закрыла дверь.

Я слышал, как она ложилась. Как поворачивалась. Потом тишина. Я лежал на диване, смотрел в потолок и думал. О том, что соврал. Про блондиночку. Про планы на вечер. Не было никакой блондиночки. Не было планов. Я хотел провести этот вечер один. С Рексом. С тишиной. А провёл с ней. И почему-то не жалею. Чайник остыл. Я допиваю чай полусладким, мою кружку, вытираю руки. Рекс сидит в коридоре и смотрит на дверь в спальню.

— Она проснётся, — говорю я ему. — Не сиди как пёс. Он не двигается.

— Ты и есть пёс, — напоминаю я.

Он виляет хвостом один раз. И продолжает сидеть. Предатель. Я прохожу в комнату, сажусь на диван. Беру телефон — ни одного важного сообщения. Ник прислал мем про вчерашнюю игру, Дэн уточнил расписание, Тигр молчит, Кир — ни слова. Правильно. Стыдно должно быть. Я открываю чат с Киром, печатаю.

М: Живой?

Ответ приходит через минуту.

Кир: Нет. Я умер от счастья.

М: Рад за тебя. А сестру когда забирать?

Кир: Через пару часов. Пусть поспит.

М: Ты меня в няньки записал.

Кир: В лучшие няньки.

М: Иди ты.

Кир: Спасибо, Град. Серьёзно.

Я смотрю на экран, не знаю, что ответить. Сбрасываю. Рекс вдруг поднимает голову, наостряет уши. Смотрит в сторону спальни. Я тоже слышу — движение. Шелест простыней. Шаги босых ног по полу. Дверь открывается. Вероника выходит в коридор. В моей футболке, которая доходит ей почти до колен. Волосы спутаны — она спала, не сушила их после душа, и теперь они лежат как попало. Глаза сонные, на лице — отпечаток подушки. Она смотрит на меня. Я смотрю на неё.

— Доброе утро, — говорю я.

— Утро? — она моргает. — Который час?

— Половина девятого.

— Половина девятого? — она трогает свои волосы. — Я проспала?

— Ты отдыхала.

— Я никогда так долго не сплю, — она зевает, прикрывая рот ладонью. — У меня СДВГ. Мой мозг не умеет так долго отключаться.

— Умеет, как видишь.

Рекс встаёт, подходит к ней, трогает носом её ногу. Она наклоняется, гладит его по голове, и пёс закрывает глаза от удовольствия.

— Кофе? — спрашиваю я.

— Чай, — отвечает она. — С мёдом, если есть.

— Мёда нет.

— Тогда без.

Я иду на кухню, ставлю чайник. Она идёт за мной, садится на табуретку, кутается в мою футболку. Мою. Футболку.

На ней. Я отворачиваюсь к окну.

— Ты как спала? — спрашиваю я, чтобы не молчать.

— Странно, — честно отвечает она. — Кровать слишком большая. И пахнет... не знаю.

— Чем?

— Ничем, — она пожимает плечами. — Как будто там никто не живёт.

— Там никто не живёт, — напоминаю я. — Я сплю на диване.

— Почему?

— Не люблю большие кровати. Слишком много места. А я привык к малому.

— Это метафора? — она смотрит на меня.

— Это констатация факта, — я разливаю чай по кружкам.
— Твой брат был таким же. В детстве. Мы как-то ездили на сборы, он жаловался, что в гостинице кровать слишком широкая, он боится потеряться во сне.

— Кир боялся потеряться в кровати?

— Детская травма, — пожимаю я плечами. — У каждого свои тараканы.

Она берёт кружку, греет ладони. Смотрит на меня.

— А у тебя?

— Что у меня?

— Какие тараканы?

Я молчу.

Смотрю на пар, поднимающийся над чашкой.

— Я сплю на диване, — говорю я. — Люблю, когда за спиной стена. Мне так безопаснее.

— Ты кого-то боишься?

— Себя, — отвечаю я, не ожидая, что скажу это вслух.

Она молчит. Рекс садится между нами, переводит взгляд с меня на неё и обратно.

— Ты странный, Градов, — наконец говорит она.

— Я в курсе.

— И иногда — почти нормальный.

— А иногда?

— Иногда — мудака.

— Это я тоже знаю.

Она улыбается. Сонная, растрёпанная, в моей футболке — и улыбается. Я смотрю на её улыбку и чувствую, как внутри что-то сжимается. Как будто Рекс наступил лапой на грудную клетку.

— Соболева, — говорю я.

— М?

— Надень штаны.

Она смотрит на свои голые ноги, потом на меня. Щёки розовеют.

— Я в спальне оставила джинсы, — бормочет она и быстро уходит.

Я остаюсь на кухне, смотрю в чашку. Рекс смотрит на меня.

— Заткнись, — говорю я ему.

Он не говорит ничего. Но его взгляд красноречивее любых слов.

Вероника вернулась из спальни в джинсах. Моя футболка осталась на ней — заправила её в джинсы, и теперь это выглядело почти как нормальный наряд. Почти. Потому что футболка была моя, и я знал, как она сидела на мне, а на ней — иначе. Мягче, что ли. Или это мне казалось. Она села на табуретку, взяла кружку с чаем, который уже почти остыл. Рекс тут же положил голову ей на колени. Предатель.

— Сегодня игра, — сказала она.

— Ты только что проснулась, а уже о хоккее? — я откинулся на спинку стула, сложил руки на груди.

— Ты сам сказал, что мы идём. Я должна быть в курсе.

— О, так ты теперь хоккейный эксперт?

— Я — сестра хоккеиста, — она подняла палец. — Я кое-что знаю.

— Серьёзно? — я приподнял бровь. Сейчас будет весело.

— Серьёзно.

— Ну давай, — я развернулся к ней всем корпусом. — Просвети меня, непросвещённого.

Она поставила кружку, расправила плечи. Приняла боевую стойку. Я чуть не усмехнулся — но сдержался.

— Хоккей — это игра на льду с шайбой и клюшками, — начала она. — Играют две команды по шесть полевых игроков и вратарю.

— По шесть? — перебил я.

— Ну... пять полевых и вратарь. Я хотела сказать шесть — вместе с вратарём. Это я знаю.

— Дальше.

— Игра длится три периода по двадцать минут чистого времени. Если ничья — овертайм, потом буллиты.

— Неплохо, — кивнул я. — База есть. А теперь давай глубже.

Она насторожилась.

— Что значит «глубже»?

— Что такое проброс?

Она задумалась.

— Это... когда шайба пересекает... э-э-э... все линии?

— Неправильно. Проброс — когда игрок бросает шайбу от своей половины площадки за линию ворот соперника. При этом никто из его команды не коснулся шайбы на половине соперника. Тогда игра останавливается, и вбрасывание переносится в зону того, кто сделал проброс.

Она смотрела на меня с выражением «ты сейчас серьёзно?».

— Кто бы мог подумать, что у этих правил есть такие длинные названия, — протянула она.

— Это азы, Соболева.

— Дальше, — она махнула рукой. — Давай, проверяй.

— Что такое щелчок?

— Удар, — ответила она быстро.

— Какой именно?

— Ну... сильный?

— Щелчок — это удар, при котором клюшка бьёт по льду перед шайбой, и та взлетает. Броски бывают разные: щелчок, кистевой, с неудобной руки, добивание. Что ты знаешь о вратарях?

Она прищурилась.

— Они ловят шайбу. И падают на лёд. И у них есть... щитки, ловушка, блокер...

— Ловушка и блокер — это разные вещи, — поправил я. — Ловушка — левая перчатка или правая, зависит от вратаря. Блокер — для отбивания шайбы с другой руки. И ещё у них есть щитки на ноги, нагрудник, вратарская маска. Что ещё?

— Э... — она замаялась. — Клюшка вратарская шире, чем у полевых?

— Бинго, — кивнул я. — Одно попадание.

— Ты невыносим, — она скрестила руки на груди.

— Ты хотела проверить свои знания, — я пожал плечами.

— Я проверяю.

— Ты меня высмеиваешь.

— Я тебя образываю.

Рекс поднял голову, перевёл взгляд с меня на неё, потом обратно. Ему явно нравился наш спор. Или он просто ждал, когда кто-нибудь уронит еду.

— Ладно, — она набрала воздуха в грудь. — Что такое офсайд?

— Положение «вне игры», — я кивнул. — И как оно определяется?

— Если игрок заезжает в зону соперника раньше шайбы?

— Почти. Офсайд фиксируется, когда оба конька игрока находятся за синей линией зоны соперника до того, как туда зайдёт шайба. Если хотя бы один конёк на линии — не офсайд. Исключение — если шайбу вносит сам игрок.

— А если судья не заметил? — спросила она с вызовом.

— Тогда игра продолжается. Но бывают видео-повторы.

— Есть видео-повторы?

— В профессионалах. У нас, студенческая лига, — нет.

Иногда, если судьи сомневаются, советуются друг с другом. Но обычно решение принимают быстро.

Она закивала, делая вид, что запоминает.

— А что такое силовой приём?

— С тобой нельзя такое обсуждать, — серьёзно сказал я.

— Почему?

— Потому что ты испугаешься и не пойдёшь на игру.

— Я не пугливая.

— При силовом приёме игрок атакует соперника с шайбой, используя корпус, — объяснил я. — Можно корпусом, плечом, бедром. Нельзя локтями, прыгать, атаковать в спину или в голову. И нельзя бить того, у кого нет шайбы.

— А если бьют того, у кого нет шайбы?

— Это штраф. Удаление на две минуты, иногда на пять, если грубо. А если очень грубо — до конца игры.

— И какие штрафы бывают? — она подалась вперёд, и я видел, что ей реально интересно. Не притворяется.

— Малый — две минуты. Двойной малый — четыре. Большой — пять. Дисциплинарный — десять. Матч-штраф — до конца игры, команда потом подбирает игрока на замену.

— А если удаляют вратаря?

— Тогда на лёд выходит полевой игрок в качестве вратаря. Но без специальной экипировки. Так себе удовольствие.

— Бывает такое?

— Редко, но бывает, — я усмехнулся, вспомнив один случай. — Наш знакомый вратарь из другой команды получил матч-штраф, на лёд вышел защитник. Пропустил три шайбы за пять минут.

— А есть драки в хоккее?

— В канадском хоккее да, они разрешены. У нас — штраф. Если подрался — удаление на пять минут. Если инициатор — ещё и дисциплинарный.

— А вы дерётесь?

— Я? — я приподнял бровь. — Бывает. Не часто. На льду есть другие способы показать, кто сильнее.

— Какие?

— Забить гол. Отдать голевую. Сделать счёт 5:0. Это лучше любой драки.

Она замолчала. Смотрела на меня так, будто я сказал что-то неожиданное.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — она взяла кружку, отпила остывший чай. — Ты говоришь о хоккее, и ты... другой.

— Какой?

— Нормальный, — она пожала плечами. — Без этой дурацкой брони.

— Может, я без неё и есть, когда речь о том, что я люблю.

Она смотрит на меня.

Я смотрю на неё.

Рекс вздыхает, ложится на пол.

— Ладно, — я хлопнул ладонью по столу. — Хватит теории. Сегодня посмотришь вживую. Разберёшься.

— А вдруг я ничего не пойму?

— А я буду рядом. Спросишь — объясню.

Она улыбнулась.

— Это ты сейчас был милым, Градов?

— Это я был гостеприимным хозяином, — встал, убрал кружку в раковину. — Не путай.

— Жаль, — она тоже встала. — Я уже начала привыкать. К чему привыкать? Ко мне? Или к тому, что я не мудакаждую секунду?

Я не спросил.

Промолчал.

Рекс подошёл к двери, сел. Ждёт прогулку — или просто наблюдает.

— У тебя есть нормальная верхняя одежда для хоккея? — спросил я.

— А что, моя куртка не подходит?

— На улице ноябрь. На стадионе ветер. Игра будет три часа. Там можно замёрзнуть до состояния сосульки.

— Не в первый раз, — пожала она плечами.

— Это не аргумент.

— А что аргумент?

— Я дам тебе свою запасную кофту. Тёплую. И шапку.

— Шапку?

— Я серьёзно. — Я прошёл в спальню, открыл шкаф. — Соболева, ты не представляешь, что такое юниорский хоккей. Там родители орут так, что стёкла дрожат. Холодно. Громко. Страшно. Но круто.

— Ты боишься, что я замёрзну?

— Я боюсь, что ты будешь ныть, а потом Кир сделает мне выговор.

Она усмехнулась. Я достал из шкафа тёмно-синюю кофту — толстую, на флисе, с высоким воротом.

— Держи.

Она взяла, посмотрела на неё.

— Твоя?

— Моя. Но я не ношу. Мне велика.

— Тогда почему она у тебя?

— Подарок, — коротко ответил я. Подарок мамы, которую я видел в последний раз два месяца назад. Не её дело.

Вероника надела кофту поверх моей футболки. Кофта утонула в ней — как и всё, что было не по размеру. Она стала похожа на ребёнка, который нарядился в папину одежду.

Господи.

— Идём? — спросила она.

— Кофту не потеряй, — сказал я вместо «тебе идёт».

— Я не теряю вещи.

— Ты теряешь всё.

— Это дискриминация по диагнозу.

— Это констатация факта.

Мы вышли в подъезд. Рекс остался дома — он уже погулял утром, и на игру собак не пускали.

— Ты переживаешь, что оставляешь его одного? — спросила она, когда я закрывал дверь.

— Он умный, — я спускался по лестнице. — Не подожжёт квартиру.

— А ты проверял?

— Он немецкая овчарка, а не пироман.

— Мало ли.

Я усмехнулся.

На улице было холодно — минус два, серое небо, сухой ветер. Но ноябрьская Казань любит испытывать людей на прочность.

— Машина моя у второго подъезда, — сказал я, застегивая куртку.

— Я помню.

— Садись.

Она села на пассажирское сиденье, пристегнулась, положила руки на колени.

Я завёл двигатель, повернулся к ней.

— Ещё вопросы по хоккею?

— Тысяча, — ответила она. — Но боюсь, на все не хватит времени.

— Времени до стадиона — двадцать минут в пробках. Задавай быстро.

— Что такое «буллит»?

— Штрафной бросок. Нападающий выходит один на один с вратарём.

— А если вратарь ловит шайбу?

— Тогда буллит не засчитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.